ЮНОШЕСКІЕ ГОДЫ

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

и приготовленіе его къ пастырскому служенію.

Л. Соколова.

2-я типографія
А. И. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. губ.
1895.

2007081225

ЮНОШЕСКІЕ ГОДЫ

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

и приготовленіе его къ пастырскому служенію.

Л. Соколова.

2-я типографія
А. И. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. губ.
1895.

(348)

Оттискъ изъ №№ 9, 10 и 11 „Богословскаго Вѣстника" 1895 г.

Печатать дозволяется. Октября 20 дня, 1895 г.

Ректоръ Академіи Архимандритъ Лаврентій.

Юношескіе годы св. Іоанна Златоуста и приготовленіе его къ пастырскому служенію.

I.

Жизнь св. Іоанна Златоуста до принятія крещенія.

Время происхожденія и смыслъ названія Іоанна именемъ Златоуста: разборъ различныхъ мнѣній.—Годъ рожденія Златоуста, его родители, характеръ семейныхъ отношеній, первоначальное вліяніе семьи на характеръ Златоуста, смерть отца, личность матери.—Природныя дарованія Златоуста и образованіе его у Андрагафія и Ливанія.—Замѣчанія объ этихъ учителяхъ Златоуста и ихъ сравнительное вліяніе на личность великаго воспитанника.—Характеръ Ливанія и его преимущественное вліяніе на воспитаніе Златоуста въ отношеніи воли.—Соединеніе горячности и строгости въ его характерѣ.—Отношенія къ товарищамъ, дружба съ Өеодоромъ и Василіемъ.—Выступленіе на гражданскую дѣятельность, занятія адвокатурою, мірская жизнь Златоуста, внутренняя борьба и установленіе личности.—Вліяніе на Златоуста Мелетія Антіохійскаго, характеристика личности послѣдняго.—Крещеніе Златоуста.

Много великихъ пастырей возсіяло на востокѣ въ IV и V вѣкахъ, но едва ли пастырь Церкви какого бы то ни было времени по богатству своей духовной жизни превосходитъ великаго Златоуста. Въ началѣ язычникъ, адвокатъ, образованный человѣкъ, Златоустъ во внутренней жизни своей переживаетъ великій процессъ духовнаго возрожденія. Онъ принимаетъ христіанство, учится началамъ христіанской жизни, самоуглубляется, наблюдаетъ жизнь. Изученіе жизни во всей ея неприглядной наличности отвращаетъ отъ нея Златоуста, онъ признаетъ непригодность мірскихъ началъ для духовной жизни и приходитъ къ сознанію необходимости

аскетизма. Онъ бѣжитъ въ пустыню, предается суровымъ подвигамъ подъ руководствомъ аскета старца. Не удовлетворяясь этимъ, онъ удаляется въ уединенную пещеру и изнуряетъ себя въ продолженіи двухъ лѣтъ до того, что вслѣдствіе болѣзни находится вынужденнымъ возвратиться въ мірское общежитіе. Но этотъ постепенный подвигъ внѣшняго самоумерщвленія былъ въ то же время и непрерывнымъ возрастаніемъ духа,—постепенно очищаясь отъ страстей, Златоустъ все болѣе и болѣе приходитъ къ сознанію невозможности для христіанина личнаго духовнаго подвига безъ служенія ближнимъ. Сама собою нравственная логика привела его къ сознанію необходимости пастырскаго служенія ближнимъ. Его общественное воспитаніе и воспитаніе въ пустыни привели его къ уясненію началъ и задачъ духовной жизни. Пришедши въ Антіохію, онъ уже покорно отдался церковному служенію. Изученіе общественной жизни и своей духовной природы ясно показали ему бѣдственное состояніе нравственной жизни общества и слабость личныхъ человѣческихъ силъ къ возрожденію. Аскетическое воспитаніе пустыни привело къ сознанію недостаточности заботъ о себѣ самомъ безъ служенія ближнимъ, оно показало юному подвижнику необходимость пастырскаго служенія и его возможность при самоотверженіи и помощи божественной благодати. И вотъ онъ оставилъ пустыню и безропотно покорился своему признанію. Въ настоящей статьѣ мы попытаемся прослѣдить постепенный ростъ въ душѣ Златоуста пастырскаго настроенія до принятія имъ на себя пресвитерскаго сана.

Когда усвоено св. Іоанну его cognomen—Златоустъ и какой смыслъ этого названія? Названіе великаго пастыря Христовой Церкви Златоустомъ настолько древне и популярно, что оно извѣстно каждому православному христіанину. Объ Іоаннѣ, пресвитерѣ Антіохійскомъ и даже патріархѣ Константинопольскомъ очень многіе не знаютъ, но съ именемъ Златоуста всякій христіанинъ неизмѣнно соединяетъ представленіе о великомъ и святомъ учителѣ Христовой вѣры, возсіявшемъ на востокѣ во славу Христовой Церкви. Поэтому, знать смыслъ происхожденія этого названія весьма важно. По обычному мнѣнію преданія св. Іоаннъ получилъ названіе Златоуста еще при жизни и даже въ ран-

нюю пору ея—въ періодъ Антіохійскаго пресвитерста. Преданіе это, занесенное въ наши Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго, состоитъ въ слѣдующемъ.—Когда св. Іоаннъ былъ поставленъ пресвитеромъ Антіохійскимъ, онъ началъ съ особеннымъ прилежаніемъ заботиться о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ человѣческихъ и со всею силою своей пастырской ревности предался церковной проповѣди. Проповѣди говорилъ онъ устно и безъ предварительной подготовки. Слава Іоанна, какъ проповѣдника, росла, на его бесѣды стекался весь городъ, чиновники оставляли службу, купцы—торговлю, ремесленники—свои занятія, и всѣ спѣшили въ церковь, гдѣ говорилъ Іоаннъ. Скорописцы записывали его проповѣди и распространяли во множествѣ экземпляровъ „и не бѣ ни единъ во градѣ, иже бы не желалъ слышати Іоанна бесѣдующа“. Не слышать проповѣди Іоанна было великимъ лишеніемъ и вотъ въ это время,—начала его проповѣднической дѣятельности, увлеченные слушатели выражали свой восторгъ кромѣ обычныхъ рукоплесканій и различными словесными похвалами и названіями: „тѣмже и именованія различная похвальная ему творяху;—нѣцыи его зовяху: уста Божія и Христова, друзіи сладкоглаголивымъ его именоваху, иніи же медоточнымъ нарицаху“, говоритъ его житіе. Однако ни одно изъ этихъ многихъ названій не сдѣлалось постояннымъ cognomen Іоанна, а осталось простымъ воспоминаніемъ, какъ выраженіе мимолетнаго восторга восхищенныхъ слушателей. Одно только названіе Златоуста навсегда соединилось съ именемъ Іоанна. Житіе объясняетъ это тѣмъ, что имя Златоуста указываетъ не на минутный восторгъ, а на глубокое удивленіе силѣ словъ Іоанна на ряду съ трудностію ихъ пониманія. „Обыче же блаженный, говоритъ житіе, иногда отъ глубочайшія премудрости износити словеса, а наипаче творяше то въ началѣ пресвитерства своего и составляше проповѣдь не всѣмъ разумительну людемъ ненаученнымъ“. Слава проповѣдника и необыкновенное краснорѣчіе привлекали народъ, но научность нѣкоторыхъ выраженій затрудняла его пониманіе для народа. И вотъ, продолжаетъ житіе, „единою нѣкая жена послушающи и глаголемыхъ неразумѣющи воздвиже гласъ отъ народа и рече къ нему: учителю духовный, паче же реку, *Іоанне Златоустый*, углубилъ еси кладезь святаго тво-

его ученія, а ужа ума нашего суть кратки и не могутъ досязати. Тогда множество народа рекоша: „аще и жена слове сіе изглаголала, но Богъ имя то нарече ему, отселѣ Златоустомъ да будетъ зовомый. Отъ того убо времени и до днесь тако отъ всея церкви именуемый есть. Святый же Златоустый помысли въ себѣ, яко нѣсть полезно хитросплетенное къ народу простирати слово и оттолѣ тщашеся не ухищренными витійскими, но простыми нравоучительными же словесы бесѣду свою украшати, яко да и простѣйшій слышатель разумѣетъ и пользу пріиметъ“ [1]). Такимъ образомъ, по свидѣтельству житія, выходитъ, что названіе Іоанна Златоустымъ относится къ началу его пастырской дѣятельности въ качествѣ пресвитера Антіохійской церкви и указываетъ на опредѣленный историческій фактъ, имѣвшій даже вліяніе на характеръ поученій Златоуста, такъ какъ заставилъ великаго учителя больше сообразоваться съ пониманіемъ народа и заботиться о внѣшней отдѣлкѣ и упрощеніи рѣчи. Св. Димитрій Ростовскій въ словѣ на день Златоуста признаетъ это преданіе за несомнѣнное. Стыдно намъ, начинаетъ онъ свое поученіе, стыдно намъ мужескому полу, яко нынѣ празднуемаго свѣтильника міру, иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго не мы, но жена Златоустымъ нарече. Прозванъ бысть Златоустымъ отъ жены, а не отъ насъ. Спасетъ Богъ тую жену, что хорошее, красное святому Іоанну приличное ему нарекла именованіе,—Златоустый. По истинѣ Богъ усты ея глаголаше, по имени бо и дѣло бяше [2]). Таково обычное объясненіе происхожденія названія Іоанна именемъ Златоуста. Но его нельзя однако считать достовѣрнымъ, принимая во вниманіе съ одной стороны мелочность даннаго факта и его несогласіе съ характеромъ Златоуста, какъ популярнаго проповѣдника. Съ другой стороны указанное объясненіе опровергается достовѣрными свидѣтельствами древности. Преданіе о томъ, что Іоаннъ названъ Златоустымъ за глубину мысли и непонятность выраженія при внѣшней привлекательности еще при жизни своей, основывается на свидѣтельствѣ о томъ

---

[1]) Житіе Іоанна Злат. въ Четьи-Мни. Сентябрь 13 дня, стр. 68.

[2]) Сочиненія св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. ч. III. Поученія на память св. Іоанна Златоустаго, стр, 388—390. Изд. 7, М. 1848.

Метафраста, которое въ свою очередь принимается за достовѣрное у Баронія. Свидѣтельство указанныхъ историковъ говоритъ, что вначалѣ Златоустъ бесѣдовалъ вызвышенно и вслѣдствіе этого былъ непонятенъ для простыхъ слушателей. Послѣ замѣчанія одной благочестивой женщины (pia muliercula) онъ освободился отъ юношескаго увлеченія говорить возвышенно (ipsum vero mutasse e vestigio juvenilis animi cujus est acta petere, institutum, dictionemque faciliorem imis auridus accommodasse) и началъ приспособлять свою рѣчь ко всеобщему пониманію. И вотъ въ это время, т. е. когда онъ во вниманіе къ выраженному мнѣнію народа началъ примѣняться къ простонародному пониманію, народъ неоднократно въ восторженныхъ крикахъ называлъ его Златоустомъ [1]). Однако слѣдуетъ признать справедливымъ замѣчаніе ученаго автора историческаго комментарія о Златоустѣ, Іоанна Штилтинга, что мнѣніе Метафраста не основательно [2]). Въ самомъ дѣлѣ, при внимательномъ изученіи обширныхъ твореній великаго пастыря мы приходимъ къ убѣжденію, что имя Златоуста не было усвоено Іоанну при его жизни. Дѣйствительно, народъ неудержимо стремился на его бесѣды, дѣйствительно, его проповѣди записывались при самомъ ихъ произношеніи и внимательно читались потомъ въ семейныхъ домахъ, дѣйствительно, наконецъ, что восхищенный народъ очень часто прерывалъ своего пастыря громкими рукоплесканіями и словесными выраженіями восторга—обо всемъ этомъ мы находимъ достовѣрнѣйшія свидѣтельства въ самыхъ его твореніяхъ. Златоустъ самъ говоритъ объ отношеніи къ нему слушателей, о ихъ вниманіи къ нему и одобрительныхъ рукоплесканіяхъ и дѣлаетъ критическую нравственную оцѣнку этихъ отношеній. Но онъ нигдѣ не упоминаетъ о названіи себя Златоустымъ, между тѣмъ, если бы послѣднее было усвоено ему при жизни, онъ не преминулъ бы упомянуть въ своихъ бесѣдахъ. Точно также противъ свидѣтельства Метафраста и Баронія говоритъ то обстоятельство, что ни одинъ изъ писателей—современниковъ Златоуста не при-

---

[1]) Qua ex patre illud est consecutus, ut ab omnibus facillime audiretur, atque publicis frequentidusque acclimabionibus „os aureum“ diceretur—s. 691.

[2]) Acta sanctorum tom. IV sept. § LXXXIX s. 691.

своястъ ему этого названія, что было бы невозможно, если бы Іоаннъ названъ былъ Златоустомъ при его жизни. Затѣмъ фактъ усвоенія Іоанну имени Златоуста при его жизни невозможенъ въ томъ смыслѣ, какъ о томъ говоритъ Метафрастъ. Послѣдній замѣчаніе женщины, назвавшей Іоанна именемъ Златоуста ставитъ гранью двухъ періодовъ его проповѣднической пастырской дѣятельности. До полученія имени Златоуста Іоаннъ привлекалъ народъ лишь внѣшнею силою краснорѣчія, а внутренній смыслъ проповѣди въ большинствѣ случаевъ оставался недоступенъ для простаго народа въ виду возвышенности и непопулярности стиля. Во второмъ періодѣ Златоустъ начинаетъ заботиться о простотѣ изложенія, о выработкѣ популярнаго стиля и путемъ этой работы становится понятенъ народу. Но подобное утвержденіе не имѣетъ подъ собой никакихъ основаній. Златоустъ по природнымъ свойствамъ своего проповѣдническаго таланта говорилъ къ народу всегда насколько краснорѣчиво, настолько же и понятно. Его краснорѣчіе было естественно, ясно и доступно. Даже въ своихъ раннѣйшихъ по происхожденію —философскихъ трактатахъ въ защиту монашества и противъ іудействующихъ, гдѣ всего болѣе можно было бы ожидать отъ него нѣкоторой непопулярности, онъ также простъ, и доступенъ, какъ и въ своихъ обычныхъ бесѣдахъ къ народу. Златоустъ—великій ораторъ не только по природной силѣ ораторскаго таланта и обилію проповѣдническаго матеріала, но и въ особенности по ясности и доступности изложенія. Этимъ соединеніемъ высоты и простоты рѣчи объясняется его необычайный проповѣдническій успѣхъ и отводится ему первое мѣсто среди пастырей и учителей восточной церкви. У писателей-современниковъ Златоуста, послѣднему усвояется имя Іоанна Константинопольскаго [1]) и только у другихъ позднѣйшихъ писателей мы встрѣчаемъ названіе Златоуста. Не можетъ быть, конечно, никакихъ сомнѣній въ томъ, что названіе Златоуста дано Іоанну для обозначенія его необыкновеннаго, какъ бы золотаго краснорѣчія. Свида въ своемъ лексиконѣ, сводя различныя сужденія иногда лживыя, объясняетъ смыслъ указаннаго названія именно

[1]) Такъ называетъ его даже другъ и современникъ его Палладій въ своемъ діалогѣ (Dialogus historicus s. 7).

такимъ образомъ. Творенія Іоанна, говоритъ онъ, неисчислимы, потому-что онъ все іудейское и христіанское писаніе (т. е. ветхій и новый завѣтъ) изслѣдовалъ въ комментаріяхъ, какъ никто. Онъ восхвалялъ подвиги мучениковъ съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, имѣя языкъ, который своимъ теченіемъ превосходилъ обильныя волны Нила. Никто прежде него не отличался такимъ краснорѣчіемъ и одному ему дано названіе Златоуста какъ бы по наслѣдственному его праву. Число его писаній обозрѣть невозможно человѣку, но все знающему Богу [1]). Таковое сужденіе о силѣ краснорѣчія Златоуста обще почти всѣмъ церковнымъ писателямъ, въ особенности Грекамъ, которые предпочитаютъ его всѣмъ другимъ. Однако именемъ Златоуста въ приложеніи къ Іоанну Константинопольскому пользовались писатели гораздо раннѣйшіе Свиды. Имя Златоуста встрѣчается у всѣхъ біографовъ отъ начала VII вѣка, каковы напр. Георгій Александрійскій, Іоаннъ Мосхъ. Оно было также извѣстно въ Испаніи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ св. Исидоръ испанскій, говоря, что Іоаннъ, святѣйшій епископъ Константинопольскаго престола, cognomento Chrysostomus своею рѣчью доставлялъ великое утѣшеніе сердцу и пріятностію краснорѣчія [2]). Раньше Исидора Кассіодоръ уже въ VI в. пользуется названіемъ Златоуста, когда говоритъ о своихъ заботахъ относительно перевода на латинскій языкъ Златоустовыхъ толкованій на посланіе къ Евреямъ [3]). Также названіе Златоуста усвояетъ Іоанну Ефремъ, патр. Антіохійскій VI вѣка. Но еще раньше — въ пятомъ вѣкѣ имя Златоуста употреблялось въ приложеніи къ Іоанну. Съ этимъ именемъ онъ упоминается въ дѣяніяхъ Халкидонскаго собора, но только въ греческомъ подлинникѣ, въ латинскомъ переводѣ это слово опущено. Этимъ именемъ называетъ его Θеодоритъ, когда въ концѣ своей исторіи перечисляетъ послѣднихъ Константинопольскихъ епископовъ [1]). Также называетъ Іоанна св. Проклъ, патр. Константино-

[1]) Suidas Lex. pag. 1258.

[2]) Lib. de scriptoribus ecclesiasticis cap. VI. Свидѣтельство Исидора важно въ томъ отношеніи, что указываетъ на существованіе лат. перевода Златоустовыхъ твореній уже въ VII в.

[3]) Lib. de institutione cap. VIII.

[4]) Acta Sanct. IV, 690—691.

польскій, въ трактатѣ de traditione divinae missae. Итакъ изъ сказаннаго ясно, что названіе Іоанна Златоустомъ вошло въ обыкновеніе около средины пятаго вѣка у грековъ, потомъ же немного спустя получило употребленіе и у латинянъ. Можно думать, замѣчаетъ комментаторъ Златоуста, что это названіе дано Златоусту около времени перенесенія мощей его въ Константинополь (videatur cognomen Chrysostomi coeptum circa tempus corporis Constantinopolim translati [1]). И въ этомъ, кажется, нѣтъ основаній сомнѣваться. Если же это такъ, то названіе Іоанна Златоустымъ пріобрѣтаетъ особенную исключительную важность, какъ знакъ духовнаго торжества великаго пастыря Церкви, знакъ животворности и торжества великой пастырской идеи, ради которой Златоустъ самоотверженно пожертвовалъ жизнію. Припомнимъ то положеніе, въ какомъ находилась Церковь послѣ осужденія и смерти Златоуста, тѣ многочисленныя и разнообразныя распри, которыя длились не одно десятилѣтіе въ средѣ восточной церкви. Множество жертвъ пало изъ Іоаннитскаго лагеря [2]), жертвъ дикаго насилія и произвола противниковъ великаго пастыря. Церкви западная и восточная не имѣли между собою общенія. Великій пастырь запада, котораго Тьерри справедливо называетъ миротворцемъ христіанскаго міра, великимъ священнослужителемъ высотъ Албанскихъ, явившимъ міру подъ одеждою христіанскаго первосвященника спокойную и разсудительную душу древняго Римлянина [3]), - великій Иннокентій вложилъ душу свою въ дѣло защиты Златоуста на мятущемся востокѣ. Онъ былъ сторонникомъ Златоуста, востокъ же въ лицѣ своихъ пастырей представлялъ враждебную силу. Много нравственныхъ и матеріальныхъ лишеній потерпѣлъ онъ, много труда понесъ онъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. Припомнимъ его хлопоты по собранію вселенскаго собора въ Оессалоникахъ ради возстановленія Златоуста, его посольство на востокъ, злоключенія послѣдняго [4]), и мы увидимъ всю несообразность церковной жизни того времени. Внутренняя борьба партій на востокѣ, видимая невозможность взаимнаго

[1]) Acta sanctorum tom. IV, 83. 690—691.

[2]) Такъ назывались приверженцы Златоуста.

[3]) Тьерри стр. 436.

[4]) Palladii dialogus historicus стр. 13—15.

примиренія, отказъ принять въ церковное общеніе Златоуста даже со стороны такихъ пастырей, какъ Кириллъ Александрійскій, разрывъ церквей—все это даетъ основанія полагать дѣло Златоуста основаніемъ схизмы между востокомъ и западомъ [1]. По свидѣтельству Ѳеодорита [2], западная церковь дотолѣ не вступала въ общеніе съ церквами восточными, пока эти не внесли имя Златоуста въ диптихи. Только въ 418 году имя Златоуста, какъ епископа Константинопольскаго, было внесено въ диптихи, а въ слѣдующіе затѣмъ 20 лѣтъ совершалось постепенное усиленіе почитанія Златоуста, наконецъ въ 438 году мощи его были торжественно перенесены въ Константинополь [3]. Такимъ образомъ великій проповѣдникъ Христова мира сталъ камнемъ претыканія и соблазна, но онъ же соединилъ два противные лагеря въ признаніи величія и животворности пастырской идеи. Если вѣрить мнѣнію историка о времени усвоенія Іоанну имени Златоуста, то мы должны будемъ признать въ этомъ названіи великаго пастыря выраженіе и знакъ церковнаго объединенія востока и запада и внутренняго умиренія Церкви. Зерно, если не упадетъ въ землю и не умретъ, не принесетъ плода, если же умретъ, сотворитъ обильный плодъ. Пастырская идея въ лицѣ Златоуста восторжествовала: умеръ гонимый праведникъ, но съ его смертію возрасло древо религіознаго воодушевленія, прошелъ застой и равнодушіе, пастыремъ онъ обличалъ пасомыхъ при жизни и засіялъ вновь свѣтомъ животворнаго единства Церкви. Въ этомъ случаѣ названіе Іоанна Златоустомъ, какъ выраженіе общецерковнаго признанія пастырской идеи важно для насъ, какъ живое доказательство животворности, цѣлесообразности и дѣйственности тѣхъ пастырскихъ началъ, на которыхъ Златоустъ построялъ свою дѣятельность.

Годъ рожденія Златоуста не установленъ точно [4]. Несомнѣнно однако на основаніи свидѣтельствъ древности и

[1] Der hl. Chrysostomus in seinem Verhältniss zum byzantischen Hof. Von d-r Ludwis ss. 157—164. Braunsberg 1883.

[2]) Hist. Eccl. t. V, 34.

[3]) Подробнѣе объ этомъ см. трактатъ in actis sanctorum ss. 678—686.

[4]) О жизни Златоуста говорятъ многіе писатели древности. Они почти всѣ перечислены въ изданіи Савилія, каковы: 1) церковныи историографъ

случайныхъ замѣтокъ въ самыхъ твореніяхъ Златоуста,

Сократъ; 2) Палладій, епископъ Еленопольскій; 3) Проклъ Константинопольскій; 4) Кириллъ Александрійскій; 5) Софроній Іерусалимскій; 6) Іоаннъ Дамаскинъ; 7) Мартирій Антіохійскій патріархъ; 8) Косма, діаконъ во время Златоуста; 9) Өеодоритъ, еп. Кирскій; 10) Нилъ великій; 11) Исидоръ Пелусіотъ; 12) Никита Пафлагонянинъ и др. Сюда слѣдуетъ отнести Өеодора Тримифунтскаго, Георгія Александрійскаго, Созомена, Зосиму и др. греческихъ историковъ. Между всѣми этими источниками свѣдѣній о Златоустѣ первое мѣсто слѣдуетъ отвести діалогу Палладія Еленопольскаго. Штильтингъ признаетъ діалогъ первымъ источникомъ послѣ твореній Златоуста. Между всѣми источниками свѣдѣній о Златоустѣ, говоритъ онъ, первое мѣсто несомнѣнно удерживаютъ самыя творенія Златоуста, недавно тщательно изданныя Монфокономъ. Второе мѣсто между писателями, которые изслѣдуютъ жизнь Златоуста заслуживаетъ dialogus historicus Palladii Episcopi Helenopolis cum Theodoro Eccleciae Romanae Diacono de vita et conversatione beati Ioannis Chrysostomi Episcopi Constantinopolis. изд. греко-лат. въ 1680 г. (acta sanctorum t. IV, p. 401). Палладій, біографъ Златоуста, — личность спорная. Өеодоръ Тримифунтскій называетъ его мужемъ достопочтеннымъ (vir spectabilis) и другомъ Златоуста (Ioanni familiaris fuit); мѣстомъ его служенія признаетъ Виѳинію, гдѣ онъ былъ епископомъ до времени изгнанія Златоуста. Послѣ же его изгнанія Палладій подвергся гоненію со стороны враждебной партіи и былъ заключенъ въ холодную и душную тюрьму на 11 мѣсяцевъ. Дальнѣйшая судьба его, по Өеодору, — неизвѣстна (Theodor Trimith. de vita et exsilio s. Ioan. Chrys. s. 57). Обычно онъ называется епископомъ Еленопольскимъ. Виноцкій полагаетъ, что онъ не былъ Еленопольскимъ епископомъ. По свидѣтельству Георгія Александрійскаго, Палладій во времена Златоуста жилъ въ Константинополѣ и былъ непосредственнымъ очевидцемъ всѣхъ дѣяній Златоуста. Палладій оставилъ и Константинополь, и свое отечество, отказываясь отъ общенія съ тѣми, которые погубили Златоуста. Въ нѣкоторыхъ древнихъ кодексахъ Палладій называется епископомъ Аспоненскимъ *(ἐν ἄλλοις γράφεται ἀσπωνον)*, на основаніи каковыхъ надписаній Сократъ говоритъ, что имя Палладія не было приписано имъ самимъ подъ знаменитый діалогъ, а приписано было послѣ, откуда и появилась тройственность опредѣленій мѣста его епископскаго служенія (Hist. Eccl. lib. VII, cap. 26). Весьма вѣроятно, что знаменитый Палладій былъ и епископомъ Еленопольскимъ въ Виѳиніи и потомъ переведенъ былъ въ Галатію in asponam, подъ которою, вѣроятно, разумѣется городъ Амасія. Сократъ замѣтно склоняется къ послѣднему предположенію, потому что имя Палладія помѣщается in catalogo episcoporum, qui ab uno episcopatu ad alium translati fuerunt. Какъ бы то ни было, насколько ни спорный вопросъ о Палладіи, но на основаніи его діалога слѣдуетъ видѣть въ немъ искренняго друга Златоуста, горячо преданнаго послѣднему. Его діалогъ отсюда пріобрѣтаетъ особенную цѣнность достовѣрнаго историческаго памятника того времени, когда все было вооружено противъ великаго Константинопольскаго Архіепископа. Историческія свидѣтельства Сократа, Созомена, Космы и др. историковъ должны быть провѣрены параллельно съ показаніями Палладія (См. acta

несомнѣнно, что онъ родился ранѣе 350 года [1]). Однако такую хронологическую дату нельзя признать точною и достовѣрною, особенно, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что Златоустъ былъ привлекаемъ къ епископству около 374 года, такъ что ему необходимо было имѣть къ этому времени возрастъ 30 лѣтъ. Достовѣрнымъ представляется, что Златоустъ родился около 341 или 344 года [2]) и болѣе достовѣрно послѣднее. Тильмонъ и Монфоконъ соглашаются [3]), что Златоустъ удалился въ пустыню не прежде 374 года. Но это событіе послѣдовало вскорѣ затѣмъ, какъ онъ уклонился отъ избранія во епископа, такъ какъ опасеніе, чтобы его противъ воли не поставили епископомъ и заставило его бѣжать. Св. Іоаннъ Дамаскинъ въ похвальномъ словѣ Златоусту свидѣтельствуетъ, что онъ былъ поставленъ въ чтецы почти 30 лѣтъ (Meletius Ioannem decem et octo circiter annos natum suscipit... Triginta circiter annis genitus natis cum perfectam corporis et animi aetatem esset assecutus ad divinorum eloquiorum lectoris [4]), а это было въ 372 году и отъ этого времени прошло еще около двухъ лѣтъ до бѣгства Іоанна отъ епископства. Имѣя въ виду все сказанное необходимо признать, что Іоанну было около 30 лѣтъ, когда онъ уклонялся отъ епископскаго сана и что это было въ 374 году, слѣдовательно, годомъ его рожденія слѣдуетъ признать 344 годъ. Родиной Златоуста была Антіохія Сирійская—эта столица востока, занимавшая послѣ древняго и новаго Рима (Константинополя) на ряду съ Антіохіей важнѣйшее мѣсто въ

sanct. 405—408). Изъ позднѣйшихъ писателей о Златоустѣ наиболѣе замѣчательный Георгій Александрійскій отличается однако наименьшею достовѣрностію. При неизящномъ и даже необработанномъ стилѣ сказаніе Георгія наполнено разными невѣроятными и баснословными фактами, откуда они перешли, между прочимъ и въ Четьи-Минеи, тогда какъ ни Златоустъ въ своихъ твореніяхъ, ни Палладій въ діалогѣ не упоминаютъ ни о какихъ чудесахъ.

[1]) См. доказат. Acta sanct. t. IV, p. 408.

[2]) Acta sanct. p. 409. Одни біографы Златоуста склоняются къ признанію 347 года годомъ его рожденія (Neander I, p. 1, Малышевскій, архим. Агапитъ, Paul Albert и Филаретъ Черниговскій). Другіе склоняются болѣе къ 344 г. (Лебедевъ). Послѣднее мнѣніе слѣдуетъ признать болѣе достовѣрнымъ.

[3]) Acta sanct.

[4]) Oratio panegyrica auctore s. Joanne Damasceno cap. I, pag. 703 Acta sanct.

средѣ этихъ четырехъ великихъ главныхъ городовъ тогдашняго образованнаго міра, или римскаго царства *(τῆς οἰκουμένης)* [1]). Она была главнымъ городомъ и матерью городовъ всей Римской Азіи, какъ неоднократно называетъ ее Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ къ Антіохійскому народу [2]). Родители Златоуста Секундъ и Аноуса принадлежали къ высшему сословію антіохійскаго общества. Секундъ занималъ важный и отвѣтственный постъ начальника сирійскихъ войскъ (in officio magistri militum Siriae) [3]). Аноуса происходила изъ знатной и зажиточной семьи. Кромѣ Іоанна у Секунда и Аноусы была еще дочь—старше Іоанна (editus in lucem post sororem). Семья Златоуста была тѣмъ идеаломъ семьи, который онъ позднѣе рисовалъ предъ своими слушателями, была малою церковію, мѣстомъ нравственнаго совершенствованія, глубокой любви и самоотверженія. Глубокая покорность волѣ Божіей, смиреніе предъ карающей десницей Вышняго, кротость во взаимныхъ отношеніяхъ, нѣжность и заботливость — вотъ христіанскіе цвѣты, которые произрастали въ семейной обстановкѣ Златоуста. И Секундъ и Аноуса оба были добродѣтельными христіанами [4]). Златоустъ совсѣмъ не зналъ отца; послѣдній

---

[1]) Neander 131, p. 1. Палладій называетъ Златоуста Антіохійцемъ: Joannes ille genere quidem erat Antiochenus (s. 48).

[2]) По своему центральному значенію на азіатскомъ востокѣ Антіохія была живымъ центромъ въ умственномъ и религіозномъ отношеніи, но въ то же время, какъ и другіе большіе города, Антіохія была центромъ нравственнаго развращенія, съ которымъ и боролся въ пору своего пресвитерства лучшій сынъ Антіохіи — Златоустъ. См. краснорѣчивое и правд. изобр. знач. Антіохіи у Неандера, ss. 2—4 и у Малышевскаго. Іоаннъ Злат. въ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера стр. 2—9. Кіевъ 1892 г.

[3]) Palladius pag. 48.

[4]) См. сл. о свящ. I. стр. 4—8. Neander p. 4. Многими біографами древности однако отрицается несомнѣнное положеніе, что родители Златоуста были христіане. Укажемъ на болѣе значительныя отрицанія. Өеодоръ Тримифунтскій говоритъ объ этомъ такъ: Joannes hic tenera aetate omni humana doctrina imbutus fuit; de parentibus ethnicis natus et ipse quoque ethnicus *(ἦν δὲ γονέων ἑλλήνων καὶ αὐτὸς δὲ Ἕλλην)*, т. е. Өеодоръ утверждаетъ, что родители Златоуста были язычники и самъ онъ былъ язычникъ. Несомнѣнность такого пониманія слова ethnicus подтверждается контекстомъ рѣчи. Дальше мы читаемъ: Verum tamen divina gratia compunctus ad ecclesiasticos conventus coepit accedere et divinarum scripturarum lectionibus interesse (Migne t. XLVII, pp. 56—57). Таково же мнѣніе

умеръ вскорѣ послѣ рожденія сына. Іоаннъ остался на попеченіи нѣжной и высокодобродѣтельной матери. Ей онъ обязанъ христіанскимъ направленіемъ своего воспитанія [1]). Въ его письмахъ о священствѣ сохранилось убѣдительное свидѣтельство о высокомъ христіанскомъ настроеніи и глубокомъ воспитательномъ вліяніи, какое имѣла она на Іоанна.

Георгія Александрійскаго въ изд. Савиллія, pag. 119. Онъ утверждаетъ, что родители св. Златоуста были язычники, но крещены были послѣ Іоанна, который, по его мнѣнію, крещенъ былъ въ дѣтствѣ, или въ ранней юности. То же утверждаютъ и нѣкоторые другіе, слѣдуя Георгію. Несомнѣнно, что наше Четьи-Минейское повѣствованіе основано на этомъ же свидѣтельствѣ Георгія Александрійскаго. Въ житіи Іоанна читаемъ слѣдующее: Свѣтило міру, учитель вселенныя, столпъ и утвержденіе церкви, покаянія проповѣдникъ, св. Іоаннъ Златоустый родился во Антіохіи Сирстѣй отъ *родителей невѣрныхъ*, еллинскаго злочестія держащихся и т. д. (л. 65 на обор.). Но подобное мнѣніе совершенно не согласно съ фактами дѣтской исторіи Іоанна и обстоятельствами его крещенія, равнымъ образомъ находитъ совершенное опроверженіе въ твореніяхъ самого Златоуста. Іоаннъ принялъ крещеніе около 20 года своей жизни. Между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что онъ лишился отца вскорѣ послѣ своего рожденія и слѣдов. отецъ не могъ принять крещенія послѣ Златоуста. Мать же Анеуса осталась въ 20-лѣтнемъ возрастѣ и, слѣдуя велѣнію Апостола, отказалась отъ втораго брака и посвятила себя воспитанію сына. Когда Златоустъ учился у Ливанія, еще до принятія крещенія, его мать была уже христіанкою, что подтверждается извѣстнымъ восклицаніемъ Ливанія; когда онъ услышалъ, что мать Златоуста, не имѣя 40 лѣтъ отъ роду, вдовствуетъ уже около 20 лѣтъ, онъ воскликнулъ: какія жены *у христіанъ*. Наконецъ, кромѣ I-го слова о священствѣ, гдѣ ясно рисуется христіанскій характеръ матери Златоуста, мы находимъ еще у самаго Златоуста подтвержденіе, что онъ родился въ семействѣ христіанскомъ. Въ 11 бесѣдѣ противъ аномеевъ, сказанной уже въ Константинополѣ, Златоустъ свидѣтельствуетъ свою пастырскую любовь слѣдующими словами.—Кто не изумится и не удивится, говоритъ онъ, вашему пламенному усердію, непритворной любви, благосклонности къ учителямъ, согласію другъ съ другомъ, которыя всѣ вмѣстѣ достаточны для того, чтобы привлечь къ вамъ и каменную душу. Посему и мы любимъ васъ *не меньше той церкви* (Антіохійской), *въ которой мы рождены* и воспитаны и наставлены, ибо эта церковь сестра той и вы дѣлами доказали родство съ нею (На разн. сл. т. I, стр. 548). Отсюда ясно, что онъ рожденъ былъ отъ христіанскихъ родителей, потому что онъ сравниваетъ не городъ съ городомъ, а церковь съ церковью. Церковь же извѣстна христіанская. Въ виду несомнѣнныхъ противорѣчій мнѣнія Георгія и Өеодора—фактамъ жизни и исторіи Златоуста весьма справедливо, что ихъ слѣдуетъ отвергнуть (Vita Chrystomi adorania. Migne t. XLVII, pag. 83—84).

[1]) Neander. Der. hl. Chysost. B. I, p. 4.

Когда аскетически-христіанское настроеніе Златоуста, вложенное въ его душу матерью, при изученіи жизни побудило его бѣжать въ пустыню и отдаться личному подвигу самоумерщвленія, тогда только материнскій голосъ поколебалъ его упорное намѣреніе. Непрестанныя увѣщанія матери, говоритъ Златоустъ, воспрепятствовали мнѣ исполнить свое намѣреніе—бѣжать въ пустыню. Когда мое намѣреніе сдѣлалось ей извѣстнымъ, тогда она, взявъ меня за руку, ввела во внутренніе покои. Мгновенно изъ очей ея полились источники слезъ, а изъ устъ слова горестнѣйшія самыхъ слезъ. Рыдая, такъ говорила она мнѣ: сынъ мой, я не долго наслаждалась сожительствомъ добродѣтельнаго отца твоего. Такъ угодно было Богу. Смерть его, послѣдовавшая вскорѣ за болѣзнями твоего рожденія, принесла тебѣ сиротство, а мнѣ преждевременное вдовство со всѣми его горестями, которыя могутъ быть хорошо извѣстны однимъ только вдовицамъ. Изображая далѣе всю тяжесть одинокаго положенія вдовы, неопытность, многочисленныя заботы, сопряженныя съ воспитаніемъ сына, она указываетъ на свою рѣшимость жить одиноко, какъ на свидѣтельство Божіей помощи ей, и любви къ умершему мужу и оставшемуся сыну. Будучи младенцемъ и едва умѣя лепетать, когда дѣти особенно бываютъ пріятны родителямъ, ты приносилъ уже мнѣ много отрады, говорила она Іоанну. Потерпи до моей кончины. Можетъ быть, жизнь моя недолго продолжится. Когда предашь тѣло мое землѣ и прахъ мой соединишь съ прахомъ отца твоего, тогда предпринимай далекія путешествія, переплывай моря, какія хочешь. Тогда никто не будетъ препятствовать. Но доколѣ еще дышу, не разлучайся со мною. Не навлекай на себя напраснаго гнѣва Божія, оставляя меня на жертву бѣдствіямъ, тогда какъ я ни въ чемъ не виновна предъ тобою. Если я подала тебѣ причину винить меня въ томъ, что вовлекаю тебя въ житейскія суеты и заставляю тебя заботиться о твоихъ и моихъ нуждахъ, то бѣги отъ меня, какъ бѣгутъ отъ недоброжелателей, отъ враговъ, забывъ и законы, и труды воспитанія и навыкъ неразлучнаго до сихъ поръ обращенія и все другое. Но если я дѣлаю съ своей стороны все, чтобы удалить отъ тебя малѣйшее попеченіе о нуждахъ жизни, то, если ничто другое, по крайней мѣрѣ,

сіи узы пусть привяжутъ тебя ко мнѣ. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто изъ нихъ не можетъ доставить тебѣ лучшаго спокойствія, потому что нѣтъ никого, кто бы заботился о твоемъ благополучіи столько, сколько я [1]). Это теплое, восторженное воспоминаніе о величайшей изъ матерей, даетъ намъ живое представленіе о той школѣ, въ которой Златоустъ получилъ первоначальные уроки христіанскаго самоотверженія, горячей любви къ ближнимъ, покорности волѣ Божіей. Мы присутствуемъ какъ бы при рожденіи великаго пастыря Церкви, мы видимъ то направленіе, въ которомъ пойдетъ его дальнѣйшая жизнь, начавшаяся въ нѣдрахъ христіанской семьи подъ неусыпнымъ и попечительнымъ наблюденіемъ матери-христіанки. Ея первые уроки, уроки дѣтства, пробудили въ Іоаннѣ вниманіе къ жизни, изученіе жизни отвратило юнаго подвижника отъ грѣховнаго міра и онъ въ сообществѣ съ своимъ другомъ устремился въ пустыню, чтобы отдаться личному совершенствованію путемъ аскетизма. Но голосъ мудрой матери остановилъ его, онъ указалъ Златоусту на ту нравственную связь, какая существуетъ между людьми, указалъ на обязанности любви и любвеобильнаго служенія человѣчеству, которое выше личнаго аскетизма и даже личной святости. Оставь себя и сотвори благо ближнимъ твоимъ,—вотъ что говорилъ Златоусту материнскій голосъ. Онъ не отрицалъ личнаго спасенія и необходимости личнаго подвижничества, но указывалъ на заботу и попеченіе о ближнихъ, какъ на подвигъ высшій и руководственный въ отношеніи къ самому аскетизму. Не удивительно, что Іоаннъ вспоминаетъ объ этомъ материнскомъ голосѣ предъ вступленіемъ своимъ въ тяжелый путь подвижничества, не удивительно, что и среди безмолвія пустыни, въ одиночествѣ пещеры ему слышался голосъ матери, какъ бы призывавшій его къ пастырскому служенію людямъ. Спасая себя, спасай другихъ, ища спасенія своего, не забывай о ближнихъ,—вотъ что говорилъ ему этотъ любящій проникновенный голосъ матери христіанки. О первоначальномъ образованіи и воспитаніи Златоуста не сохранилось подробныхъ свѣдѣній. Его біографъ Палладій ограничи-

[1]) О свящ. сл. I, стр. 4—9.

вается неопредѣленнымъ замѣчаніемъ [1]). Однако на основаніи достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ [2]) мы знаемъ, что Іоаннъ учился краснорѣчію у Ливанія и философіи у Андрагафія — извѣстныхъ ученыхъ наставниковъ юношества его времени. Нельзя думать, что замѣчанія Палладія и Өеодора Тримифунтскаго касаются этого высшаго образованія Златоуста, потому что этому противорѣчитъ и раннiй его возрастъ и его личныя свидѣтельства о себѣ и несоотвѣтствіе другимъ фактамъ его жизни [3]). Основываясь на буквальномъ пониманіи греческаго подлинника, гдѣ sophisti, qui voculas captant соотвѣтствуетъ *σοφισταὶ τῶν λεξυδρίων*, мы можемъ понимать свидѣтельство Палладія такимъ образомъ, что талантливый отрокъ Златоустъ (sollertiori ingenio скоро усвоилъ основы первоначальнаго образованія, научился читать и писать, усвоилъ лексику и конструкцію правильной рѣчи и скоро оставилъ школу, потому что уже въ раннемъ возрастѣ у него были живы и сознательны высшіе запросы духа и онъ началъ заниматься изученіемъ Священнаго Писанія, стремясь тамъ постигнуть высшую истину. Нельзя думать, что Златоустъ ограничился только низшимъ образованіемъ, этому противорѣчитъ характеръ его великихъ твореній. Если Василій Великій и Григорій Назіанзинъ получили высшее образованіе, то нельзя въ томъ же отказывать и Златоусту, по-

[1]) Cum autem esset ingenio solertiori sese in litterarum studio exercuit ad sacrarum scripturarum ministerium. Hinc decem et octo annos natus, a sophistis, qui voculas captant, descivit; ab mente vero virili fuit amore captus est sacrarum literarum. Dialogus pag. 18. Тоже утверждаетъ и Өеодоръ, говоря: Veruntamen divina gratia compunctus ad ecclesiasticos conventus coepit accedere et divinarum scripturarum lectionibus interesse (de vita et exsilio Joan. Chrys. p. LVIII).

[2]) Сократъ кн. VI. гл. III; Созоменъ Ист. церк. кн. VIII. гл. II, Өеодоритъ 2, 23.

[3]) Между тѣмъ въ нашемъ житіи Златоуста замѣчаніе Палладія понято именно въ такомъ смыслѣ. Егда же нача приходити въ возрастъ, читаемъ тамъ, вданъ бысть отъ родителей въ наученіе еллинскія мудрости Ливанію софисту и Андрагафію философу. Отрокъ же еще сущи, нача паче старецъ разумѣти, умудривши его Духу святому, ибо познавъ единаго истиннаго всего Создателя Бога возгнушався еллинскимъ безбожнымъ многобожіемъ, текъ ко святѣйшему Мелетію и т. д., что стоитъ въ прямомъ противорѣчіи дальнѣйшимъ словамъ житія, гдѣ говорится, что по смерти отца онъ снова учился философіи и риторикѣ и бысть риторъ и философъ изряденъ.

тому что внимательное изученіе его твореній убѣждаетъ читателя во множествѣ и разнообразіи научныхъ свѣдѣній и глубокой силѣ мышленія. Достовѣрно извѣстно, что даже въ сравнительной юности Златоустъ удивлялъ и учителей и товарищей силою мысли, изяществомъ рѣчи, изворотливостію діалектики: его образованность и краснорѣчіе въ своемъ кульминаціонномъ пунктѣ были таковы, что ему не находили равнаго по краснорѣчію и силѣ мысли. Нельзя думать, что онъ послѣ уже своего рѣшительнаго отказа отъ міра снова удалялся въ языческія школы, потому что вообще такіе скачки были не въ его характерѣ и потому что по содержанію его твореній съ несомнѣнностію ясно, что разъ начавшійся подвигъ христіанской жизни онъ продолжалъ непрерывно. Нельзя, наконецъ, думать, что Златоустъ въ періодѣ 18 лѣтъ усвоилъ высшее образованіе и превзошелъ современниковъ силою мысли. Въ твореніяхъ Златоуста мы находимъ свидѣтельство, что въ школѣ Ливанія онъ находился въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Въ словѣ къ молодой вдовицѣ Златоустъ указываетъ на тотъ фактъ, что добродѣтель, вступая въ соотношеніе съ душею людей, признается нравственно высокою и христіанами и невѣрными. Въ подтвержденіе онъ указываетъ фактъ своей юности. Когда я былъ еще молодъ, говоритъ онъ, помню,— учитель мой (а онъ былъ самый закоренѣлый язычникъ) при многихъ удивлялся моей матери. Желая узнать, по обыкновенію, отъ окружавшихъ его, кто я таковъ, и услышавъ отъ кого-то, что я сынъ вдовицы, онъ спросилъ меня, сколько лѣтъ моей матери и давно ли она вдовицею. И когда я сказалъ, что ей сорокъ лѣтъ, онъ изумился и громко воскликнулъ къ присутствовавшимъ: ахъ какія у христіанъ есть женщины! [1]) Но мать Златоуста имѣла менѣе 20 лѣтъ отъ роду, когда потеряла мужа, а послѣдній умеръ вскорѣ по рожденіи Іоанна, слѣдовательно въ пору ученія у Ливанія Іоаннъ имѣлъ болѣе 20 лѣтъ. Слѣдуетъ думать, что первоначальное воспитаніе Златоуста шло всецѣло подъ вліяніемъ матери. Еще въ пору своего начальнаго образованія, посѣщая школу грамматика, мальчикъ Іоаннъ слушалъ уроки христіанскаго вѣдѣнія у своей богобоязненной матери. Отъ

[1]) Къ Авт. нар. т. III, стр. 405—406.

нея получилъ онъ тѣ глубокіе уроки христіанскаго благочестія, которые опредѣлили его направленіе на всю жизнь. Сама глубоко вѣрующая, благочестивая Анѳуса старалась насадить въ его душѣ начала христіанской жизни, любовь къ людямъ и безропотную покорность судьбамъ провидѣнія. Понятно также, что Св. Писаніе было настольною книгою мальчика, тѣмъ болѣе, что въ обширной Антіохіи, обиловавшей списками св. книгъ богатая вдова всегда могла пріобрѣсти ихъ. Но занимаясь домашнимъ воспитаніемъ сына, Анѳуса не забывала, что ему необходимо научное образованіе и вотъ, по достиженіи уже двадцатилѣтняго возраста онъ сталъ слушать краснорѣчіе у знаменитаго Ливанія [1]) и изучать философію у Андрагафія [2]). Это былъ въ то время обычный путь для полученія образованія. Молодые христіане подъ руководствомъ софистовъ, риторовъ, и философовъ изучали краснорѣчіе, философію и классическую литературу. Конечно, языческіе наставники, гордые своимъ первенствомъ въ научномъ отношеніи, преслѣдовали въ образованіи юношества свои личныя цѣли—они хотѣли указаніемъ и оттѣненіемъ научнаго превосходства язычества предъ христіанствомъ вытравить въ душахъ своихъ христіанскихъ воспитанниковъ сѣмя евангелія, но это имъ удавалось весьма рѣдко, потому, что наряду съ ихъ тлетворнымъ направленіемъ шло благотворное вліяніе на воспитанника христіанской семьи и Христова истина представала просвѣщенному уму еще въ большемъ блескѣ. Вы-

---

[1]) Socrates lib. VI, cap. 3. Sozomenus lib. VIII, cap. 2.

[2]) Ливаній былъ Антіохійскій урожденецъ и учительствовалъ первоначально въ Аѳинахъ, изъ Аѳинъ перешелъ въ Константинополь: изгнанный отсюда въ 346 году перешелъ въ Никодимію, затѣмъ опять былъ въ Константинополѣ около 351 года. Наконецъ, съ позволенія кесаря Галла возвратился въ Антіохію и оставался въ ней учителемъ краснорѣчія до своей смерти 390 г. По свидѣтельству Ѳеодорита, между наставниками краснорѣчія Ливаній занималъ первое мѣсто (кн. 3, гл. 23). Его школа краснорѣчія и ораторства была предпочитаема предъ другими и давала удобный доступъ къ гражданскимъ должностямъ. Нужно замѣтить, что при всей своей преданности язычеству Ливаній былъ однако терпимѣе другихъ языческихъ наставниковъ и относился съ меньшимъ фанатизмомъ къ религіознымъ убѣжденіямъ своихъ воспитанниковъ, какъ это можно видѣть изъ вышеприведеннаго замѣчанія Ливанія о матери Златоуста. Кто такой былъ Андрагафій и каково было направленіе его школы,—историческіе документы умалчиваютъ.

ходили изъ этихъ школъ отступники, но еще болѣе выходило великихъ пастырей и строителей Христова дѣла. Припомнимъ свидѣтельство Григорія Назіанзина о пользѣ языческихъ школъ. Хотя для другихъ, говоритъ онъ (не безъ основанія думаютъ такъ люди благочестивые), душепагубны Аѳины, потому что изобилуютъ худымъ богатствомъ—идолами, трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ, однако же не было отъ нихъ никакого вреда для насъ, сжавшихъ и заградившихъ сердце. Напротивъ, нужно сказать и то, что нѣсколько необыкновенно, живя въ Аѳинахъ, мы утверждались въ вѣрѣ, потому что узнали обманчивость и лживость идоловъ и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются [1]). Таково же было дѣйствіе языческаго образованія и на Златоуста, учившагося хотя и не въ Аѳинахъ, но у того же прославленнаго языческаго наставника, который воспиталъ двухъ другихъ великихъ святителей востока. Съ дѣтства вложенное въ душу Златоуста основаніе духовной жизни во Христѣ, непрестанный надзоръ и наставленія любящей и любимой матери,—все это направляло духовное развитіе Іоанна истиннымъ христіанскимъ путемъ. Онъ не оставлялъ чтенія Священнаго Писанія и просвѣщенный умъ его все болѣе и болѣе познавалъ неустойчивость свѣтскихъ, внѣхристіанскихъ началъ жизни и мысль его все болѣе склонялась къ принятію на себя ига Христова. Формальное образованіе Іоанна шло между тѣмъ своимъ путемъ. Слушая уроки языческихъ наставниковъ, Іоаннъ обогатилъ свой умъ познаніями въ различныхъ наукахъ, ознакомился съ образцами древняго краснорѣчія и пріобрѣлъ искусство силою слова глубоко дѣйствовать на человѣческое сердце. Онъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ силою краснорѣчія и христіанской мысли. Имъ гордился и даже преклонялся предъ его необыкновенными талантами, считая его лучшимъ изъ своихъ бывшихъ учениковъ, — самъ знаменитый Ливаній. Онъ не находилъ никого себѣ въ преемники лучшаго Златоуста, если бы онъ не былъ христіаниномъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Созоменъ: erat Antiohiae ad Orontem presbyter quidam, nomine Joannes, nobili

[1]) Григорія Богослова Твор. т. VI, стр. 76.

genere natus vita integer dicendi persuadendique artifex egregius et omnium sui termporis oratorum prestantissimus, sicut Libanius Syrus Sophista testatus est. Nam cum moriturus esset, percontantibus amicis quis in ejus locum succederet: Johannes inquit, nisi Christiani illum subripuissent [1]). Великія достоинства Іоанна, пріятное воспоминаніе о бывшемъ талантливомъ ученикѣ препобѣдили фанатизмъ закоренѣлаго язычника. Лежа на смертномъ одрѣ около 390 г., когда Іоаннъ былъ уже Антіохійскимъ пресвитеромъ и имѣлъ славу отличнаго проповѣдника, Ливаній принужденъ силою истины произнести одобрительный отзывъ о своемъ давнишнемъ слушателѣ. Можно ли ожидать лучшей аттестаціи, и нужно ли искать еще свидѣтельства того, что св. Іоаннъ съ успѣхомъ прошелъ высшую школу Ливанія?! Есть и еще положительное свидѣтельство изъ юныхъ лѣтъ жизни Іоанна— это похвальная рѣчь императорамъ, которую онъ послалъ на разсмотрѣніе Ливанія и послѣдній былъ въ восторгѣ Счастливъ ты, писалъ Ливаній, который можешь такъ восхвалять, и счастливы императоры, имѣющіе въ свое время такого оратора [2]. Долго ли св. Іоаннъ оставался въ школахъ Ливанія и Андрагафія, съ достовѣрностію сказать трудно. Можно однако утвердительно сказать, что время прошло довольно продолжительное и во всякомъ случаѣ не менѣе трехъ лѣтъ, судя по связи историческихъ фактовъ. Какъ бы ни были велики блестящія дарованія юнаго Іоанна, но для того, чтобы съ успѣхомъ пройти довольно обширный курсъ риторской школы, для того чтобы явиться луч-

[1]) Sosomenus Hist. Eccl. lib. VIII, cap 2.

[2]) Письмо Ливанія сохранено въ твореніяхъ Исидора Пелусіота in libro 2 Epistolarum epist. 42 ad Ophelium. Вопросъ относительно адресатовъ этого похвальнаго слова остается спорнымъ, однако большинство склоняется къ признанію, что оно было назначено императорамъ Валентіану и Валенту. См. Acta sanct. t. IV, september, pag. 411. Георгій Александрійскій полагаетъ, что похвальное слово писано во время пребыванія Златоуста въ Аѳинахъ, гдѣ онъ своими успѣхами въ наукахъ возбудилъ зависть Аѳинянъ и принужденъ былъ удалиться. Но предположеніе Георгія не имѣетъ основаній и опровергается ясными свидѣтельствами достовѣрныхъ историковъ—haec narrat—unus ille Geporgius fabulator (Vita s. Joan. Chrys nunc primum adornato etc. pag. 86 Migne t. 47). Достовѣрно извѣстно, что св. Златоустъ краснорѣчіемъ въ Аѳинахъ никогда не занимался и весьма вѣроятно даже, что онъ совсѣмъ и не былъ даже въ Аѳинахъ (Acta sanctorum pag. 411 т. IV).

шимъ изъ учениковъ Ливанія, потребно было много времени и усердныхъ занятій. Каковы были результаты образованія Іоанна, кромѣ указанныхъ внѣшнихъ успѣховъ его просвѣщенія? Несомнѣнно, что изъ двухъ указанныхъ наставниковъ Златоуста Ливаній имѣлъ на него почти исключительное вліяніе. Іоаннъ изучалъ философію у Андрагафія, но не въ силу свободнаго влеченія къ ней, но потому что это требовалось сообразно съ современными ему взглядами на образованіе юношества. Къ философіи онъ не чувствовалъ склонности и даже имѣлъ нерасположеніе, настолько сильное, что оно осталось у него на всю жизнь и просвѣчиваетъ во многихъ его бесѣдахъ. Да оно и не могло быть иначе. Практическій складъ души Златоуста искалъ непосредственныхъ плодовъ духовной жизни, хотѣлъ нравственнаго подъема людей и улучшенія міропорядка, а философія не имѣетъ своимъ непремѣннымъ и быстрымъ послѣдствіемъ указанные факты. Ливаній привлекалъ Златоуста, кромѣ замѣчательныхъ формальныхъ достоинствъ, честностію, правдивостію, способностію относиться непосредственно къ человѣку помимо внѣшняго положенія и основъ жизни послѣдняго. Онъ привлекалъ своего даровитаго ученика, наконецъ, терпимостію, охраненіемъ неприкосновенности свободы воли и совѣсти. Въ то же время въ Ливаніи привлекательна была черта вѣрности разъ взятой идеѣ -- дать торжество язычеству, но безъ внѣшней ломки. Таковымъ характеромъ Ливанія опредѣляется степень и направленіе его вліянія на Златоуста. Черты характера, какія мы указали у Ливанія,— мы находимъ отражающимися въ характерѣ и дѣятельности его ученика. Онъ научился у Ливанія на началахъ свободы воли и совѣсти возводить задуманное зданіе, словомъ, какъ отзвукомъ своей души, вліяя на волю человѣка. Параллельно съ этимъ образованіемъ, какъ мы указывали выше, шло материнское воспитаніе Златоуста, направлявшееся къ укорененію въ душѣ юнаго Іоанна религіозно-христіанскихъ началъ духовной жизни. Двѣ силы — равнодѣйствующія въ отношеніи къ опредѣленію направленія Іоанна, но онѣ не дѣйствовали на него принудительно. Воспитанный въ сознаніи свободы воли, Златоустъ самъ долженъ былъ опредѣлить свое жизненное направленіе. Но это было не такъ легко. Пылкая натура Іоанна нуждалась еще въ долгомъ

изученіи жизни и суровой нравственной выправкѣ прежде чѣмъ ея жизненное направленіе опредѣлилось со всею рѣшительностію. Златоустъ принадлежалъ къ такимъ натурамъ, духовное броженіе которыхъ продолжается довольно долго, подобные люди могутъ долго уклоняться отъ несомнѣннаго жизненнаго призванія, долго несознавать ясно своихъ жизненныхъ задачъ. Но вотъ внутреннее броженіе кончается, жизненная цѣль и смыслъ жизни изъяснены и тогда жизненное направленіе ихъ опредѣляется разъ и безвозвратно. Ихъ могутъ преслѣдовать, гнать, ссылать, внутренній опытъ можетъ выдвигать возраженія противъ состоятельности жизненныхъ началъ, ихъ могутъ умертвить, но, не смотря ни на что, и въ глазахъ самой смерти они останутся вѣрны своему жизненному призванію и умрутъ, благословляя провидѣніе. Таковъ былъ Іоаннъ. При отличныхъ природныхъ дарованіяхъ онъ получилъ и образованіе и воспитаніе, соотвѣтствующія его духовному складу. Его прилежаніе и пытливость ума доходили до несдержанности и крайней горячности. Гдѣ только онъ замѣчалъ истину и справедливость, туда онъ устремлялся съ жаждою познанія. Эта то стремительность души для нѣкоторыхъ непонимавшихъ его духовнаго склада казалось горячностію (arrogans) и даже дерзостію (protervus). Сократъ сохранилъ свидѣтельство, что Іоанна нѣкоторые считали весьма склоннымъ къ гнѣву. У него было болѣе горячности, чѣмъ робости. Въ спорахъ и разговорахъ Іоаннъ отличался неумѣренной свободой рѣчи. Но на ряду съ этими чертами мы находимъ у него нѣжную любовь къ ближнимъ, готовность помогать нуждающимся. По свидѣтельству историка, онъ много помогалъ нетвердымъ въ наукѣ товарищамъ, но въ собраніяхъ казался неумѣренно горячимъ для тѣхъ, которые не понимали его души [1]). Это сочетаніе горячности и строгости къ людямъ съ глубокою и самоотверженною любовію къ нимъ само собою предполагало долгую и трудную внутреннюю борьбу, путемъ которой могло опредѣлиться истинное жизненное призваніе Іоанна. Нравственная связь съ сверстниками и товарищами по школѣ Ливанія имѣла важное значеніе въ ходѣ этой борьбы. Изъ его друзей особенно

[1]) Socrat., lib. VI, cap. 3.

были близки къ нему Феодоръ и Василій, и преимущественно послѣдній. Вопросъ о важности, возможности и призваніи пастырскаго служенія, вопросъ жизни для Іоанна,— онъ рѣшаетъ вмѣстѣ съ Василіемъ. Самъ Златоустъ характеризуетъ этого своего друга весьма симпатичными чертами. Много, говоритъ Іоаннъ, было у меня друзей, искреннихъ и вѣрныхъ, знавшихъ и строго соблюдавшихъ законы дружества. Но изъ числа другихъ одинъ превосходилъ всѣхъ любовію ко мнѣ, и столько отличался отъ нихъ расположеніемъ своимъ ко мнѣ, сколько эти послѣдніе—отъ людей, не имѣвшихъ ко мнѣ особенной привязанности. Онъ всегда былъ неразлучнымъ спутникомъ моимъ, мы учились однимъ наукамъ, слушали однихъ учителей. Съ одинаковою ревностію и охотою мы занимались краспорѣчіемъ и другими науками, одинаковыя имѣли желанія, проистекавшія изъ одного источника. И не только въ то время, когда мы ходили къ учителямъ, но и по выходѣ изъ училища, когда совѣтовались, какой лучше избрать намъ путь жизни, — и въ этомъ случаѣ мы оказались согласными въ нашихъ мысляхъ [1]). Но при такомъ духовномъ согласіи съ нимъ, другъ Іоанна былъ чуждъ его пылкости и горячности. Разъ рѣшивъ въ принципѣ вопросъ жизни въ смыслѣ непрерывнаго духовнаго служенія Богу и людямъ, Василій оставался непреклоннымъ. Мало того, онъ не оставлялъ Іоанна, убѣждалъ его навсегда поселиться съ нимъ въ пустынѣ и убѣжденія, говоритъ Златоустъ, имѣли успѣхъ и намѣреніе ожидало только исполненія [2]). Но не такова была пылкая натура Златоуста. Прежде чѣмъ окончательно отдаться жизненному призванію, онъ долженъ былъ испытать продолжительную духовную борьбу, извѣдать жизнь, изучить ея условія, видѣть ея тлетворные принципы во всей ихъ непривлекательной наготѣ и тогда уже выйти на ниву Христову ревностнымъ дѣлателемъ. Не смотря на внутреннее влеченіе къ духовному дѣланію, Іоаннъ отдался теченію внѣшней жизни. Онъ самъ изображаетъ мірскую жизнь свою слѣдующимъ образомъ. „Когда намъ надлежало вступить въ блаженную иноческую жизнь и посвятить себя истинной

[1]) О свящ. сл. I, стр. 1—2.

[2]) Ibid. стр. 4.

философіи, тогда на вѣсахъ жизни нашей потерялось равновѣсіе. Его жребій по причинѣ легкости своей возвысился, а я еще увлекаемый пожеланіями мірскими, унизилъ мою участь, отяготивъ юношескими мечтами. Хотя дружба наша и оставалась столь же крѣпкою, какъ и прежде, но союзъ общежитія расторгся, ибо намъ невозможно было жить вмѣстѣ по причинѣ различныхъ нашихъ занятій. Когда же и я нѣсколько освободился отъ житейской бури, онъ принялъ меня къ себѣ съ распростертыми объятіями. Впрочемъ и тогда мы не могли соблюсти прежняго равенства. Съ великою ревностію проходя подвигъ свой, онъ достигъ великой высоты и далеко оставилъ меня за собою. Но по снисходительности своей, дорого цѣня дружбу мою, онъ раздѣлялъ со мною все время. Это было еще прежнее его желаніе, но исполниться ему воспрепятствовало мое малодушіе. Кто вседнevно посѣщалъ судилища, кто гонялся за увеселеніемъ общественныхъ зрѣлищъ, тотъ не могъ часто проводить время съ человѣкомъ, который бесѣдовалъ только съ книгами и никогда не показывался народу [1]). Вотъ личное признаніе Іоанна въ томъ, что онъ не имѣлъ силы сразу, по окончаніи образованія, отдаться на служеніе Богу. Искушаемый мірскою славою, своимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и жаждою жизни, Златоустъ выступилъ на поприще гражданской службы. Изъ приведеннаго самопризнанія Іоанна видно также, что онъ не сразу послѣ того, какъ вышелъ изъ школы, предался священнымъ занятіямъ, но нѣкоторое время упражнялся въ веденіи судебныхъ дѣлъ [2]) Для этого нужно было особенно внимательно изучать законы [3]). И онъ, по свидѣтельству историковъ и по собственному признанію, изучалъ законовѣдѣніе, ходилъ въ судебныя учрежденія и защищалъ дѣла, ему ввѣренныя Занятіе было довольно искусительное и опасное, оно могло развить въ немъ честолюбіе, корыстолюбіе и ложь. Однако, прочный фундаментъ религіозно-нравственнаго воспитанія предохранялъ его отъ страстныхъ увлеченій и ускорялъ кризисъ духовной борьбы, обезпечивая вмѣстѣ и благо-

1) Ibid. Стр. 3—5.

2) Acta sanct. tom. IV, 412. Нужно думать, что въ это время написана его знаменитая рѣчь въ похвалу императоровъ.

3) См. Sozom. lib. VIII, cap. 2; Socrat. lib. VI, cap. 3.

пріятный исходъ послѣдняго. Юношеская мысль Іоанна увлекалась обманчивымъ блескомъ и разнообразными удовольствіями свѣта. Но міръ не поглотилъ Іоанна, потому что онъ былъ не отъ міра. Занимаясь адвокатурой, онъ не оставлялъ чтенія Свящ. Писанія. Библія была для него книгою жизни. Подъ ея вліяніемъ развились лучшія черты его характера—необыкновенное воодушевленіе при сознаніи святости и высшей нравственной силы, горячая ревность о истинѣ и правдѣ и пламенная непоколебимая вѣра. Въ это время въ немъ устанавливался и боролся противъ ветхаго человѣка его христіанскій идеалъ. Это тотъ идеалъ, который проходитъ во всѣхъ его твореніяхъ и обнаруживается уже во всей полнотѣ и ясности въ его первыхъ писаніяхъ. Это—идеалъ непоколебимой, воинствующей и все побуждающей вѣры, который возникъ у него чрезъ ученіе Библіи и воспитался жизненными скорбями. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и жизненномъ приложеніи этотъ идеалъ указывалъ Златоусту путь своего осуществленія въ пастырскомъ служеніи. Служеніе адвоката, блужданіе по распутіямъ міра принесло, однако, Іоанну и свою пользу. Въ качествѣ адвоката и человѣка живо интерессующагося общественною жизнію, Іоаннъ имѣлъ средства и случаи близко ознакомиться съ нуждами и стремленіями современнаго ему общества. Посѣщеніе общественныхъ увеселеній при его наблюдательности дало ему возможность узнать все развращающее дѣйствіе тогдашняго театра и суетность мірскихъ развлеченій, противъ которыхъ онъ впослѣдствіи вооружался съ такою силою своей пастырской ревности и ораторскаго краснорѣчія. Чтеніе Слова Божія, самопознаніе, размышленія и тѣсное дружеское общеніе съ другомъ своимъ Василіемъ, все это имѣло своимъ послѣдствіемъ рѣшительное отвращеніе Іоанна отъ началъ мірскаго общежитія и обращеніе къ руководству Церкви. При своихъ отличныхъспособностяхъ, обширныхъ свѣдѣніяхъ, краснорѣчіи и знатности происхожденія, Іоаннъ могъ бы современемъ занять видное мѣсто на государственной службѣ. Но при указанныхъ выше условіяхъ своей внутренней жизни, Златоустъ скоро ощутилъ въ себѣ дѣйствіе Божественной благодати, проявившееся въ немъ, какъ внутреннее недовольство своею жизнію и стремленіе къ духовному дѣланію, къ жизни тихой,

посвященной духовнымъ подвигамъ и размышленію о предметахъ высшаго христіанскаго вѣдѣнія. Къ этому времени относится знакомство Златоуста съ Мелетіемъ архіепископомъ Антіохійскимъ. По извѣстію Палладія, это знакомство привело Златоуста къ принятію крещенія [1]). Каковъ былъ Мелетій и почему сближеніе съ нимъ имѣло рѣшающее значеніе для Златоуста въ отношеніи къ жизненному вопросу?— Высокая личность архипастыря Антіохійской церкви Мелетія рисуется въ похвальномъ словѣ Іоанна идеально-пастырскими чертами [2]). „Какъ прекрасный корень, скрываясь въ нѣдрахъ земли, самъ не показывается, говоритъ Златоустъ, но обнаруживаетъ добрую силу свою чрезъ плоды; такъ точно и блаженный Мелетій, скрываясь въ этой гробницѣ, самъ невидимъ, но чрезъ васъ—плоды свои, обнаруживаетъ силу своей благодати [3]). Далѣе, Златоустъ указываетъ на взаимныя отношенія Мелетія и его паствы. Когда онъ прибылъ въ городъ, продолжаетъ Іоаннъ, каждый изъ васъ старался назвать свое дитя его именемъ, думая чрезъ это ввести святаго въ домъ свой, и матери, забывая отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, нарекали дѣтей своихъ именемъ блаженнаго Мелетія [4]). Онъ свидѣтельствуетъ о великой пастырской ревности Мелетія, когда онъ, подобно Моисею, избавлялъ городъ отъ еретическаго заблужденія и отсѣкая отъ тѣла гнилые и неизцѣльно больные члены, возвращалъ Церкви истинное здоровье. Указываетъ, далѣе, на вражду противъ Мелетія со стороны противниковъ Христовой истины, на его необычайное мужество, на любовь народа и непрерывное общеніе паствы и пастыря во все время изгнаній послѣдняго. Онъ былъ изгоняемъ, чтобы находиться вдали отъ дѣтей, но случилось противное, онъ еще тѣснѣе соединился съ паствою узами любви и отправился въ Арменію, какъ бы взявъ съ собою весь городъ [5]). Бывшіе съ нимъ въ общеніи, слышавшіе и видѣвшіе его, считали себя довольными и получали полное духовное удовлетвореніе [6]).

---

[1]) Palladii dialogus historicus, pag. 18.

[2]) Слово это было сказано пять лѣтъ спустя по кончинѣ Мелетія.

[3]) Сл. и бес. на разн. случ. I, 48.

[4]) Ibid. стр. 56.

[5]) — стр. 52.

[6]) — стр. 53.

Епископы, взирая на святость его, какъ на первоначальный образецъ и снимая съ него очевидный примѣръ служенія въ этомъ достоинствѣ, пріобрѣтали вѣрное и яснѣйшее правило, по которому слѣдуетъ устроять церкви. Онъ имѣлъ благочестіе, мудрость, ревность по вѣрѣ и всѣ вполнѣ добродѣтели, свойственныя священнику [1]). Въ приведенныхъ словахъ можно видѣть полную характеристику человѣка, рѣшившаго судьбу Іоанна. Мелетій поразилъ и покорилъ впечатлительнаго юношу кротостію, смиренномудріемъ и самоотверженною вѣрностію своему призванію. Изучая жизнь роднаго города, Іоаннъ не могъ не замѣтить того могучаго вліянія, которое имѣла Церковь на нравы гражданъ, а изучая послѣднее, онъ не могъ обойти вниманіемъ великихъ служителей церкви. Богобоязненный, любившій дѣло болѣе, чѣмъ слово, болѣе благочестіе, чѣмъ мудрословіе, Мелетій своею жизнію и ученіемъ всегда свидѣтельствовалъ Іоанну ту великую истину, что безъ любви къ Богу не могутъ быть соблюдаемы божественныя заповѣди, что просвѣщеніе ума и сердца невозможно тамъ, гдѣ не свѣтитъ лучъ божественной благодати и что только тотъ въ состояніи уразумѣвать и право возвѣщать слово истины, кто доброю жизнію содѣлалъ свою душу храмомъ Христа. Таковъ былъ наставникъ Іоанна. Его великая личность сразу привлекла къ себѣ Златоуста и онъ нашелъ въ ней разрѣшеніе волновавшихъ его жизненныхъ вопросовъ. Его волновала и тяготила сознаваемая имъ пустота и безсмысленность мірской жизни. Мелетій своимъ примѣромъ указывалъ ему смыслъ жизни въ самоотверженномъ подвигѣ любви и учительства для просвѣщенія тьмы міра. Златоуста волновали страсти, тяготилъ разладъ между сознаваемымъ идеаломъ и наличностію своей жизни, Мелетій указывалъ ему нравственную точку опоры въ отказѣ отъ личнаго блага, въ самоотреченіи и аскетизмѣ, въ полнѣйшей нечувствительности къ личнымъ страданіямъ во имя пастырской идеи любви и служенія ближнимъ. Нравственное вліяніе Мелетія подготовило въ душѣ Іоанна почву, на которой возросъ его великій и необыкновенно жизненный пастырскій идеалъ, а также зародилась потребность и готовность самоотверженнаго служенія послѣднему. Несом-

[1]) Сл. и бес. на разн. Случ. 1, стр. 54.

ненно много способствовали уясненію религіознаго сознанія Іоанна и положительные уроки Мелетія. По свидѣтельству древности, Мелетій въ своихъ бесѣдахъ тщательно наставлялъ Іоанна въ догматахъ вѣры и изъяснялъ Свящ. Писаніе и духъ христіанскаго благочестія и послѣ этого крестилъ его, а чрезъ нѣкоторое время Златоустъ поставленъ былъ чтецомъ [1]). Такъ совершилось благодатное при-

[1]) Сократъ утверждаетъ (lib. VI. cap. 3), что Іоаннъ былъ поставленъ въ чтецы епископомъ Зенономъ. Тоже утверждаетъ Георгій Александр. и др. позднѣе писатели. По примѣру Сократа, Бароній думаетъ, что Златоустъ поставленъ былъ въ чтецы Зенономъ, еп. Тіанскимъ, или Зенономъ, еп. Маюмскимъ. Марцеллинъ въ хроникѣ подъ 389 г. утверждаетъ противное приведеннымъ взглядамъ. Онъ говоритъ, что Іоаннъ, рожденный въ Антіохіи тамъ же, Мелетіемъ, епископомъ того города былъ поставленъ въ чтецы и мало по малу проходилъ церковныя обязанности. Тильмомъ рѣшительно утверждаетъ, что Сократъ неправъ въ своемъ сужденіи, такъ какъ будтобы изъ свидѣтельства Палладія слѣдуетъ, что Іоаннъ былъ поставленъ въ чтецы своимъ епископомъ Мелетіемъ согласно съ канонами (Acta sanct. IV, 412, 57). Однако, мы не находимъ, что Палладій рѣшительно утверждаетъ это. Конечно, когда немного спустя онъ говоритъ о поставленіи Іоанна во діакона, онъ ясно свидѣтельствуетъ, что это сдѣлано Мелетіемъ. Но въ первомъ случаѣ умалчиваетъ и не утверждаетъ, что Іоаннъ былъ поставленъ въ чтецы тѣмъ же самымъ, у котораго онъ пробылъ *ἀμφὶ τὰ τρία ἔτη*. Что же касается каноновъ, то имъ не сдѣлано ничего противнаго и въ случаѣ постановленія Іоанна Зенономъ, такъ какъ Зенонъ Тирскій управлялъ Антіох. патріархатомъ во время ссылки Мелетія. Можно только сказать, что Іоаннъ былъ поставленъ въ чтецы не позже начала 372 г., если онъ былъ поставленъ Мелетіемъ, и не прежде 372 г., если былъ поставленъ Зенономъ. Нѣсколько неясно, когда Златоустъ былъ поставленъ въ чтецы, сразу ли послѣ крещенія, или спустя нѣкоторое время, т. е. какъ слѣдуетъ понимать трехлѣтнее пребываніе его у Мелетія. Это сомнѣніе, думается, разрѣшается удовлетворительно, если мы приведемъ буквально подлинное свидѣтельство Палладія относительно указаннаго событія. Слова Палладія: *ὡς δὲ παρήδρευσε μυσταγωγηθεὶς τὴν τοῦ λουτροῦ παλιγγενεσίαν ἀμφὶ τὰ τρία ἔτη προάγεται ἀναγνώστης*—слѣдуетъ буквально перевести такъ: когда онъ, освященный банею возрожденія, пробылъ около трехъ лѣтъ, то сдѣланъ былъ чтецомъ, т. е. крещенный въ 369 году, онъ былъ поставленъ въ чтецы въ 371 г., или позднѣе, такъ что у него оставался трехлѣтній періодъ времени между крещеніемъ и вступленіемъ въ церковныя должности. Такъ же понимаетъ это Неандеръ (B. 1, p. 14). Одинокимъ и непонятнымъ остается свидѣтельство Θеодора тримифунтскаго, будто Іоаннъ принялъ крещеніе въ городѣ Амидѣ отъ еп. Беатана и вскорѣ поставленъ въ чтецы Антіох. церкви епископомъ того города Пименіемъ (*Λαβὼν δὲ τὸ ἅγιον βάπτισμα ἐν Ἀμίδῃ τῇ πόλει ὑπὸ Βαιτανοῦ ἐπισκόπου, εὐθέως ἀναγνώστης προχειρίζεται ἐν Ἀντιοχείᾳ ὑπὸ Ποιμενίου τοῦ ἐπισκόπου αὐτῆς* (de vita et exsilo Ioan. Chrys. Migne. Cursus compl. patr. t. XLVII, pag. 57).

соединеніе Златоуста къ Церкви Христовой. Выражаясь словами самого Златоуста, можно сказать о его образованіи тоже, что онъ говорилъ въ приложеніи къ своему пастырскому идеалу—апостолу Павлу. „Поймана была эта великая рыба, поймана не удою, а словомъ Господнимъ. Какъ рыболовъ какой, сидя на высокомъ камнѣ и поднявъ удилище, опускаетъ уду сверху въ море, такъ и Господь нашъ, открывшій духовную ловитву, поймалъ эту великую рыбу. И что было съ тою рыбою, которую по повелѣнію Господню поймалъ Петръ, тоже случилось и съ этою. Ибо и у этой рыбы въ устахъ нашелся статиръ, только статиръ нечистый. Поэтому Богъ даровалъ ему истинное познаніе, сдѣлалъ монету настоящею. Иди, сказалъ ему Господь, къ людямъ и, освободивъ ихъ отъ тьмы, переведи ихъ въ царство любви Христовой [1]". Такъ говоритъ Златоустъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего плѣненія въ послушаніе божественной благодати, о великомъ апостолѣ языковъ. Но эти слова приложимы вполнѣ къ нему самому. Путемъ продолжительнаго изученія жизни и внимательнаго самонаблюденія онъ позналъ исключительную цѣнность благодатныхъ основъ жизни, необходимость и возможность самоотверженнаго служенія людямъ, сталъ въ ряды борцовъ противъ зла и грѣха. И это было дѣломъ не человѣческаго усилія, но божественной благодати [2]). Фактъ долговременнаго уклоненія Златоуста отъ св. крещенія объясняется и внѣшними условіями, и нравственными. Въ IV и V вв. многіе христіане сохраняли обычай отлагать крещеніе дѣтей до совершеннаго возраста. Обычай этотъ не рѣдко сопровождался пагубными послѣдствіями, такъ какъ младенцы умирали некрещенными. Мало того, нѣкоторые медлили принимать крещеніе, откладывая ее до старости, на томъ основаніи, что грѣхи, содѣланные послѣ крещенія, подлежатъ большей отвѣтственности, нежели грѣхи естественнаго человѣка. Противъ этого предразсудка неоднократно возставалъ Златоустъ. „Прекрасны, вожделѣнны таинства, говорилъ онъ, но пусть никто не принимаетъ крещенія, когда уже разлучается съ душею. Тогда—время не таинства, но завѣщанія, а время

[1]) Сл. и бес. къ Ант. нар. т. II, бес. 27-я, 1-я о перемѣнѣ именъ, стр. 473—474.

[2]) Ibid. 482.

таинствъ—здравіе ума и цѣломудріе души [1])". Противъ этого вооружался Св. Григорій Богословъ, называя это діавольскимъ искушеніемъ [2]). Но въ отношеніи къ Златоусту нельзя предполагать уклоненій отъ крещенія по небреженію. Скорѣе тутъ можно видѣть проявленіе обычной и весьма важной черты его характера, -смиреннаго сознанія своего недостоинства и яснаго представленія тѣхъ высокихъ обязанностей, которыя налагаетъ на христіанина святое званіе ученика Христова. Нужно принять во вниманіе цѣльность и въ тоже время принципіальную неопредѣленность его натуры, при которыхъ каждое изъ великихъ рѣшеній и переворотовъ перваго періода его жизни должно было предваряться трудной и продолжительной внутренней борьбой. Наконецъ, могла быть и еще, совершенно внѣшняя причина уклоненія Іоанна отъ крещенія,—это сознаніе необходимости высшаго образованія и желаніе извѣдать естественные пути пріобрѣтенія истины и уже потомъ отдаться небесному водительству. Извѣстно, что, по принятымъ тогда обычаямъ, христіанину, уже принявшему крещеніе, не дозволялось посѣщать языческія училища.

---

[1]) Бес. на кн. Дѣяній ч. I, стр. 21—30.

[2]) Св. Григорія Богослова творенія т. III, стр. 281—284, 297—300.

II.

Аскетическій подвигъ Св. Златоуста и выясненіе жизненнаго призванія.

Нравственное перерожденіе Златоуста подъ воздѣйствіемъ божественной благодати, стремленіе его къ подвижнической жизни. Ссылка Мелетія въ 372 году. Діодоръ и Картерій. Ѳеодоръ и Максимъ. Религіозная чуткость Іоанна. Паденіе Ѳеодора и раннее призваніе Златоуста къ епископскому служенію, какъ два факта, ускорившихъ въ немъ опредѣленіе жизненнаго призванія. Посланія къ Ѳеодору падшему. Поставленіе Василія во епископы, уклоненіе отъ епископскаго сана Іоанна. Происхожденіе и характеръ словъ о священствѣ. Анализъ ихъ содержанія. Бѣгство Златоуста въ пустыню и четырехлѣтній аскетическій подвигъ подъ руководствомъ суроваго сирійца, свидѣтельство объ этомъ Іоанна Дамаскина. Характеристика монастырской жизни, Златоустъ, какъ защитникъ монашества. Пастырское значеніе и цѣль аскетизма по ученію Златоуста, миссіонерскій характеръ монашеской жизни. Слова Златоуста о подвижничествѣ, какъ плодъ его аскетическаго самоуглубленія. Сущность воззрѣній Златоуста на монашество. Его теорія религіозно-нравственнаго воспитанія юношества. Жажда еще болѣе суровой жизни и удаленіе Златоуста въ пещеру. Двухлѣтній аскетическій подвигъ въ пещерѣ. Выясненіе пастырскаго призванія.

Великимъ и продолжительнымъ размышленіемъ подготовленное крещеніе Іоанна было для него рѣшительнымъ переломомъ нравственной жизни. Начинался новый періодъ его жизни, періодъ по преимуществу духовнаго дѣланія, подвижничества и полнаго выясненія для него религіознаго жизненнаго идеала. Принявъ крещеніе, Златоустъ продолжалъ свои занятія изученіемъ Слова Божія подъ руководствомъ Мелетія до самаго изгнанія послѣдняго Валентомъ въ 372 г. Благодатное обновленіе Іоанна выразилось въ совершенномъ измѣненіи его нравственной жизни и въ стремленіи къ подвижничеству съ отреченіемъ отъ міра. Объ из-

мѣненіи нравственной жизни свидѣтельствуетъ достовѣрнѣйшій изъ біографовъ Златоуста Палладій. Отвѣчая на вопросъ своего собесѣдника относительно нрава Іоанна въ общеніи съ людьми, Палладій свидѣтельствуетъ о его полной духовной собранности и указываетъ началомъ ея именно принятіе крещенія [1]. Самъ Златоустъ неоднократно подтверждаетъ, что хотя нѣкоторая горячность была въ его характерѣ, однако онъ послѣ крещенія избавился отъ нея и продолжалъ дѣятельную духовную борьбу съ грѣхомъ своей природы. Въ 3 словѣ о священствѣ онъ говоритъ между прочимъ, что священнику вредитъ особенно гнѣвливость. Ничто, говоритъ онъ, не помрачаетъ столько чистоту души и ясность мыслей, какъ стремительный и необузданный гнѣвъ. Гнѣвъ губитъ и разумныя (Притч. XV, 1). Потемненное око души, какъ въ ночномъ сраженіи не отличаетъ союзниковъ отъ непріятелей, худыхъ отъ добрыхъ, но на всѣхъ одинаково смотритъ и, хотя бы предстояло какое нибудь зло, на все удобно рѣшается, только бы насытить душу удовольствіемъ. Гнѣвъ возмущаетъ мирное состояніе души, легко вдыхаетъ въ себя надменность, несправедливыя вражды, безразсудную ненависть, часто побуждаетъ безъ причины

[1] Palladii dialorus historicus pag. 67. Разрѣшая далѣе возраженіе Феодора относительно нрава Златоуста въ виду того, что многіе обвиняютъ его въ гнѣвливости и высокомѣріи, Палладій указываетъ на полное отсутствіе у него этого отрицательнаго качества и утверждаетъ, что въ гнѣвливости и высокомѣріи могли обвинять Златоуста и дѣйствительно обвиняли лишь обличаемые имъ со всею суровостію пастырской ревности неисправимые грѣшники, но, весьма понятно, что подобнаго рода суровость всегда граничитъ съ душевною мягкостью и глубочайшею скорбію о погибели грѣшника (р. 68—69). Только Сократъ на основаніи ложныхъ и непровѣренныхъ имъ источниковъ обвиняетъ Іоанна въ томъ, что онъ былъ гнѣвливъ и нимало не заботился о смиреніи (lib. VI, cap. III). Но мнѣніе сократа стоитъ почти одинокимъ. Многіе же писатели древности, признавая горячность и суровость въ характерѣ Златоуста, относятъ ея неумѣренное проявленіе къ возрасту до крещенія (см. Acta sanct. Sept. t. IV, pag. 414, § VI). При ясномъ сознаніи Златоустомъ христіанскаго идеала, весьма понятно, конечно, что жизненныя отклоненія отъ него должны были причинять ему жестокую скорбь. И вотъ онъ, въ полномъ сознаніи своего божественнаго права, обращается съ суровымъ обличеніемъ къ богачамъ немилосердымъ, къ развратнымъ юношамъ, къ клирикамъ, забывшимъ обязанности своего званія и т. д. Бичуетъ порокъ жезломъ желѣзнымъ, обличаетъ дворъ, обличаетъ все направленіе жизни. И, конечно, грѣховный міръ долженъ былъ видѣть въ немъ своими ослѣпленными очами - гнѣвливаго и нетерпимаго человѣка.

наносить оскорбленія и заставляетъ дѣлать много другаго подобнаго, душа увлекается быстрымъ потокомъ страсти и нигдѣ не можетъ остановиться, дабы противостать ея стремленію [1]). Но когда этотъ анализъ гнѣва былъ предложенъ Златоустомъ Василію въ качествѣ мотива, извиняющаго Іоанна въ уклоненіи отъ священства, Василій рѣшительно отвергъ значеніе этого отрицательнаго мотива для самого Златоуста. Я не потерплю твоего притворства, говорилъ онъ, ибо кто не знаетъ, сколько ты далекъ отъ этой страсти? Но Златоустъ отвѣтилъ, что звѣрь гнѣва еще дремлетъ въ немъ и если не проявляется, то только благодаря спокойствію и уединенію любимому имъ [2]). Іоанну предстоялъ выборъ, или избрать тихую келейную жизнь съ ея безмолвіемъ и сокровенными подвигами, или, пребывая въ мірѣ, служить Церкви въ качествѣ клирика,—должности, сопряженной со многими трудами и заботами не только о себѣ самомъ, но по преимуществу о другихъ. Василій не оставлялъ Іоанна и убѣждалъ его, чтобы онъ навсегда поселился съ нимъ въ одномъ жилищѣ [3]). И скоро Іоаннъ склонился на убѣжденія друга, рѣшился посвятить себя отшельнической жизни. Но онъ зналъ, что любовь матери, память о ней будутъ мучить его, куда бы онъ ни ушелъ, если бы онъ исполнилъ свое жизненное рѣшеніе безъ ея согласія. Онъ обратился за благословеніемъ къ матери. Мы знаемъ, что мать не дозволила Іоанну оставить ее и онъ отложилъ на время исполненіе своего желанія. Можно думать, что и Мелетій препятствовалъ Іоанну отдаться отшельничеству и подвижничеству, зная его пригодность для церковныхъ служеній и съ этою цѣлію скоро сдѣлалъ его чтецомъ. Вступивъ въ число клира, Іоаннъ еще болѣе сблизился съ Мелетіемъ и въ самой должности своей находилъ и новыя побужденія, и прочное руководство къ изученію Слова Божія и къ нравственному усовершенствованію [4]). Оставаясь въ домѣ своей матери, онъ велъ строгую подвижническую жизнь. Постомъ, ночными бдѣніями, чтеніемъ священныхъ книгъ

[1]) О свящ. сл. III, стр. 79.
[2]) Ib. 79—80, 55—56.
[3]) О свящ. сл. I, стр. IV.
[4]) Acta Sanct. IV, p. 315.

и самоуглубленіемъ онъ старался обуздать въ себѣ страсти и всѣ дѣйствія и движенія своей души покорить Христу. Особенно цѣнно въ этомъ случаѣ свидѣтельство Іоанна Дамаскина, который въ похвальномъ словѣ своемъ Златоусту говоритъ, что всѣ его добродѣтели положены были на обильнѣйшемъ основаніи смиренія [1]). Кто, скажи мнѣ, кто станетъ обличать мои пороки, спрашиваетъ Златоустъ Василія. Эти стѣны и эта келлія?—Но онѣ не могутъ говорить. Мать, которой болѣе всѣхъ извѣстна моя жизнь?—Но и съ нею я имѣю мало общенія и притомъ мы никогда не были съ нею въ несогласіи. Если бы кто захотѣлъ вѣрнѣе испытать мою душу, тотъ нашелъ бы въ ней много слабостей [2]). Но эти слова его, полныя скромности и смиренія, свидѣтельствуютъ, что онъ и въ домѣ матери не оставлялъ подвижничества и въ тоже время стремился къ новымъ подвигамъ, желалъ болѣе строгой дисциплины. Желаніе отшельничества и болѣе суроваго воспитанія постепенно возрастало въ немъ. Слова о священствѣ,—*плодъ его духовной аскетики*, свидѣтельствуютъ о его неусыпномъ и непрерывномъ бдѣніи надъ собою. Нельзя сказать и того, чтобы у него не было тогда никакихъ внѣшнихъ дисциплинарныхъ средствъ, о которыхъ онъ такъ заботился. Кромѣ Василія, по свидѣтельству историковъ, онъ пользовался наставленіями пресвитеровъ Діодора и Картерія и своихъ друзей—Ѳеодора и Максима. Аріанинъ Валентъ сослалъ Мелетія Антіохійскаго въ 372 г. въ вѣчную ссылку. Мѣсто Мелетія по учительству заняли пресвитеры Діодоръ и Картерій [3]). Первый изъ нихъ, наиболѣе извѣстный, пользовался особеннымъ уваженіемъ Іоанна. Въ привѣтственномъ словѣ своемъ Діодору Іоаннъ рисуетъ его, какъ аскета и ревностнаго пастыря Церкви, указываетъ на его нестяжательность, апостольскій характеръ жизни, заботы о наученіи паствы, ревность по вѣрѣ, терпѣніе въ несчастіяхъ и призываетъ во свидѣтели

---

[1]) Oratio panegyrica auctore S. Ioanne Damasceno cap. I, 2. Acta Sant. IV, 701.

[2]) О свящ. сл. VI, стр. 183; ср. сл. III, стр. 76—79.

[3] Діодоръ былъ впослѣдствіи епископомъ Тарсійскимъ и написалъ много книгъ: Sosom. Lib. II, cap. II; Socrat. lib. VI, cap. III. Картерій извѣстенъ мало.

самихъ антіохійскихъ гражданъ [1]). Картерій менѣе извѣстенъ. Своими основательными познаніями въ священномъ писаніи, своимъ обширнымъ богословскимъ образованіемъ Іоаннъ обязанъ преимущественно Діодору. Кромѣ того, подъ вліяніемъ наставленій Діодора образовался и самый способъ изъясненія свящ. Писанія, употребляемый Іоанномъ. Товарищами Златоуста въ изученіи свящ. Писанія и началѣ монашеской жизни были его бывшіе товарищи по школѣ Ливанія Θеодоръ и Максимъ, которыхъ онъ располагалъ къ иноческой жизни [2]). Ко времени антіохійскаго воспитанія Златоуста у Діодора и Картерія относится также тотъ случай опасности съ нимъ, о которомъ онъ разсказываетъ въ 38 бес. на кн. Дѣяній. Императоръ Валентъ при своемъ аріанскомъ вольномысліи былъ ужасно суевѣренъ и потому слѣдилъ за всякими проявленіями магіи и волшебства. Антіохія особенно была подозрительна ему въ этомъ отношеніи. Городъ былъ, по свидѣтельству Златоуста наполненъ полицейскими агентами, которые искали, не попадутся ли гдѣ чародѣйскія, или волшебныя книги. И вотъ, однажды Іоаннъ, идя со своимъ другомъ (вѣроятно Василіемъ), увидѣлъ плавающую у берега книгу. Они подняли ее и стали разсматривать. Случилось, что въ это время мимо проходилъ агентъ полиціи и они провели нѣсколько ужасныхъ минутъ въ трепетѣ и ужасѣ, боясь быть открытыми и подвергнутыми жестокому наказанію [3]). И подобныхъ случаевъ съ Іоанномъ было много, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ. Важно здѣсь самое отношеніе Іоанна къ подобнымъ фактамъ. Я разсказалъ вамъ, говоритъ онъ, это для того, чтобы каждый, зная, если не такіе, то другіе подобные случаи, постоянно помнилъ объ нихъ. Напр., не случалось ли, что камень брошенный и могшій упасть на тебя, не попадалъ въ тебя, содержи это всегда въ памяти. Это много содѣйствуетъ намъ питать любовь къ Богу. Это избавляетъ отъ

[1]) Слово въ похвалу Діодору, епископу Тарсійскому Бес. на разн. сл. II, 320.

[2]) Θеодоръ былъ впослѣдствіи епископомъ Мопсуестскимъ (Mopsuestia in Cilicia), а Максимъ еп. Селевкійскимъ (Maximus recencetur inter episcopos Selеusienses in Isauria). Socr. Lib VI, c. III; Sosom. lib. VIII, cap. II.

[3]) Бес. на Дѣян, ч. II, стр. 165—166.

унынія въ несчастіяхъ [1]). Этотъ случай характеризуетъ полноту христіанскаго міровоззрѣнія Златоуста и указываетъ путь его развитія,— путь религіозно-психологическаго изученія жизни, освященія жизненныхъ фактовъ религіознымъ сознаніемъ. Каждый изъ подобныхъ случаевъ все болѣе и болѣе утверждалъ Златоуста въ вѣрѣ въ міроправительный Промыслъ и указывалъ слабость естественныхъ человѣческихъ силъ въ качествѣ самодовлѣющаго жизненнаго начала. Два крупные факта изъ жизни Златоуста имѣли для него рѣшающее значеніе,—это *судьба* одного изъ друзей—Θеодора и раннее призваніе *его* къ епископству. Оба факта имѣли своимъ послѣдствіемъ въ душѣ Златоуста окончательную рѣшимость отдаться аскетическимъ подвигамъ въ сознаніи личнаго безсилія въ отношеніи къ высокимъ жизненнымъ задачамъ. Пылкій и впечатлительный Θеодоръ, изучивъ начала христіанской жизни, произнесъ окончательное отреченіе отъ мірской жизни и предался духовнымъ подвигамъ. Цѣлые дни проводилъ онъ въ чтеніи, цѣлыя ночи въ молитвахъ [2]). Но его обращеніе къ подвижнической жизни, удивлявшее его друзей, было не глубоко, оно совершилось безъ могучихъ нравственныхъ переворотовъ и безъ продолжительнаго подвига самоиспытанія, но по одному минутному увлеченію высокимъ идеаломъ духовной жизни. Скоро онъ увлекся мірскою жизнію, прельщенъ былъ свѣтскими удовольствіями и вздумалъ вступить въ бракъ. Это событіе весьма огорчило друзей. Іоаннъ былъ потрясенъ до глубины души, наглядно видя на примѣрѣ Θеодора слабость естественнаго человѣка въ духовной жизни. Побуждаемый ревностью о спасеніи погибающаго Θеодора, Іоаннъ пишетъ ему два посланія, или письма, которыя въ изд. извѣстны подъ именемъ словъ къ Θеодору падшему [3]). Содержаніе

1) Ibid. стр. 166—167.

2) Ad Theod. lapsum I, pag. 29, ed. Montfauconis t. I.

3) Созоменъ, Гезихій, Θеодоръ Кесарійскій указываютъ одно только посланіе къ Θеодору. Леонтій Византійскій-знаменитый богословъ конца VI в. и Исидоръ Испанскій признаютъ два посланія подъ заглавіемъ „къ падшему“ и адресованныхъ одному и тому же лицу. Послѣдній говоритъ, что онъ самъ читалъ два письма Златоуста къ Θеодору: legi duo ejus de lapsis libellos, scriptos ad quendam Theodorum lamentis et exhortationibus plenos ut puta illum a bona conversatione dejectum. Таково же свидѣтельство

этихъ посланій опредѣляется уже ихъ поводомъ и задачею. Въ первомъ посланіи Златоустъ убѣждаетъ Θеодора оставить снова суетную мірскую жизнь и быть вѣрнымъ разъ избранному иноческому пути. Онъ предостерегаетъ Θеодора отъ возможнаго въ его положеніи отчаянія и указываетъ на милосердіе Божіе и остатокъ добра въ душѣ человѣческой, какъ основанія возможности обращенія изъ самой глубины паденія. Рѣчь изобилуетъ множествомъ примѣровъ и текстовъ св. Писанія, что доказываетъ уже въ это время хорошее знаніе Библіи и умѣнье пользоваться словомъ Божіимъ для нравственныхъ цѣлей. Таково же по существу и второе посланіе, замѣчателенъ въ немъ доводъ противъ возможности для Θеодора брачной жизни, такъ какъ онъ уже обручился небесному жениху и, оставляя его, совершаетъ прелюбодѣяніе. Оба посланія составляютъ цѣнный даръ Златоуста наукѣ духовной жизни. Самое замѣчательное въ нихъ и увеличивающее ихъ цѣнность—это глубокая, проникновенная, исполненная любви и всеобъемлющая скорбь Іоанна о погибающей душѣ, вѣчная пастырская скорбь, имѣющая своимъ предѣломъ только обращеніе грѣшника [1]. Это было первое выступленіе Іоанна на служеніе ближнему словомъ, первый опытъ его пастырской дѣятельности [2].

Второй фактъ, имѣвшій важное значеніе въ подготовительномъ періодѣ жизни Златоуста, былъ—раннее призваніе его къ епископскому сану вмѣстѣ съ его другомъ Василі-

Леонтія Византійскаго (Acta Sanct. Sept. t. IV, pag. 416). Тоже доказывается сходствомъ посланій по содержанію и стилю. Второе посланіе заставляетъ предполагать, что Θеодоръ письменно, или устно отвѣчалъ на I-е посланіе Іоанна и желалъ оправдать свое возвращеніе въ міръ заботами о домашнихъ дѣлахъ, примѣрами другихъ и т. п. Въ концѣ втораго посланія Златоустъ даетъ понять, что онъ писалъ прежде Θеодору и великая любовь къ послѣднему заставила написать и это посланіе (Ad Theod. lapsum. Ep. II, pag. 51. Ed. Montf. t. I. Неандеръ думаетъ, что второе посланіе писано къ другому лицу, Neander. Der hl. Ioh. Chrys. B. I, pp. 22—23. Anmerk. 2. Но для этого нѣтъ основаній.

[1]) Ad. Theod. lapsum, ep. I, pag. 2.

[2]) Относительно времени написанія посланій къ Θеодору падшему существуютъ разногласія. По мнѣнію Баронія, они были написаны Златоустомъ во время жизни въ пустынѣ. Ему слѣдуетъ Монфоконъ (Monitum in duas I. Chr. ad Theod. lap. ep. t. I, p. XX) и нѣк. др. Тильмонъ, ссылаясь на второе письмо, гдѣ говорится о 20 лѣтнемъ возрастѣ Θеодора, возражаетъ.

ємъ прямо изъ званія чтецовъ антіох. Церкви. Не смотря на скромную и полную смиренія жизнь Іоанна и Василія они скоро стали извѣстны предстоятелямъ церкви и обоихъ друзей рѣшено было поставить во епископы. Время этого событія можно полагать не ранѣе 374 г. [1]) на томъ основаніи, что къ этому году относится удаленіе Іоанна въ пустыню, а послѣднее въ свою очередь было вызвано его раннимъ призваніемъ къ епископству и онъ удалился изъ опасенія, чтобы его не поставили во епископы противъ воли. По свидѣтельству Дамаскина Іоаннъ былъ поставленъ въ чтецы около 30 л. [2]), но до призванія его къ епископству прошло около 2 лѣтъ, такъ что ему приближался 30 лѣтній возрастъ [3]). Самъ Златоустъ многократно свидѣтель-

что они писаны гораздо ранѣе, но ошибка Тиллмона очевидна; несомнѣнно, что онъ имѣетъ въ виду какое нибудь иное (м. б. подложное) письмо Златоуста (Acta sanct. pag. 419). Точныя основанія для сужденія о времени написанія epistolarum ad Theod. lapsum могутъ быть выведены изъ приведеныхъ выше свидѣтельствъ историковъ о первоначальныхъ отношеніяхъ Іоанна и Θеодора. По свид. Сократа, Созомена и Θеодорита, Θеодоръ въ одно время съ Златоустомъ изучалъ свящ. Писаніе у Діодора (Theod. lib. V, cap. 40). Но Діодоръ имѣлъ особенное попеченіе о церкви Антіохійской вмѣстѣ съ Флавіаномъ отъ 372 г. до 378, т. е. пока оставался въ изгнаніи св. Мелетій, еп. Антіохійскій (Theod. IV, 25). Нужно думать, что въ началѣ этого совмѣстнаго обученія у Діодора и писаны посланія Іоанна къ Θеодору. Противъ болѣе поздняго (во время пуст. жизни) происхожденія писемъ говоритъ самое содержаніе ихъ. Когда Златоустъ жилъ въ пустынѣ, онъ проводилъ первые четыре года подъ дисциплиной суроваго сирійскаго старца (Palladii dial. hist. pag. 18). Но Діодоръ, подъ дисциплину и руководительство котораго старается возвратить Θеодора Іоаннъ не былъ тогда старцемъ, потому что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ поставленъ былъ епископомъ и епископствовалъ 36 лѣтъ (Theod. lib. V, cap. 40). Слѣдуетъ думать, что занятія Св. Писаніемъ у Діодора начались для Златоуста не ранѣе 372 г. потому что въ этомъ году былъ отправленъ въ ссылку Мелетій, но невѣроятно, чтобы Златоустъ занимался у Діодора, пока Мелетій находился въ Антіохіи. Сообразно съ приведенными основаніями слѣдуетъ думать, что вступленіе Іоанна и Θеодора подъ дисциплину Діодора, къ которой письма призываютъ Θеодора, относится къ 372 г. Несомнѣнно также, что они написаны прежде, чѣмъ Златоустъ ушелъ въ пустыню, т. е. около 374 г. Итакъ, посланія къ Θеодору написаны Златоустомъ между 372 и 374 гг., слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, составляютъ первый памятникъ его пастырскаго служенія словомъ.

[1]) Тильмонъ и Монфоконъ соглашаются, что Іоаннъ удалился въ пустыню не ранѣе 374 г.

[2]) Oratio paneg. cap. III.

[3]) Противъ ранняго (прежде 30 лѣтъ) призванія Іоанна и Василія къ

ствуетъ, что въ пору призванія ихъ къ епископству оба они были въ юношескомъ возрастѣ. Указывая на личное достоинство Василія, какъ основаніе для принятія имъ епископскаго сана, Іоаннъ называетъ его, однако, юношей. Выставляя возможныя возраженія посторонних, завидующихъ чести ихъ избранія въ предстоятельское достоинство, Златоустъ особенно указываетъ на юный возрастъ, какъ на поводъ къ соблазну и возраженіямъ людей противъ правоспособности Василія и Іоанна быть предстоятелями церкви (сл. I). Этимъ онъ свидѣтельствуетъ, что они оба были въ юномъ возрастѣ въ то время, какъ ихъ искали для епископства. Іоаннъ хорошо зналъ высокія достоинства своего друга, но онъ зналъ также и горячую любовь послѣдняго къ себѣ, въ силу чего онъ могъ взять жребій священства лишь въ случаѣ согласія на то же и Іоанна. Зная это, Іоаннъ рѣшился прибѣгнуть къ обману, изъявляя видимое согласіе быть епископомъ, съ тою цѣлію, чтобы склонить своего друга къ этому высокому служенію. Василій [1], посовѣтовавшись предварительно съ Іоанномъ и

епископскому сану возражаютъ, указывая на XI прав. Неокес. соб. 314 г. на которомъ было поставлено, чтобы никто не былъ поставляемъ во пресвитера прежде 30 л. возраста, хотя бы онъ былъ и одобрительной жизни. Противъ смысла такого постановленія и буквальнаго исполненія его возражаетъ неоднократно самъ Златоустъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что о подготовленности извѣстнаго кандидата къ пастырскому служенію нужно судить не по возрасту, но по его нравственному состоянію. Во 2 сл. о священствѣ онъ говоритъ объ этомъ въ утѣшеніе Василію: чего бы не сказали? Погублено стадо Христово и т. д. Хотя сіе самое могутъ сказать и о тебѣ, но ты дѣлами своими скоро докажешь, что не должно судить о умѣ по возрасту, ни дѣлать предпочтенія старцу за его сѣдину, а молодаго по лѣтамъ вовсе отдалять отъ сего служенія. Это относится только къ молодому по вѣрѣ (новокрещенному). А между тѣмъ (*νέος*) и другимъ (*νεόφυτος*) -великое различіе (стр. 50—51). По смыслу этихъ словъ Златоуста слѣдуетъ, что даже постановленіе Неокес. собора не нарушается при допущеніи юныхъ въ церковныя служенія при соотвѣтствіи послѣднему ихъ прав. качествъ. Практика церкви свидѣтельствуетъ, что не рѣдки были примѣры поставленія во пресвитера лицъ, не достигшихъ 30-лѣтняго возраста, такъ Ремигій былъ поставленъ во епископы Ремензы, когда имѣлъ около 22 лѣтъ; Элевферій -нѣкто двадцати-лѣтнимъ юношей былъ поставленъ епископомъ въ Иллирикъ—папою Аникитомъ (см. in libros de sacerdotio monitum in ed. Montfauc. t. I, pag. 441).

[1]) Относительно личности Василія существуютъ разногласія, перво-

получивъ отъ него видимое согласіе на совмѣстное прохожденіе высокаго епископскаго служенія, покорился суду отцовъ въ надеждѣ, что и Іоаннъ послѣдуетъ его примѣру. Но Іоаннъ, поверженный въ трепетъ и ужасъ однимъ слухомъ о намѣреніи предстоятелей церкви возвести его въ епископское достоинство, уклонился отъ посвященія и скрылся въ пустыню. Когда Василій узналъ о поступкѣ своего друга, онъ объятъ былъ глубокою скорбію, какъ вслѣдствіе обмана

источникомъ которыхъ слѣдуетъ считать Сократа, который, какъ мы уже неоднократно видѣли, передаетъ много недостовѣрныхъ свѣдѣній о Златоустѣ. Сократъ говоритъ (lib. VI, cap. 3), что это былъ Василій Великій, еп. Кесаріи Каппадокійской. Но ложь подобнаго утвержденія очевидна для всякаго. Василій Великій въ это время не былъ юношей и не жилъ въ Антіохіи, пока это совершалось. Онъ, какъ извѣстно, былъ долгое время пресвитеромъ въ Кесаріи, потомъ нѣсколько лѣтъ епископомъ въ томъ же городѣ, тогда какъ другъ Златоуста былъ попъ, жилъ въ Антіохіи и учился совмѣстно съ нимъ у Діодора и Картерія. Фотій думаетъ, что это былъ Василій еп. Селевкійскій, который, нужно думать, только родился около этого времени, такъ какъ въ 451 г. участвовалъ епископомъ въ соборѣ Халкидонскомъ, а въ 458 г. писалъ императору Льву. Нельзя также отождествлять Василія съ Максимомъ, другомъ Златоуста. Бароній, болѣе достовѣрный въ данномъ случаѣ, основываясь на фактѣ участія друга Златоуста на соборѣ Константинопольскомъ (381 г.), говоритъ, что онъ былъ одинъ изъ двухъ бывшихъ тамъ епископовъ, носившихъ имя Василія: одинъ—еп. Рафаненскій въ Сиріи, другой — епископъ Библа въ Финикіи. Что касается послѣдняго, то во многихъ изданіяхъ соборныхъ актовъ онъ носитъ имя Василида, а не Василія. Другой же въ изд. Лаббея (t. II, Conciliorum col. 955) подписывается Василіемъ, еп. Рафаненскимъ (см. Acta Sanct. Sept. t. IV, pag. 425). Монфоконъ считаетъ единственно вѣроятнымъ послѣднее мнѣніе о личности Василія и считаетъ его епископомъ Рафаны Сирійской (in libros de Sac. monitum Ed. Montfauc. t. I, p. 441). Послѣднее мнѣніе имѣетъ основаніе въ словахъ самого Златоуста. По свидѣтельству Іоанна его другъ вскорѣ послѣ посвященія пришелъ къ нему съ глубокою скорбію, желая знать объясненіе его поступка съ нимъ. Послѣ продолжительной бесѣды, прощаясь съ Іоанномъ, Василій умолялъ своего друга не оставлять его одинокимъ, давать ему наставленія, совѣты и утѣшенія. Св. Іоаннъ обѣщалъ по временамъ приходить къ нему для бесѣды. Но постоянное общеніе и свиданія друзей были возможны лишь въ томъ случаѣ, если мѣсто епископства Василія было не далеко отъ Антіохіи, въ которой жилъ и около которой подвизался Іоаннъ. Такова и была именно Рафана Сирійская. По свидѣтельству Келларія (Georg. t. II, pag. 258) г. Рафана находился въ средней Селевкіи, которой главнымъ городомъ была Антіохія и расположенъ былъ между Антарадомъ и рѣкою Оронтомъ, на которой лежала Антіохія, такъ что между Рафаной и Антіохіей было весьма незначительное разстояніе (Acta Sanct. t. VI, pag. 426).

со стороны Іоанна, такъ и въ особенности вслѣдствіе сознанія своего одиночества въ трудномъ пастырскомъ служеніи. Онъ разыскалъ мѣсто убѣжища Іоанна и, со слезами на глазахъ пришедши къ нему, просилъ Іоанна объяснить ему свой поступокъ. Съ полною готовностію облегчить скорбь своего друга, Златоустъ оправдывается предъ нимъ указаніемъ на свое искреннее и глубокое уваженіе къ его достоинствамъ. Съ рѣдкою силою мысли и слова онъ защищается противъ обвиненій, возводимыхъ на него недоброжелателями и завистниками, убѣждаетъ, что не должно много думать объ оскорбленіи людей, когда дѣло идетъ объ оскорбленіи Бога. Вмѣстѣ съ этимъ Іоаннъ излагаетъ свои мысли о высокомъ достоинствѣ священства, рисуетъ яркими красками высокій идеалъ пастыря церкви, говоритъ о трудностяхъ, ему предлежащихъ, о тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ испытаніяхъ, съ которыми пастырю предстоитъ бороться непрестанно, тѣмъ болѣе, что его личная гибель влечетъ за собою гибель ввѣренныхъ ему душъ. Эти мысли Златоуста, прекрасно характеризующія его духовный образъ въ концѣ подготовительнаго къ пастырству періода, изложены имъ въ знаменитыхъ его словахъ о священствѣ [1]. Главнымъ предметомъ словъ о священствѣ служитъ пастырскій идеалъ: важность, трудность, высота и великая отвѣт-

[1]) Относительно времени написанія словъ существуютъ разногласія, которыя, правда, разрѣшаются довольно легко. Сократъ (lib. VI, cap. 3) говоритъ, что книги о священствѣ написаны Златоустомъ послѣ того, какъ онъ былъ поставленъ Мелетіемъ въ діакона. По мнѣнію Монфокона ни въ какомъ случаѣ нельзя предполагать, чтобы книги о священствѣ написаны во время хода самыхъ событій, по поводу которыхъ они появились, такъ какъ смыслъ рѣчи явно предполагаетъ нѣкоторый періодъ времени между событіемъ и бесѣдою по поводу его (tom. I, p. 441). По мнѣнію Баронія, слова о священствѣ написаны послѣ описываемаго въ нихъ событія. По смыслу рѣчи Баронія можно думать, что между событіемъ и оправданіемъ Златоустомъ своего поступка прошло до шести лѣтъ. Но это болѣе, чѣмъ невѣроятно, потому что тогда не было никакой нужды а) оправдывать свое бѣгство отъ епископства, бывшее такъ давно; в) Василій, конечно, уже не нуждался въ такихъ позднихъ утѣшеніяхъ, такъ какъ шестилѣтній періодъ времени само собою могъ дать извѣстное объясненіе дѣлу; с) наконецъ, не было никакой нужды возобновлять въ умахъ антіох. гражданъ событіе, въ свое время ихъ весьма взволновавшее, какъ можно видѣть изъ самыхъ словъ о священствѣ. Но такъ какъ все таки слѣдуетъ предполагать нѣкоторое время между посвященіемъ Василія во епископы и бѣгствомъ Іоанна въ

ственность пастырскаго служенія. Но сознаніе пастырскаго идеала при нѣкоторомъ самонаблюденіи необходимо вызываетъ сознаніе собственнаго недостоинства человѣка для принятія на себя ига Христова. Это то сознаніе недостоинства и покаянное самопознаніе, заставившее Златоуста уклоняться отъ пастырскаго призванія и бѣжать въ пустыню, это сознаніе своего недостоинства, думаемъ мы, и составляетъ основную идею словъ Златоуста о священствѣ. Для достойнаго прохожденія высокаго пастырскаго подвига необходима самоотверженная любовь, которая и выставляется Златоустомъ, какъ первое побужденіе и главнѣйшее основаніе пастырскаго служенія людямъ. Но стремленіе къ подъятію на себя ига Христова вызываетъ сознаніе величія подвига и на ряду съ нимъ слабости естественныхъ человѣческихъ силъ и личнаго несовершенства въ его полномъ несоотвѣтствіи высокому пастырскому идеалу. Послѣднее и является мотивомъ, ослабляющимъ рѣшимость субъекта къ принятію пастырскаго служенія [1]). Разгадка того недоумѣннаго явленія, что Іоаннъ при горячей любви къ Богу и ближнимъ все же уклонился отъ пастырскаго служенія,— въ томъ, что онъ путемъ самонаблюденія и самоиспытанія стяжалъ себѣ покаянное сознаніе своей немощи и нѣкоторой страстности души, личнаго несоотвѣтствія высокому идеалу пастырства. Любовь къ Богу и ближнимъ побуждала Іоанна служить послѣднимъ, такъ какъ Господь необходимымъ знакомъ любви къ Нему поставилъ попеченіе объ овцахъ, а сознаніе своей немощи ἡ ἀσθένια) отклоняло отъ

пустыню, съ одной стороны, написаніемъ словъ о священствѣ, съ другой, то мы не погрѣшимъ, въ виду изложенныхъ выше доводовъ, если скажемъ, что они написаны пока жива была память о бѣгствѣ Златоуста, обдуманы въ уединеніи пустыни и изданы въ свѣтъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня его бѣгства, какъ прекрасная апологія его поступка. Согласно съ установленнымъ положеніемъ слѣдуетъ думать, что слова о священствѣ написаны Іоанномъ около 375 г., или предъ окончательнымъ его поступленіемъ въ отшельническое общежитіе. Германцій свидѣтельствуетъ, что онѣ написаны въ пустынѣ. И этому нимало не противорѣчитъ общеизвѣстный фактъ ревностнаго прохожденія Златоустомъ общежительнаго подвига, такъ какъ и въ суровыхъ условіяхъ жизни у него всеже оставался нѣкоторый досугъ, а монастырской дисциплинѣ не противно и даже полезно литературное упражненіе.

[1]) О свящ. сл. I, особ. стр. 38.

принятія ига Христова. Являлась, такимъ образомъ, нѣкоторая раздвоенность духа, внутренняя борьба, требовавшая неотложнаго разрѣшенія. Нравственная логика сама собою приводила Златоуста къ сознанію необходимости устранить ту отрицательную инстанцію, которая единственно препятствовала ему отдаться внутреннему призванію и удовлетворить лучшимъ стремленіямъ своего духа. Онъ созналъ, что необходимо очистить свою душу отъ страстей путемъ самоотреченія и созналъ необходимость подготовительнаго къ пастырству воспитанія духа. И вотъ онъ уходитъ въ пустыню [1]. Старецъ Сиріанинъ, къ которому пришелъ Златоустъ, совнѣ грубый и суровый, былъ опытенъ въ духовной жизни. Іоаннъ совершенно подчинялся суровымъ требованіямъ общежительной жизни Сирійскихъ монаховъ и духовно совершенствовался, восходя отъ силы въ силу [2]. Златоустъ оставался въ общежитіи монаховъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ (διὰ δύο) и вынесъ оттуда самое отрадное впечатлѣніе. Строй, бытъ, характеръ, нравственно-воспитательное значеніе монастырей, на основаніи личнаго изученія ихъ Іоанномъ, изображаются имъ весьма привлекательными чертами. Укажемъ наиболѣе существенныя стороны монашеской жизни востока во время Златоуста по его личнымъ впечатлѣніямъ. Жизнь монашеская, по словамъ Златоуста, представляетъ полную противоположность жизни мірской: между монашескою и мірскою жизнію такое же различіе, какъ между пристанью и моремъ, непрестанно разсѣкаемымъ вѣтрами. Избѣгая рынковъ, они предпочли жизнь въ горахъ, которая не имѣетъ ничего общаго съ настоящею жизнію, не подвержены никакимъ человѣческимъ превратностямъ [3]. Настоятель самъ будилъ братію и они тотчасъ, съ благоговѣніемъ освободившись отъ сна, встаютъ въ рядъ и вдругъ простираютъ руки горѣ и

[1]) Достовѣрныя, хотя и краткія свидѣтельства объ этомъ довольно значительномъ и несомнѣнно важномъ періодѣ жизни Іоанна мы находимъ у его біографа и современника Палладія и у Іоанна Дамаскина (oratio paneg.). Дамаскинъ опредѣляетъ содержаніе и значеніе подвиговъ Іоанна, какъ подготовительной къ пастырству школы.

[2]) Oratio paneg. Cap. I, § 8. Имя старца, по словамъ Георгія Алекс.,— Гезихій. (Acta Sanct. pag. 426).

[3]) На Мѳ. III, стр. 173.

воспѣваютъ священные гимны [1]), встаютъ здравы, бодры и свѣжи. Ни гусли, ни свирѣль, ни иное какое музыкальное орудіе не издаетъ такого звука, какой можно слышать въ тишинѣ и въ глубокой пустынѣ, когда поютъ эти святые люди [2]). Пропѣвши гимны съ благоговѣніемъ, они колѣнопреклоненно призываютъ прославленнаго ими Бога на помощь въ такихъ дѣлахъ, которыя другимъ не скоро бы и на умъ пришли. Они не просятъ ни о чемъ настоящемъ, но просятъ о томъ, чтобы имъ съ дерзновеніемъ встать предъ страшнымъ престоломъ, когда Единородный Сынъ Божій придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, чтобы никому изъ нихъ не услышать сего страшнаго гласа: „не вѣмъ васъ", чтобы въ чистотѣ совѣсти и обиліи добрыхъ дѣлъ совершить сію трудную жизнь и переплыть сіе бурное море [3]). Окончивъ утреннія молитвы и пѣніе священныхъ пѣснопѣній, обращаются они къ чтенію Писаній [4]). Одинъ беретъ Исаію и съ нимъ разглагольствуетъ, другой бесѣдуетъ съ апостолами, третій читаетъ книги другихъ писателей и любомудрствуетъ о Богѣ, о мірѣ, о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ, чувственныхъ и духовныхъ, о ничтожности жизни настоящей и о величіи жизни будущей [5]). Есть между ними и такіе, которые научились списывать книги. Каждый изъ нихъ, занявъ одно отдѣльное жилище, постоянно упражняется въ молчаніи, никто не суесловитъ. Потомъ совершаютъ они третій, шестой, девятый часъ и вечернее молитвословіе и, раздѣливъ день на четыре части, по окончаніи каждой изъ нихъ прославляютъ Бога пѣснопѣніями [6]). Тамъ никто не призываетъ слуги, ибо всякій самъ можетъ удовлетворить свои нужды. Сами они разводятъ огонь, сами колютъ дрова, сами готовятъ пищу, сами служатъ приходящимъ. Тамъ не услышишь, чтобы кто оскорблялъ другаго, не увидишь тамъ оскорбляемыхъ; нѣтъ тамъ ни принимающихъ приказанія, ни приказывающихъ, но всѣ слуги, каж-

[1] Бес. на 1 Тим. стр. 205.
[2]) Ibid. 207.
[3]) Бес. на Ев. Мѳ. III, 173.
[4]) Бес. на 1 Тим. стр. 208.
[5]) Бес. на Ев. Мѳ. III, 179.
[6]) Бес. на 1 Тим. стр. 209.

дый омываетъ ноги странниковъ и одинъ предъ другимъ стараются оказывать имъ услуги, не разбираютъ они, кто къ нимъ пришелъ, рабъ, или свободный, но дѣлаютъ это для всѣхъ равно [1]). Любятъ они обращаться съ нищими и увѣчными и за столомъ ихъ много такихъ гостей и потому то они достойны неба. Одинъ врачуетъ раны недужнаго, другой водитъ слѣпаго, иной носитъ безногаго [2]). Ихъ внутреннее настроеніе представляетъ полную духовную собранность, самоуничиженное смиреніе и готовность служить всѣмъ людямъ. Душа ихъ, по словамъ Златоуста, свободна отъ всѣхъ страстей и болѣзней, тонка, легка и чище самаго тонкаго воздуха [3]). Полная и истинная свобода есть достояніе отрѣшившихся отъ мірскихъ началъ общежитія. Нѣтъ у нихъ страха и трепета, не обвиняетъ начальникъ, не раздражаетъ жена, не печалитъ сынъ, не утомляетъ чрезмѣрный смѣхъ, не напыщаетъ толпа ласкателей [4]). Тамъ нѣтъ господина и раба; всѣ—рабы и всѣ—свободные. Они и рабы другъ другу и владыки другъ надъ другомъ [5]). Они—граждане небесные. Поэтому, когда кто облеченный достоинствомъ приходитъ къ нимъ, то здѣсь особенно пропадаетъ вся надменность [6]). Ничто у святыхъ — царь, ничто — начальникъ, но, какъ мы смѣемся надъ дѣтьми, въ игрѣ представляющими царя, или начальника, такъ и они презираютъ гордость тѣхъ, которые внушаютъ страхъ собою [7]). Тамъ высота смиренномудрія, тамъ люди, блиставшіе прежде мірскими почестями, или славившіеся богатствомъ, теперь стѣсняютъ себя во всемъ. Большій тамъ тотъ, кто предупреждаетъ другаго въ отправленіи самыхъ низкихъ работъ. Тамъ не говорятъ: это мое, это твое. Оттуда изгнаны эти слова, служащія причиною безчисленнаго множества распрей [8]). Туда не могутъ вкрасться гордость и высокомѣріе, тамъ не знаютъ, что такое лесть. У нихъ во

[1]) Бес. на Ев. Мѳ. III, 243.
[2]) — стр. 244.
[3]) — стр. 174.
[4]) — стр. 195.
[5]) — стр. 196.
[6]) — стр. 197.
[7]) — стр. 198.
[8]) — стр. 243.

всемъ равенство, а потому они весьма удобно преуспѣваютъ въ добродѣтели. Такое равенство гораздо болѣе способствуетъ къ наученію низшихъ, нежели когда бы ихъ невольно заставляли уступать первенство высшимъ, потому что, какъ человѣка дерзкаго вразумляетъ тотъ, кто, получивъ отъ него обиду, уступаетъ ему, такъ и честолюбиваго научаетъ смиренію тотъ, кто не гонится за славою, но презираетъ ее. Они употребляютъ усилія, чтобы не имѣть первенства, но быть въ униженіи, и всячески стараются превзойти другъ друга въ томъ, чтобы не самимъ пользоваться честію, а воздавать ее другимъ. И это легко для отшельника, потому что отшельника занимаетъ собою только пустыня, онъ видитъ летающихъ птицъ, колеблемыя вѣяніемъ вѣтерка дерева, потоки, быстро текущіе по долинамъ [1])... Полная духовная собранность, самоотреченіе, смиреніе и готовность служить людямъ безъ конца — идутъ у иноковъ параллельно съ самымъ строгимъ внѣшнимъ аскетизмомъ. Послѣднее выражается и въ одеждѣ, и въ пищѣ. Одежда у нихъ, говоритъ Златоустъ, соотвѣтственная ихъ мужеству. Они облечены не въ длинныя одежды, какъ люди изнѣженные и разслабленные, но одежды ихъ приготовлены, какъ у тѣхъ блаженныхъ ангеловъ—Иліи, Елисея, Іоанна и прочихъ святыхъ мужей [2]). Трапеза пустынножителей подобна красивой и благообразной женѣ, которая не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ украшеніяхъ, но имѣетъ природную красоту [3]). Питаются они не вареными мясами безсловесныхъ животныхъ, но Словамъ Божіимъ [4]). Трапеза ихъ безъ всякаго излишества, чиста, исполнена благочестія [5]), потому что они употребляютъ пищу не для пресыщенія и наслажденія, а для удовлетворенія естественной потребности. Нѣтъ между ними ни птицелововъ, ни рыболововъ. Они довольствуются хлѣбомъ и водою [6]). Не предлагаютъ они множества блюдъ, распространяющихъ благоуханіе, но подаютъ одни только хлѣбъ и соль, а другіе прибавляютъ еще

[1]) — стр. 245.
[2]) — стр. 175.
[3]) — стр. 215.
[4]) — стр. 179.
[5]) — стр. 195.
[6]) — стр. 213.

елея; у иныхъ, болѣе немощныхъ, подаются еще травы и овощи [1]). Нѣтъ у нихъ потоковъ крови, они не разсѣкаютъ мясъ, нѣтъ головныхъ болей, нѣтъ приправъ къ кушаньямъ, нѣтъ ни тяжелаго запаха, ни непріятнаго курева, ни безпрестаннаго бѣганья и шума, ни суматохи и криковъ несносныхъ, а только хлѣбъ и вода: вода изъ чистаго источника, хлѣбъ—отъ трудовъ праведныхъ. Если же захотятъ получше приготовить пищу, то ягоды составляютъ ихъ лакомство. Трапеза ихъ—трапеза ангеловъ [2]). Постелью служитъ имъ просто трава, многіе спятъ, не имѣя крова, а небо служитъ имъ вмѣсто крова и луна вмѣсто свѣтильника, который не имѣетъ нужды ни въ маслѣ, ни въ томъ, чтобы поправлялъ его и для нихъ то однихъ не даромъ свѣтитъ луна [3]) и т. д. Сонъ ихъ бываетъ благопристойнымъ: тамъ не услышишь, ни храпящихъ, ни зѣвающихъ, не увидишь ни раскинувшагося во снѣ, ни обнаженнаго, но всѣ спять, лежа благоприличнѣе, нежели бодрствующіе. Великій страхъ предъ Богомъ не позволяетъ имъ впадать въ глубокій сонъ и погружать душу въ плоть, но сонъ, какъ бы снаружи прикасается ихъ только для ихъ успокоенія. *И все это происходитъ отъ благаго настроенія души* [4]). Аскетизмъ внѣшній, какъ отрѣшенность человѣка отъ земныхъ и животныхъ началъ его природы, необходимо предполагается въ христіанствѣ въ силу назначенія послѣдняго служить возвращенію грѣшнаго человѣка въ состояніе первозданной красоты и нравственной чистоты. Поэтому, аскетизмъ долженъ быть признакомъ общехристіанскимъ. Послушай, говоритъ Златоустъ, какая жизнь у кочующихъ скиѳовъ, какой образъ жизни у номадовъ, такъ надобно жить и христіанамъ, *обходить вселенную, воюя съ діаволомъ и освобождая плѣненныхъ имъ* и забывать все житейское [5]). Аскетизмъ исключительный, какъ личный подвигъ лицъ, особенно ревнующихъ о преспѣяніи въ мірѣ христіанской идеи, необходимо соединяется съ элементомъ обществен-

—

[1]) Бес. на 1 Тим. стр. 209.

[2]) Бес. на Ев. Мѳ. III, 195; на 1 Тим. 204.

[3]) Бес. на Ев. Мѳ. III, стр. 196.

[4]) Бес. на I Тим. стр. 206.

[5]) Бес. на Ев. Мѳ. III, .3 .стр

ности. Поэтому, аскеты-подвижники *суть свѣтильники, сіяющіе по всей землѣ;—стѣны, которыми ограждаются и поддерживаются самые города. Они для того удалились въ пустыни, чтобы научить и тебя презирать суету мірскую* [1]). Монастыри доставляютъ тихую пристань: уподобляются свѣтиламъ, которыя, будучи помѣщены въ пристани, съ высоты свѣтятъ людямъ, приходящимъ издалека, привлекая всѣхъ къ своей тишинѣ, не допуская тѣхъ, которые обращаютъ взоръ свой на нихъ, подвергнуться кораблекрушенію, и тѣмъ, кто взираетъ на нихъ, не дозволяя пребывать во мракѣ [2]). Поэтому, Златоустъ считалъ монастыри высшими христіанскими школами добродѣтели, насаждающими въ душахъ людей ясное сознаніе христіанской идеи въ ея существѣ и здравыя понятія о вещахъ [3]). Изъ представленнаго изображенія монастырской жизни [4]) можно видѣть не только наличное состояніе монастырской жизни въ лучшихъ монастыряхъ временъ Златоуста, но и то вліяніе, какое они могли имѣть на послѣдняго. Пробывшій у иноковъ одинъ, или два дня, по словамъ Златоуста, получалъ большую пользу. Но самъ Іоаннъ провелъ въ общежительномъ монастырѣ цѣлыхъ четыре года (ἔτη δύο) и не ради внѣшняго изученія монастырскихъ нравовъ, а въ силу внутренняго влеченія къ подвигамъ нравственнаго совершенствованія. Подъ руководствомъ суроваго старца онъ несъ полное монастырское послушаніе и имѣлъ всѣ средства, какія даетъ монастырь для духовнаго преспѣянія. Въ уединеніи пустыни, подъ руководствомъ старца, въ ближайшемъ общеніи съ великими подвижниками духа, въ суро-

[1]) Бес. на Ев. Мѳ. III, 247.

[2]) Бес. на I Тим. стр. 204.

[3]) На Ев. Мѳ. III, 178, 247.

[4]) Для подробнаго и обстоятельнаго ознакомленія со взглядами Златоуста на монашество рекомендуемъ читать слѣд. творенія его: a) къ Димитрію Монаху о сокрушеніи слово первое; b) къ Стелехію и о сокрушеніи слово второе; c) противъ преслѣдующихъ тѣхъ, которые руководствуютъ къ монашеской жизни—слово первое; d) къ невѣрующему отцу—слово второе; e) къ вѣрующему отцу—слово третье; f) три слова къ подвижнику Стагирію. Перечисл. слова въ рус. переводѣ помѣщены въ III томѣ словъ Златоуста. Заслуживаютъ особеннаго вниманія въ указанномъ отношеніи бесѣды Златоуста на Ев. Матѳея -68, 72 и 73 и на 1 посланіе къ Тимоѳею, бесѣда 14.

выхъ аскетическихъ подвигахъ онъ проходилъ христіанскую школу самопознанія и самоотреченія [1]). Несомнѣнность благотворнаго вліянія монастырской жизни на Іоанна и именно въ пастырскомъ отношеніи ясна для насъ изъ той характерной особенности жизни описываемыхъ Златоустомъ монастырей, что въ ней были тѣсно соединены элементы— лично-аскетическій и пастырски-общественный. Первый выражался въ суровыхъ подвигахъ иноковъ и ихъ отрѣшенности отъ пристрастія къ земному. Второй обнаруживался въ дѣлахъ духовной и тѣлесной милости по отношенію къ приходившимъ въ монастырь странникамъ и общемъ духѣ любви и готовности безкорыстнаго служенія людямъ, который сразу подмѣчался пришельцемъ и благотворно дѣйствовалъ на его нравственное самосознаніе. Имѣя въ виду содержаніе и характеръ написанныхъ Златоустомъ за время отшельнической жизни твореній, мы убѣждены, что здѣсь,— въ тиши пустынныхъ монастырей созрѣвала въ душѣ Іоанна пастырская идея, пока лишь въ формѣ постепенно возрастающей внутренней борьбы между любовію къ ближнимъ и сознаніемъ своего недостоинства. Во время своей жизни въ общежительномъ монастырѣ Іоаннъ, кромѣ знаменитыхъ словъ о священствѣ, написалъ нѣсколько замѣчательныхъ по силѣ религіознаго чувства и ясности христіанскаго сознанія твореній. Изъ нихъ укажемъ—къ Димитрію монаху о сокрушеніи и къ Стелехію о сокрушеніи, писанные по частнымъ поводамъ, и противъ гонителей монашеской жизни—посланіе общественнаго характера. Слово о сокрушеніи первое написано Златоустомъ по просьбѣ нѣкоего Димитрія, какъ это объясняетъ самъ авторъ въ началѣ слова. По своему званію этотъ Димитрій, былъ монахъ, какъ это можно видѣть изъ всего содержанія словъ, и въ особенности изъ окончанія. Содержаніе слова опредѣляется самымъ его надписаніемъ. Іоаннъ, самъ полный сокрушенія, призываетъ къ нему Димитрія и указываетъ общія основанія постояннаго скорбнаго чувства христіанина въ общемъ упадкѣ добродѣтели, въ господствѣ зла, отсутствіи любви къ ближнему и непрерывной враждѣ людей. Таково же по содер-

[1]) Начало его жизни въ монастырѣ относится къ концу 374, или къ началу 375 года.

жанію слово второе о сокрушеніи, написанное по просьбѣ нѣкоего монаха Стелехія, какъ это видно изъ начала слова. Слово къ Стелехію написано несомнѣнно послѣ слова къ Димитрію и составляетъ необходимое продолженіе послѣдняго, какъ это можно видѣть изъ словъ самого Златоуста, когда онъ отсылаетъ Стелехія къ прежде написанному письму [1]). Оба слова о сокрушеніи составляютъ плодъ аскетическаго самоуглубленія и проникнуты возвышенною любовію ко Христу, духомъ умиленія и глубокой скорби о грѣховности и глубинѣ паденія человѣческаго существа. *Какъ плодъ аскетизма*, они будятъ душу грѣшника, смиряютъ гордость, уничтожаютъ самомнѣніе и выводятъ на путь самопознанія и покаяннаго сокрушенія. Самъ глубоко понявшій сущность и смыслъ монастырскаго аскетизма, Златоустъ выступаетъ горячимъ защитникомъ монашества въ своихъ трехъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи твореніяхъ, писанныхъ въ это же время,—это: 1) adversus oppugnatores, qui ad monasticam vitam inducunt; 2) Ad infidelem patrem; 3) ad fidelem patrem [2]). По содержанію са-

[1]) De compunctione ad Stelechium lib. II, pag. 176.

Время написанія словъ о сокрушеніи приблизительно опредѣляется на основаніи самаго содержанія ихъ. Такъ въ словѣ къ Димитрію Іоаннъ скорбитъ о томъ, что праздные плотскіе вопросы о пищѣ и жилищѣ свойственны даже и монахамъ. Но, не желая быть суровымъ обличителемъ монаховъ, онъ ссылается на личный примѣръ (de compunctione ad Demetrium lib. I, pag. 162). Изъ его словъ съ очевидностію слѣдуетъ, что посланіе къ Димитрію написано вскорѣ по вступленіи Іоанна въ монашескую жизнь (πρῴην, nuper), т. е. послѣ начала 375 г. По заключенію Монфокона слово къ Димитрію написано не позднѣе 376 г. Заключенія Тильмона и Германція о болѣе позднемъ происхожденіи словъ о сокрушеніи—лишены всякихъ основаній (Montfauc. in duos sequentes de compunctione libros admonitio t. I, pag. 149). Штилтингъ допускаетъ возможность появленія словъ о сокрушеніи даже въ 377 году, но не позднѣе. Монашеская жизнь Златоуста началась въ 375 г., между этимъ событіемъ и написаніемъ словъ должно было пройти нѣкоторое время прежде чѣмъ Златоустъ ознакомился съ монастырскою жизнію и иноками (Acta sanctorum, September, tom. IV, pag. 431).

[2]) По времени своего появленія въ свѣтъ перечисленные три труда Златоуста принадлежатъ къ раннѣйшимъ его твореніямъ и, конечно, совершенно несомнѣнно, что они написаны до пресвитерства. Время можно точно опредѣлить на основаніи хронологической даты событія, послужившаго поводомъ къ ихъ написанію. Этимъ поводомъ послужило, какъ извѣстно, гоненіе Валента на монаховъ. По извѣстію Павла Орозія (lib.

мыхъ апологій Златоуста можно судить о поводѣ и обстоятельствахъ ихъ написанія. Во время Златоуста открылось теченіе мірскихъ людей въ уединеніе пустыни и подъ ру-

---

XVII, cap. 33), аріанинъ Валентъ, по смерти брата своего Валентиніана, благочестиваго каѳолика, открылъ гоненіе на православныхъ въ особенности же на монаховъ. Онъ издалъ законъ, чтобы монахи были изгоняемы изъ монастырей и отдаваемы въ военную службу (ad militiam cogerentur). Таково же извѣстіе Іеронима: Valens legem dedit, ut monachi militarent. Изданъ этотъ законъ былъ въ годъ смерти Валентиніана, которая согласно относится къ ноябрю 375 г. Итакъ, законъ Валента изданъ былъ въ началѣ 376 года и несомнѣнно, въ Антіохіи, или вообще въ Сиріи, гдѣ Валентъ находился въ концѣ 375 и началѣ 376 гг. Около Пасхи 376 г. (Василій Вел. письмо 256 или 201) и началось гоненіе на монаховъ въ Сиріи. Вскорѣ же послѣ начала гоненія, Златоуста, извѣстнаго уже между монахами строгостію жизни, ученостію, краснорѣчіемъ, и по ранѣе написаннымъ твореніямъ, попросили выступить съ литературною защитою монашества и онъ написалъ эти три произведенія, о которыхъ мы говоримъ. Ученый издатель Златоустовыхъ твореній выставляетъ нѣсколько возраженій противъ указанной хронологической даты. 1) Онъ находитъ весьма возможнымъ, что указанныя три посланія Златоуста написаны прежде 374 г., на томъ основаніи, что будто бы Іоаннъ упоминаетъ въ первой изъ указанныхъ книгъ о существованіи жертвоприношеній идоламъ, а послѣднія запрещены указами Валентиніана и Валента прежде смерти перваго, т. е. ранѣе 374 г. слѣдов., соображаетъ Тильмонъ, слово въ защиту монашества писано ранѣе этого времени, т. е. до 374 г. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ возраженіи въ заключеніи дается болѣе, чѣмъ въ посылкахъ. Возраженіе обосновывается на тѣхъ словахъ Златоуста, гдѣ онъ сѣтуетъ о томъ, что въ его время и при благочестивыхъ царяхъ (*τῶν βασιλέων ἐν εὐσεβείᾳ ζώντων*) совершается такое беззаконное дѣло (гоненіе на иноковъ), онъ сѣтуетъ объ упадкѣ нравовъ и разсказываетъ, какъ доказательство послѣдняго, что одинъ изъ христіанъ, прельщенный діаволомъ, сказалъ однажды, что онъ готовъ тступить отъ христіанства и принести жертву демонамъ (*ἐτόλμησεν εἰπεῖν, ὅτι καὶ τῆς πίστεως ἀποστήσεται καὶ θύσει δαίμοσιν*—pag. 56). Но эти слова не даютъ еще права заключать о широкой распространенности идолослуженія. а указываютъ только на нѣкоторый упадокъ нравовъ, и притомъ, какъ частный фактъ. Кромѣ того, еслибы содержаніе слова противъ преслѣд. монаш. и давало право на указанное заключеніе, оно не говорило бы, однако, ничего противъ установленной нами хронол. даты, такъ какъ нужно принять во вниманіе, какъ возможное, то обстоятельство, что указъ императоровъ о прекращеніи идолослуженія приводится въ исполненіе въ продолженіи двухъ лѣтъ, отъ 374 до до 376, когда явилась апологія Златоуста. Возраженіе падаетъ. 2-е возраженіе противъ появленія апологіи Іоанна во время Валента основывается на томъ, что Златоустъ называетъ царей благочестивыми (*εὐσεβεῖς*), тогда какъ извѣстно, что Валентъ былъ аріанинъ и гонитель монашества, слѣдов., заключаютъ, она писана не во время Валента.

ководство старцевъ. Много было случаевъ, когда дѣти благородныхъ и знатныхъ родителей, подъ вліяніемъ тайныхъ бесѣдъ съ благочестивыми иноками, получали отвращеніе отъ мірской, суетной жизни и обращались въ монастыри къ подвижнической жизни. Понятно, что такое теченіе въ монашество не нравилось людямъ міра. Люди высшаго круга были, по словамъ Златоуста, проникнуты стремленіями къ власти, богатству и карьерѣ, а на образованіе смотрѣли исключительно, какъ на средство къ полученію

На это нужно замѣтить, что благочестивыми царей называетъ Златоустъ безъ особеннаго ударенія на ихъ личныхъ нравственныхъ качествахъ и чистотѣ ихъ религіозныхъ убѣжденій. Въ данномъ случаѣ онъ просто противопоставляетъ христіанское общество обществу языческому, царей языческихъ (*οἱ βασιλεῖς τῶν Περσῶν, οἱ ἄρχοντες Ἀσσυρίων*) царямъ христіанскимъ (*οἱ δὲ ἡμέτεροι βασιλεῖς, οἱ τοσαῦτα τούτων καὶ ἐλευθερῶσαι καὶ ἔχοντες*) и на основаніи этого старается еще болѣе выяснить всю несообразность того печальнаго факта, который онъ обличаетъ. Его слова въ данномъ случаѣ и имѣютъ такой же смыслъ, какъ и слова Григорія Богослова, когда онъ называетъ аріанина Констанція боголюбезнѣйшимъ и христолюбивѣйшимъ изъ царей, благочестивымъ (*εὐσεβής*), какъ царя все же христіанскаго въ противоположность съ Юліаномъ отступникомъ, недостойнымъ его благочестія (см. Григорія Богослова творенія т. I, слово первое обличительное на царя Юліана, см. стр. 85. 97. 104—105). 3-е возраженіе относитъ появленіе апологіи монашества ко времени пресвитерства Златоуста на томъ основаніи, что будто бы самъ онъ называетъ себя пастыремъ, когда возлагаетъ на родителей отвѣтственность за воспитаніе дѣтей и приводитъ въ примѣръ Ап. Павла: *διὰ τοῦτο καὶ ὁ μακάριος Παῦλος παραινεῖ συνεχῶς λέγων, οἱ πατέρες, ἐκτρέφετε τὰ τέκνα ἐν παιδείᾳ καὶ νουθεσίᾳ κυρίου. Εἰ γὰρ ἡμεῖς ἀγρυπνεῖν ὑπὲρ τῶν ψυχῶν αὐτῶν κελευόμεθα ὡς λόγον ἀποδώσοντες, πολλῷ μᾶλλον ὁ πατὴρ*... etc. lib. III, pag. 101). Возраженіе опирается на словѣ *ἡμεῖς* и утверждаетъ, что Златоустъ былъ въ это время пресвитеромъ. Но слабость возраженія очевидна. Выраженіе „мы—*ἡμεῖς*" есть ничто иное, какъ обычный проповѣдническій пріемъ, а въ данномъ случаѣ есть только персонификація Ап. Павла. Можно указать много мѣстъ изъ тѣхъ же апологій монашества такихъ, которыя идутъ совершенно въ разрѣзъ съ указаннымъ возраженіемъ. Напр. въ той же 3-ей апологіи, указавъ преимущества монаст. воспитанія дѣтей, Златоустъ убѣждаетъ: *μὴ τοίνυν μηδὲ ἡμεῖς διὰ ταῦτα ἀπάγωμεν τῆς κατὰ τὴν ἐρημίαν διατριβῆς τοὺς υἱούς, ἀλλ' ἐάσωμεν αὐτοὺς ἀπολαῦσαι τὰ μαθήματα* etc. pag. 133. Ясно, что Златоустъ, не имѣвшій собственныхъ дѣтей употребляетъ здѣсь обычный проповѣдническій пріемъ, отождествляя себя съ слушателями. Итакъ, всѣ три возраженія противъ установленной выше хронологической даты несостоятельны. Апологія монашества написаны въ 376 г., въ первые годы монастырской жизни Златоуста.

внѣшнихъ благъ, совершенно забывая о главной цѣли образованія—возвышеніи и облагороженіи духа христіанскими понятіями. Когда отцы убѣждаютъ дѣтей заниматься науками, говоритъ Златоустъ, то въ ихъ разговорѣ съ дѣтьми не услышишь ничего другаго, кромѣ такихъ словъ: такой то, говорятъ, человѣкъ низкій и изъ низкаго состоянія, усовершившись въ краснорѣчіи, получилъ весьма высокую должность, пріобрѣлъ большое имѣніе, взялъ богатую жену, построилъ великолѣпный домъ, сталъ для всѣхъ страшенъ и знаменитъ. Другой, говорятъ, изучивъ латинскій языкъ (*τὴν Ἰταλῶν γλῶσσαν ἐκπαιδευθείς*), блистаетъ при дворѣ и всѣмъ распоряжается тамъ. Иной опять указываетъ на другаго и всѣ—на славныхъ на землѣ (*τοὺς ἐπὶ γῆς εὐδοκίμους*), а о прославившихся на небесахъ никто не вспомнитъ и однажды, даже, если и другой рѣшится напомнить объ нихъ, его преслѣдуютъ, какъ все разстраивающаго [1]). При такомъ міровоззрѣніи образованнаго класса удаленіе молодыхъ людей въ монашество было встрѣчаемо ненавистью и враждою къ тѣмъ отшельникамъ пустынь, которые силою своего нравственнаго вліянія привлекали къ себѣ юношество. Родители угрожали сыновьямъ лишеніемъ наслѣдства и пламенѣли злобою къ монахамъ. Среди такихъ обстоятельствъ былъ изданъ Валентомъ указъ о преслѣдованіи монаховъ и опредѣленіи ихъ въ военную службу. Лично для Валента указъ былъ вызванъ желаніемъ ослабить ряды поборниковъ православія, какими были монахи. Что касается общества, то указъ Валента былъ принятъ съ восторгомъ, такъ какъ давалъ удовлетвореніе дикимъ инстинктамъ черни и затаенной ненависти противъ монаховъ высшаго класса общества. И вотъ всюду началось самохвальное жестокое гоненіе на монаховъ. Какъ будто какой злой духъ вселился въ души всѣхъ, только и рѣчей было, что объ этомъ. Пойдешь ли на площадь, или въ аптекарскія лавки, или въ какую бы то ни было часть города, гдѣ только обыкновенно собираются праздные люди, вездѣ увидишь, какъ всѣ смѣются. Какъ воины, сдѣлавъ много сраженій и одержавъ много побѣдъ, весело разсказываютъ о своихъ подвигахъ, такъ и эти люди хвастаютъ своими дерзостями. Ты услышишь,

[1]) Adversus oppugn. vitae monast. lib. III, pag. 103. Montf. t. I.

какъ одинъ говоритъ: я первый наложилъ руки на такого то монаха и нанесъ ему удары; другой: я прежде другихъ отыскалъ его келью, а я, говоритъ иной, сильнѣе другихъ раздражилъ противъ него судью, иной хвастаетъ темницею и ужасами темницы, и тѣмъ, что онъ влачилъ святыхъ тѣхъ по площади. Потомъ всѣ начинаютъ смѣяться надъ этимъ [1]) и т. д. Въ это-то время къ Іоанну пришелъ одинъ изъ его друзей и просилъ его написать увѣщательное слово къ гонителямъ монашества. Іоаннъ спачала долго и упорно отказывался, ссылаясь на свою неопытность и, въ особенности, на нежеланіе разоблачать предъ язычниками непривлекательныя стороны христіанской жизни. Но когда другъ убѣдилъ его, что разладъ въ христіанской жизни не составляетъ уже тайны для язычниковъ и потому самому нужно особенно спѣшить съ увѣщаніемъ къ неразумнымъ. И вотъ Златоустъ въ своихъ знаменитыхъ трехъ апологіяхъ выступаетъ защитникомъ монашеской жизни [2]). Онъ убѣждаетъ гонителей монашества, что они борются противъ самихъ себя, святые же мужи, которыхъ они изгоняютъ, не потерпятъ ни малѣйшаго вреда, а будутъ еще въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ, потому что перенесеніе обидъ и злословій доставляетъ награду страждущимъ и злословимымъ [3]). Сущность воззрѣній Златоуста на монашество сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) монашество вызвано неудовлетворительнымъ состояніемъ христіанской жизни и его цѣль —въ поднятіи христіанской нравственности; 2) монастыри могутъ быть излишними лишь въ томъ случаѣ, если христіанскій идеалъ будетъ достояніемъ дѣйствительности. Я часто хотѣлъ и молилъ, говоритъ Златоустъ, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ и было бы столько благочинія въ городахъ, чтобы никому не нужно было убѣгать въ пустыню. Но такъ какъ все пришло въ безпорядокъ и города, гдѣ судилища и законы, полны стали беззаконія и неправды, напротивъ, пустыня произращаетъ обильный плодъ любомудрія, справедливость требуетъ, заключаетъ Златоустъ, чтобы вы винили не тѣхъ, которые

[1]) Adversus oppugn. vitae monast. lib. I, 57.

[2]) S. Jean Chrysostome, consideré comme orateur populaire, par Paul Albert, s. 296.

[3]) Adversus oppugn. vitae monast. I, 61.

желающихъ спастись исторгаютъ изъ этой бури и волненія и ведутъ въ тихую пристань, но тѣхъ, которые дѣлаютъ каждый городъ такъ неудобнымъ и негоднымъ для любомудрія, что ищущіе спасенія принуждены бываютъ убѣгать въ пустыни [1]). Въ двухъ послѣднихъ апологіяхъ монашества Златоустъ опровергаетъ безусловное значеніе принциповъ мірской жизни, какое имъ приписывали люди міра. Онъ указываетъ на призрачность богатства и славы, и абсолютное значеніе нравственной чистоты въ качествѣ принципа истинной жизни. Невѣрующему отцу онъ говоритъ, становясь на точку зрѣнія послѣдняго, что слава, могущество и общественное вліяніе—все это въ большей степени дѣлается достояніемъ монаховъ. Ни пустыня не дѣлаетъ безчестнымъ, ни пребываніе въ царскомъ дворѣ славнымъ и знатнымъ [2]). Слава и знатность не въ одеждѣ, не въ мѣстѣ, не въ санѣ и не во власти, но въ душевной доблести и любомудріи [3]). Христіанское любомудріе соединяетъ въ одной душѣ двѣ противоположныя для обыкновенныхъ людей вещи—смиреніе и высоту. У монаха есть и могущество - непобѣдимое могущество терпѣнія, есть и слава, есть и удовольствія, ибо онъ наслаждается внутреннимъ миромъ. Въ третьей апологіи монашества,—къ вѣрующему отцу, Златоустъ беретъ точку зрѣнія христіанина и указываетъ, какъ на затемненіе христіанскаго сознанія, на печальный фактъ внесенія эгоистическихъ элементовъ въ христіанское міровоззрѣніе, вслѣдствіе чего христіане заботятся о внѣшнихъ выгодахъ и преимуществахъ личныхъ. Потемненное христіанское міровоззрѣніе отражается по преимуществу неблагопріятно на методѣ и задачахъ воспитанія и образованія. Цѣлію послѣдняго поставляется карьера и видная роль въ обществѣ. Сообразно съ таковыми взглядами, то, что какъ нибудь, хотя бы косвенно, служитъ достиженію извѣстности, даже при несомнѣнной порочности, считается добромъ. Худо не одно то, говоритъ Іоаннъ, что вы внушаете дѣтямъ противное заповѣдямъ Христовымъ, но и то еще, что прикрываете не-

1) Ibid. pag. 65–66.
2) lib. II, pag. 80.
3) Ibid. pag. 81.

честіе благозвучными именами, называя постоянное пребываніе на конскихъ ристалищахъ и въ театрахъ — свѣтскостію, обладаніе богатствомъ—свободою, славолюбіе—великодушіемъ, дерзость — откровенностію, расточительность —человѣколюбіемъ, несправедливость — мужествомъ. И какъ будто мало еще этого обмана, вы и добродѣтель называете противными именами: скромность—необразованностію, кротость—трусостію, справедливость—слабостію, смиреніе—раболѣпствомъ, незлобіе—безсиліемъ [1]) и т. д. Златоустъ видитъ въ указанныхъ сторонахъ воспитанія дѣтей забвеніе основнаго принципа христіанской жизни—любви къ ближнимъ и устрашаетъ отвѣтственностію за небреженіе объ этомъ началѣ христіанской жизни. Онъ съ особенною силою останавливается на томъ безспорномъ положеніи, что безъ попеченія о ближнемъ невозможно личное спасеніе. Онъ перечисляетъ девять степеней человѣческаго отпаденія отъ христіанской любви: 1) жестокость въ отношеніи къ животнымъ; 2) нерадѣніе о врагахъ; 3) презрѣніе къ братіямъ, хотя бы они были невѣжды; 4) нерадѣніе о домашнихъ; 5) небреженіе не только о тѣлѣ ихъ, но и о душѣ; 6) безпечность въ отношеніи къ погибели нашихъ дѣтей; 7) нежеланіе поискать опытныхъ воспитателей; 8) препятствіе тѣмъ, которые добровольно берутъ на себя задачи христіанскаго воспитанія; 9) гоненіе на лицъ, пекущихся объ общественномъ благѣ [2]). Яркими красками изображаетъ онъ непригладное состояніе современнаго ему воспитанія юношества, сильными словами бичуетъ онъ привязанность родителей къ землѣ и къ земному, страшитъ отвѣтственностію за нравственную порчу дѣтей. Но отнесшись отрицательно къ современному строю воспитанія, Златоустъ не остановился на этомъ, но указалъ свои положительные принципы воспитанія, при руководствѣ которыми личное нравственное совершенствованіе идетъ неразрывно отъ общественнаго подвига спасенія ближнихъ. Онъ поставляетъ въ тѣсную связь и соотношеніе научный прогрессъ и нравственное совершенствованіе и утверждаетъ невозможность одного изъ другого. Для успѣшнаго занятія

---

[1]) Adversus oppugn. vitae monast. lib. III, pag. 106—107.
[2]) Ibid, pag. 96.

словесностію, говоритъ онъ, нужна добрая нравственность, а добрая нравственность не нуждается въ пособіи словесности. Можно быть цѣломудреннымъ и безъ внѣшней учености, но никто никогда не успѣетъ въ наукахъ безъ добрыхъ нравовъ, когда будетъ все время проводить въ порокахъ и распутствѣ [1]). Основной принципъ воспитанія и образованія, по Златоусту, есть религіозность: *οὕτως ἡ ὄντως σοφία καὶ ἡ ὄντως παίδευσις οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν, ἀλλ᾽ ἢ ὁ τοῦ θεοῦ φόβος* [2]). Когда душа цѣломудренна, тогда не будетъ никакой потери отъ незнанія краснорѣчія, а когда она развращена, тогда отъ нея величайшій вредъ, хотя бы языкъ у такого человѣка былъ и весьма изощренъ и даже тѣмъ больше вреда, чѣмъ больше силы въ словѣ [3]). При недостаткѣ христіанскихъ школъ въ Антіохіи, гдѣ бы христіанское юношество могло воспитываться въ добромъ направленіи, Златоустъ совѣтуетъ родителямъ отдавать дѣтей на воспитаніе въ монастыри и оставлять ихъ въ пустынномъ уединеніи до тѣхъ поръ, пока укоренятся въ нихъ сѣмена благочестія и они содѣлаются крѣпкими въ духовной брани и способными приносить пользу ближнимъ. Онъ убѣждаетъ оставить возмутительное разграниченіе обязанностей иноческихъ и мірскихъ, юношескихъ и старческихъ, относя къ однимъ полную обязательность нравственныхъ правилъ, а другихъ освобождая отъ руководствованія ими. Свое слово къ вѣрующему отцу Іоаннъ заключаетъ призывомъ къ прославленію Бога за то, что истина Христова существуетъ немерцаемо среди грѣховнаго мрака міра. Всѣ три апологіи Златоуста кромѣ своего соотвѣтствія прямой цѣли ихъ появленія важны весьма въ томъ отношеніи, что въ принципѣ измѣняютъ взглядъ на воспитаніе, поставляя послѣднее для руководителей и воспитателей, какъ цѣль саму въ себѣ, но не какъ средство для достиженія какихъ нибудь постороннихъ и не имѣющихъ прямого отношенія къ воспитательной идеѣ цѣлей. Но особенно важны указанныя апологіи въ отношеніи къ исторіи развитія въ сознаніи Златоуста пастырской идеи на аскетическихъ началахъ [4]). Мы ви-

---

[1]) Ibid. pag. 116.

[2]) Ibid. pag. 118.

[3]) Ibid. pag. 116.

[4]) Къ этому же времени жизни Златоуста нужно отнести еще небольшое, но замѣчательное по оригинальности взгляда его твореніе, которое

дѣли, что и въ эту пору сильнаго увлеченія личнымъ аскетизмомъ Златоустъ сознавалъ неразрывную связь между личнымъ и общественнымъ элементами въ дѣлѣ христіанскаго совершенствованія. Строгій подвижникъ, преклонявшійся предъ аскетическимъ строемъ монастырской жизни, Іоаннъ не считалъ, однако, противнымъ идеѣ монашества— идею пастырски-педагогическаго служенія ближнимъ. Пламенный душею, вполнѣ стремясь къ самопожертвованію ради блага ближныхъ, Іоаннъ въ себѣ самомъ все еще не находилъ силы и возможности для осуществленія своего идеала. Строгій къ своему внутреннему человѣку, онъ все еще видѣлъ въ послѣднемъ сѣмя тли и мучимый любовію къ ближнимъ онъ жаждалъ еще новыхъ и новыхъ подвиговъ ради совершеннаго уничтоженія грѣха въ своей душѣ и ради смиренія воли въ полное послушаніе Христову закону. И вотъ ради этой цѣли, ради удобства самоумерщвленія и самопознанія, Іоаннъ удалился въ одинокую пещеру и предался суровымъ аскетическимъ подвигамъ [1]). По

носитъ у Монфокона такое заглавіе: comparatio potentiae, divitiarum et excellentiae regis cum monacho in verissima et christiina philosophia vivente (Montfauc. t. I; Fronto Ducaeus t. IV). Относительно времени написанія точныхъ свѣдѣній нѣтъ, но Монфоконъ и Тильманъ вполнѣ убѣждены, что сравненіе инока и царя написано во время жизни въ пустынѣ (solitudinis fructum esse). Не многословное твореніе Златоуста (opusculum) по содержанію сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) у царя много мірскихъ нуждъ,—монахъ отъ нихъ свободенъ; 2) истинное царство есть господство надъ своимъ духомъ, свобода отъ страстей, а это, конечно, по преимуществу возможно для монаха, а не для царя; 3) царь ведетъ войну съ внѣшними врагами, а монахъ съ демонами и со страстями; 4) въ ночное время монахъ, бесѣдующій съ Богомъ, блаженнѣе всѣхъ; 5) смерть лучше для монаха, чѣмъ для царя; 6) наконецъ, монахъ заслуживаетъ почтенія отъ царя. На русскій языкъ это превосходное твореніе Златоуста не переведено, вѣроятно, потому, что существуютъ возраженія противъ его подлинности, но большинствомъ ученыхъ они признаются неосновательными. Савиллій въ своемъ изданіи твореній Златоуста помѣстилъ указанное сочиненіе между „spuria“, но совершенно напрасно, въ чемъ и самъ почти сознавался въ позднѣйшихъ примѣчаніяхъ. По мнѣнію Монфокона, это сочиненіе нужно считать подлиннымъ Златоуста и помѣстить въ ряду лучшихъ его твореній (certe non modum Chrysostomi fetum, sed etiam inter elegantiores numerandum esse censemus), In sequens opusculum monitum Montfauconis t. I, pag. 1—12.

[1]) Наиболѣе достовѣрное свидѣтельство объ этомъ пребываніи Златоуста въ пещерѣ принадлежитъ его біографу Палладію: *ὡς δὲ ῥᾶον περιεγένετο*

свидѣтельству Палладія, двухлѣтній подвигъ Іоанна въ пещерѣ былъ безпрерывнымъ аскетизмомъ, не въ смыслѣ только изнуренія и умерщвленія плоти, ночныхъ бдѣній, стояній, но и въ смыслѣ постояннаго духовнаго восхожденія отъ силы въ силу путемъ изученія Слова Божія и молитвеннаго общенія съ Богомъ. Гармоническое соединеніе тѣлесныхъ и духовныхъ подвиговъ, самоумерщвленіе и самоуглубленіе способствовали окончательному выясненію для сознанія Златоуста великой пастырской идеи. Путемъ страданій онъ постепенно приходилъ къ возможности примиренія съ міровымъ зломъ, отъ котораго онъ бѣжалъ въ пустыню, онъ приходилъ къ сознанію великаго значенія самыхъ страданій и необходимости бороться со зломъ и врачевать страданія ближнихъ.

τούτων, οὐ πόνῳ τοσοῦτον, ὅσον λογῳ, ἀναχωρέι ἐν σπήλαιῳ μόνος. γλιχόμενος ἀδηλίας. κἀκεῖ διατρίψας τρὶς ὀκτὼ μῆνας, ἄϋπνος διετέλει τὸ πλεῖστον, ἐκμανθάνων τὰς τοῦ Χριστοῦ διαθήκας πρὸς ἐξοστρακισμὸν τῆς ἀγνοίας. Μὴ ἀναπεσὼν δὲ τὸν τῆς διετίας χρόνον, μὴ νύκτως, μὴ μεθ' ἡμέραν, νεκροῦται τα ὑπὸ γαστέρα, πληγεὶς ἀπὸ τοῦ κρύους τὰς περὶ τοὺς νεφροὺς δυνάμεις (Palladii dialogus historicus pag. 18; cp. Theod. Trimith. de vita et exsilio S. Joh. Chrys. pag. VI). Свидѣтельство Палладія, при своей краткости, однако, весьма выразительно и даетъ достаточныя свѣдѣнія о пребываніи Златоуста въ пещерѣ.

III.

Возвращеніе Св. Златоуста въ Антіохію и принятіе благодати священства.

Три слова къ Стагирію, какъ выраженіе полной отрѣшенности Златоуста отъ началъ мірской жизни.—Златоустъ—учитель страданія.—Результатъ подвижнической жизни; сострадапіе къ людямъ, самоотверженная любовь, служеніе человѣческому страданію ради возрожденія людей, какъ высшій смыслъ и цѣль пастырской жизни.—Возвращеніе Златоуста въ Антіохію и принятіе діаконскаго сана.—Особый характеръ діаконскаго служенія въ то время и пастырское значеніе его для Златоуста.—Литературная дѣятельность Златоуста во время діаконскаго служенія: два увѣщательныхъ слова къ молодой вдовицѣ, книги о дѣвствѣ, книга о св. Вавилѣ; анализъ ихъ содержанія.—Характеристика воззрѣній Златоуста на средства пастырскаго дѣланія.—Принятіе Златоустомъ пресвитерскаго сана въ 386 г.—Психологическій анализъ духовно-пастырскаго настроенія Златоуста, какъ выясненіе внутреннихъ основаній и мотивовъ пастырскаго служенія.—Вступительная рѣчь Златоуста къ Антіохійской паствѣ.

Четырехлѣтнее пребываніе Златоуста въ общежитіи отшельниковъ и двухлѣтній подвигъ уединенія оказали на Златоуста благотворное вліяніе. Доказательствомъ этого служатъ три посланія его къ Стагирію [1]). Стагирій проис-

---

[1]) Относительно времени происхожденія словъ къ аскету Стагирію ученые и издатели Златоустовыхъ твореній разногласятъ. По свидѣтельству Сократа (lib. VI, cap. 3), Златоустъ написалъ эти книги, когда былъ поставленъ во діакона, послѣ того, какъ онъ въ 380 г. возвратился въ Антіохію. Этому мнѣнію Сократа слѣдуетъ Монфоконъ ссылаясь въ подтвержденіе своихъ сужденій на начальныя слова перваго слова къ Стагирію, гдѣ Златоустъ считаетъ своею обязанностію принять личное участіе въ страданіяхъ Стагирія, утѣшая послѣдняго словомъ, помогая дѣломъ и

ходилъ изъ знатнаго рода и былъ сынъ нѣкоего могущественнаго вельможи, какъ можно догадываться на основаніи

употребляя всѣ прочія средства, хотя бы сколько нибудь облегчить его скорбь и ссылается далѣе на невозможность для себя выполненія этой священной обязанности въ слѣдующихъ словахъ.—*Ἐπειδὴ*, говоритъ онъ, *δι' ἡ τοῦ σώματος ἀσθένεια, καὶ τὸ κατασκῆψαν τῇ κεφαλῇ κακὸν οἴκοι μένειν καταναγκάσαν, διακονίαν τοσοῦτον ἔχουσαν κέρδος ἡμᾶς ἀφείλετο, ὅπερ ἐστὶν ὑπόλοιπον καὶ πρὸς παραμυθίαν τὴν σὴν, καὶ πρὸς ὀφέλιαν τὴν ἡμετέραν, τοῦτο κατὰ δύναμιν εἰσενεγκεῖν οὐκ ὀκνήσομεν* (Ad Stagyrium lib. I, pag. 190). На основаніи этихъ словъ Монфоконъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе. Стагирій несомнѣнно жилъ въ Антіохіи, такъ какъ оставилъ горы. Іоаннъ, сознавая свою обязанность посѣтить страждущаго, находится, однако, вынужденнымъ отложить свое намѣреніе, такъ какъ самъ онъ одержимъ головною болью и общею тѣлесной слабостью, вслѣдствіе чего и принужденъ оставаться *дома*. Ясно, заключаетъ Монфоконъ, что Златоустъ жилъ въ это время въ одномъ городѣ съ Стагиріемъ, иначе онъ не могъ бы такъ выразиться о себѣ, слѣдовательно, книги къ Стагирію написаны послѣ того, какъ Златоустъ, одержимый болѣзнями, принужденъ былъ возвратиться въ Антіохію (admonitio in libros ad Stagyrium ascetam a daemone obsessum, pag. 188). Напротивъ Тильмонъ и Бароній признаютъ что слова къ Стагирію написаны прежде, чѣмъ Іоаннъ возвратился изъ горъ въ городъ. Въ подтвержденіе ссылаются на неоднократныя слова самого Іоанна, который говоритъ, что Стагирій жилъ ранѣе съ нимъ вмѣстѣ (*καὶ ταῦτα οὐκ ἀπ' ἐμαυτοῦ λέγω νῦν, ἀλλ' ἐξ ὧν ἀποδυρομένου σου πολλάκις ἤκουσα πρὸς ἡμᾶς, ἡνίκα σὺν ἡμῖν ἦσθα*), т. е. въ горахъ, откуда потомъ возвратился въ Антіохію. Далѣе, Златоустъ неоднократно говоритъ, что онъ имѣетъ свѣдѣнія о Стагиріи не непосредственныя, а отъ многихъ приходящихъ къ нему (*ὁ γὰρ ἐμὸς φίλος καὶ σὸς Θεόφυλος ὁ Ἐφέσιος ἐλθὼν, ἅπαντά μοι σαφῶς διηγήσατο*—lib. II, pag. 222), но подобныя слова по мнѣнію Тильмона не могутъ быть сказаны человѣкомъ, живущимъ въ одномъ городѣ съ Стагиріемъ. Таковы основанія мнѣній относительно времени появленія словъ къ Стагирію. Конечно, противъ каждаго изъ нихъ можно спорить и каждое изъ нихъ имѣетъ свою долю основательности. Совершенно вѣрно возраженіе Монфокона противъ Тильмона, что заявленіе Златоуста о способѣ полученія свѣдѣній относительно болѣзни Стагирія совершенно прилично человѣку, живущему въ такомъ обширномъ городѣ, какова была Антіохія, въ особенности съ пригородами (cum suburbiis). Но этого слишкомъ мало для того чтобы утверждать Антіохійское происхожденіе словъ къ Стагирію, потому что сношенія Златоуста съ Антіохійскими друзьями были возможны для него и во время монастырскаго подвига въ виду того, что мѣстомъ послѣдняго были окрестности Антіохіи. Гораздо болѣе основаній для того, чтобы признать временемъ происхожденія словъ къ Стагирію пустынный подвигъ Іоанна. Къ этому мы склоняемся на основаніи содержанія перваго слова, изъ начала котораго ясно видно, что Іоаннъ въ это время жилъ въ монастырѣ (lib. I, pag. 190—191), да и самъ Стагирій былъ въ пустынѣ, а не въ Антіохіи, какъ можно ду-

содержанія самыхъ словъ Іоанна. Стагирій былъ воспитанъ въ правилахъ христіанской вѣры. Въ ранней молодости онъ велъ разсѣянную жизнь и предавался удовольствіямъ свѣта, а потомъ тайно, безъ вѣдома родителей, ушелъ въ монастырь въ окрестностяхъ Антіохіи. Къ этому времени и относится знакомство его съ Іоанномъ. Вначалѣ суровая монастырская дисциплина была весьма тяжела для изнѣженнаго аристократа, но когда его, по попущенію Божію, поразила тяжкая болѣзнь, онъ измѣнился совершенно. Душевное состояніе Стагирія въ эту пору Іоаннъ изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ. Ты жалуешься, говоритъ онъ, на то, что въ прежнее время, когда ты велъ мірскую жизнь, ты не терпѣлъ ничего подобнаго, а когда распялся міру, тогда и почувствовалъ такую болѣзнь, которая способна смутить душу и подвергнуть ее отчаянію. Затѣмъ Іоаннъ говоритъ, что Стагирія весьма смущало то обстоятельство, что многіе, прежде одержимые подобными болѣзнями, предавшись мірской жизни, совершенно освободились отъ нихъ, а онъ проводитъ все время въ постахъ, всенощныхъ бдѣніяхъ и прочихъ подвигахъ строгой жизни и между тѣмъ не получаетъ освобожденія отъ постигшихъ его страданій. Особенно удручающе дѣйствовало на Стагирія то, что многіе, призываемые къ нему святые люди, имѣвшіе великую силу въ другихъ случаяхъ, были, однако, совершенно безсильны оказать помощь ему. Уныніе, отчаяніе и жестокая скорбь въ виду безвыходности своего положенія настолько сильно овладѣвали душою Стагирія, что онъ близокъ былъ нерѣдко къ покушенію на самоубійство (*ἐπὶ βρόχον ὁρμῆσαι*

мать на основаніи того, что онъ опасается, чтобы отецъ его не узналъ о его бѣдствіи и не подвергъ гоненію монаховъ, но эти опасенія были бы странны, если бы Стагирій находился въ одномъ городѣ съ отцомъ. Слѣдуетъ думать, что Стагирій, проходившій вначалѣ совмѣстный съ Іоанномъ подвигъ монастырскаго послушанія (*ἡνίκα σὺν ἡμῖν ἦσθα*), потомъ, вслѣдствіе своей болѣзни, долженъ былъ остаться въ общественномъ монастырѣ на попеченіи братіи, тогда какъ Іоаннъ отправился въ уединеніе пещеры. Отсюда, временемъ написанія словъ къ Стагирію нужно считать 377 или 378 годы. Но здѣсь имѣетъ важное значеніе не столько точная хронологическая дата, сколько несомнѣнное происхожденіе словъ къ Стагирію во время аскетическаго подвига Златоуста, потому что только въ послѣднемъ случаѣ для насъ будутъ совершенно понятны и содержаніе и характеръ этихъ замѣчательныхъ въ аскетически-пастырскомъ отношеніи словъ.

ἐλθεῖν, καὶ ἐπὶ ποταμὸν καὶ ἐπὶ κρήμνον) [1]. Узнавши о состоянии Стагирія, Іоаннъ, движимый любовію къ страдальцу, за невозможностію придти къ нему, предложилъ ему въ письмѣ утѣшеніе для облегченія скорби. Когда я услышалъ о твоихъ страданіяхъ, пишетъ Іоаннъ Стагирію, все неприятное въ этомъ мірѣ перестало уже мнѣ казаться неприятнымъ и все пріятное—пріятнымъ. Издавна зная суету мірскую, тогда я узналъ это еще болѣе и любовь моя къ твоему благочестію сдѣлалась сильнѣе. Хотя я, по милости Божіей, и свободенъ отъ нападеній и мученій злаго духа, однако не менѣе тебя чувствую печаль и скорбь этихъ мученій и въ этомъ мнѣ повѣритъ всякій, кто умѣетъ любить такъ, какъ должно любить [2]). Самъ глубоко страдающій, Іоаннъ находитъ возможнымъ предложить Стагирію духовное утѣшеніе, указывая, какое нравственно-воспитательное значеніе имѣютъ страданія. Общая основа христіанскаго міровоззрѣнія, по словамъ къ Стагирію, должна заключаться въ довѣріи къ божественному промыслу, въ твердой увѣренности, что Богъ все дѣлаетъ для нашей пользы, что онъ посылаетъ на людей бѣдствія, чтобы и слабыхъ вразумить на добрыя дѣла, привести къ самосознанію и сокрушенію, и праведнымъ доставить случаи показать крѣпость ихъ вѣры и любви. Іоаннъ доказываетъ всю неизбѣжность страданій въ горькой юдоли бытія человѣческаго, потому что страданія составляютъ необходимое послѣдствіе грѣховнаго состоянія человѣчества [3]). Въ виду этого христіанину неприлично пытливо вопрошать Божественную Волю, почему праведные терпятъ несчастіе, а порочные живутъ среди удовольствій; неприлично, какъ бы требовать отъ Бога отчета и оправданія въ Его дѣйствіяхъ и роптать, не постигая бездны судебъ Божіихъ. Скорби, искушенія и всѣ, случающіяся съ нами бѣдствія столько же, сколько и блага жизни доказываютъ божественное о насъ промышленіе [4]). Во всемъ первомъ словѣ къ Стагирію Іоаннъ дока-

[1]) Lib. I, pag. 191. О личности Стагирія подробныя свѣдѣнія см. у Монфокона t. I, admonitio in libros ad Stagyrium ascetam a daemone obsessum, pag. 189 и Acta Sanct. September, t. IV, 433.

[2]) Ad Stagyrium lib. I, pag. 192.

[3]) Ibid. pp. 194—195.

[4]) Ibid. p. 196.

зываетъ примѣрами ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ страдальцевъ, что нѣтъ такой скорби, которой, при вѣрѣ въ Бога, при уповаціи на Его милосердіе, не могла бы вынести душа человѣческая, что самою мучительною скорбію должна быть скорбь о грѣхахъ. Особенно важное значеніе имѣетъ здѣсь мысль занимающая центральное положеніе во всѣхъ словахъ къ Стагирію, — мысль о неизбѣжности страданій при нравственномъ восхожденіи человѣка по пути христіанскихъ добродѣтелей. По свидѣтельству Златоуста, никто изъ тѣхъ, о комъ много печется Богъ, не бываетъ безъ скорбей, хотя намъ и кажется это иначе [1]). Въ достаточной мѣрѣ развивъ эту мысль, Златоустъ съ этое точки зрѣнія объясняетъ и непонятныя страданія самого Стагирія. Ты, говоритъ онъ Стагирію, удивляясь тому, что этотъ злой духъ напалъ на тебя не въ прежнее время, когда ты жилъ весело и окружалъ себя мірскимъ блескомъ, но теперь, когда ты бросилъ уже все это и всецѣло предалъ себя Богу, дѣлаешь тоже, какъ если бы ты сталъ удивляться, почему зрителей никто не безпокоитъ, а на того, кто записался въ борцы, пріучился къ борьбѣ и вышелъ на мѣсто борьбы, на того только одного и нападаетъ противникъ, поражаетъ его въ голову и бьетъ по лицу.— Таковъ законъ борьбы [2]). Если ты спросишь, почему Богъ не попустилъ этому демону напасть на тебя, когда ты жилъ въ роскоши и былъ привязанъ къ дѣламъ мірскимъ, то я скажу въ отвѣтъ, что это и есть дѣло Его промышленія о тебѣ. Онъ зналъ, что тогда врагъ, нашедши тебя удобопобѣдимымъ, тотчасъ погубилъ бы. Поэтому Богъ вызвалъ тебя на эту борьбу не тотчасъ, какъ только вступилъ ты въ монашескую жизнь, но напередъ далъ тебѣ много времени для упражненія и когда ты уже укрѣпился, тогда и вывелъ тебя на это трудное поприще [3]). Во второмъ словѣ, высказавъ нѣсколько утѣшеній Стагирію относительно его бѣдственнаго положенія и безпокойства о домашнихъ, Іоаннъ опять останавливается на своей излюбленной мысли о неизбѣжности страданій въ мірѣ, въ силу чего вся наша

---

1) Lib. I, pag. 210.
2) Ibid. pag. 217.
3) Ibid. pag. 218—219.

жизнь должна быть проведена въ борьбѣ и трудахъ, если только мы хотимъ насладиться вѣчнымъ покоемъ и безчисленными радостями [1]). Сѣтовать должно не тогда, когда мы идемъ по скорбному пути, но когда уклоняемся отъ него [2]). Онъ устанавливаетъ, какъ неизбѣжный законъ нравственной жизни, что нравственное совершенство и благоволеніе Божіе пріобрѣтаются скорбями и начало скорбнаго пути есть начало нравственной жизни [3]). Въ дальнѣйшемъ содержаніи втораго слова къ Стагирію Іоаннъ подтверждаетъ примѣрами ветхозавѣтной исторіи свою мысль о неизбѣжности страданій для праведниковъ и уже здѣсь указываетъ *пастырскій* характеръ страданій христіанина, когда говоритъ, что скорбь праведника 1) есть подвижничество среди міроваго зла и борьба съ послѣднимъ [4]); 2) необходимо соединяется съ любовію, потому что праведники скорбятъ, когда видятъ согрѣшающихъ и не обращающихся грѣшниковъ [5]). Все содержаніе третьяго слова къ Стагирію [6]) посвящено развитію и обоснованію мысли о неизбѣжности и нравственно-воспитательномъ значеніи страданій. Златоустъ останавливается здѣсь по преимуществу на великихъ пастырскихъ примѣрахъ Моисея, Давида, пророковъ и Ап. Павла. Моисей въ раннемъ младенчествѣ взятъ былъ ко двору и воспитанъ среди роскоши. Но онъ скорбѣлъ, когда видѣлъ, что его соотечественники томятся въ невыносимомъ рабствѣ, терпятъ нужду и притѣсненія [7]). Но не объ этомъ одномъ скорбѣлъ Моисей. Его особенно тяготило то, что его соотечественники были нечестивы. Онъ не о себѣ скорбѣлъ. Онъ скорбѣлъ о бѣдствіяхъ ближнихъ и особенно о ихъ нравственномъ паденіи. Прослѣдивъ готовность Моисея къ избавленію Израильтянъ отъ рабства Египетскаго и указавъ на самое избавленіе, Златоустъ свидѣтельствуетъ, что тутъ то и начались для Моисея тяжелыя и невыносимыя

¹) Lib. II, pag. 226.
²) Ibid. pag. 227.
³) Ibid.
⁴) Ibid. pag. 232.
⁵) Ibid. pag. 230.
⁶) Это слово имѣетъ свое заглавіе, указывающее на предметъ его: ejusdem ad Stagyrium de tristitia (περὶ ἀθυμίας).
⁷) Lib. III, pag. 251.

страданія. Избавленные отъ рабства, соотечественники Моисея не понимали цѣны избавленія, не были благодарны избавителю. Они приступили къ Моисею и сильно безпокоили его, требуя отъ него мясъ египетскихъ, не благодарили за настоящее, но хотѣли прежняго, а это было всего тяжелѣе [1]). Еслибы онъ не имѣлъ сильной любви къ нимъ (εἰ μὲν μὴ φιλοστόργως εἶχε πρὸς αὐτούς), его печаль была бы менѣе жестока, ему приходилось бы печалиться только о своей собственной участи. Но такъ какъ онъ любилъ ихъ больше, чѣмъ родители, то въ заботливости о нихъ имѣлъ другое основаніе къ печали, — скорбь о ихъ развращеніи и нечестіи. Не такъ оскорбляло Моисея то, что его оскорбляютъ, какъ то, что они его оскорбители. И всякій разъ, чѣмъ болѣе они грѣшили, тѣмъ болѣе онъ терзался и скорбѣлъ. Они сдѣлали тельца, играли и веселились, а Моисей сѣтовалъ и скорбѣлъ и на себя самого призывалъ страшное проклятіе, но ничто не принудило его перестать имѣть состраданіе къ нимъ. Поэтому, когда онъ видѣлъ, что такъ любимые имъ идутъ все къ худшему, то въ какой онъ былъ горести, въ какихъ слезахъ? Ему приходилось испытывать двоякую скорбь — и отъ того, что одни погибаютъ во грѣхахъ, и отъ того, что другіе пребываютъ неисправлены и не получаютъ пользы отъ несчастія ихъ [2]). Обозрѣвая далѣе весь скорбный подвигъ Моисея, Іоаннъ заканчиваетъ свои воспоминанія о немъ указаніемъ на несконченмость его скорби, потому что онъ не удостоенъ былъ ввести своихъ возлюбленныхъ Израильтянъ въ землю обѣтованія. Онъ сошелъ во гробъ съ печалію, потому что пророческимъ духомъ видѣлъ тѣ бѣдствія, какія постигнутъ Іудеевъ. Начавъ скорбѣть и тужить съ перваго возраста, онъ съ тою же скорбію и окончилъ жизнь [3]). Такой же двойственный характеръ имѣла скорбь всѣхъ пророковъ. Съ одной стороны, — и это общее у всѣхъ ихъ, — они во всю свою жизнь были мучимы пыткою, перепиливаемы, побиваемы камнями, заключаемы въ темницы, умирали отъ меча, скитались въ овечьихъ и козьихъ кожахъ, терпя не-

---

1) Lib. III, pag. 254.
2) Ibid. pag. 256.
3) Ibid. pag. 258.

достатки, бѣдствія и озлобленія (Евр. XI, 36—38)—это были скорби личныя. Съ другой стороны, къ этому присоединялась у нихъ и другая печаль, еще болѣе тяжкая, отъ того, что они видѣли, какъ преспѣвало нечестіе причинявшихъ имъ эти бѣдствія, а этимъ они терзались болѣе, чѣмъ своими собственными бѣдствіями [1]), — таковы свойства ихъ скорби пастырской. Таковъ же примѣръ Ап. Павла. Его страданія были, съ одной стороны, личныя, потому что онъ терпѣлъ голодъ, жажду, наготу, кораблекрушенія и пребыванія въ пустыняхъ, онъ терпѣлъ страхъ и опасности, козни, темницы, раны, бдѣнія, безчисленныя смерти и все прочее, что онъ претерпѣлъ для проповѣди Евангельской [2]). Съ другой стороны, ему приходилось страдать, какъ пастырю, когда онъ видѣлъ отпаденіе обращенныхъ имъ. Когда отвратились отъ него всѣ вѣрные жители Азіи, когда уклонились отъ вѣры Галаты—цѣлый и знаменитый народъ, когда Коринѳяне раздѣлили свою Церковь на многія части и, оказавъ поблажку блуднику, довели его до безчувственности, тогда страданія Павла были неизъяснимы и душа его была объята безпросвѣтнымъ мракомъ [3]). Данный ему пакостникъ плоти такъ сокрушалъ и безпокоилъ его, что онъ многократно просилъ Бога объ освобожденіи отъ него и не получалъ избавленія. Опять тяжело страдалъ онъ по случаю болѣзни Епафродита (Филип. II, 27), онъ страдалъ изъ за обольстителей и тѣхъ, которые противились ему (2 Тим. IV, 14). Если же онъ за каждаго изъ соблазнившихся самъ воспламенялся, то этому воспламененію не возможно было и погаснуть въ его душѣ, потому что никогда не прекращались соблазнявшіеся и доставлявшіе пищу этому огню. Если отпадали города, а часто и цѣлые народы, тѣмъ болѣе, нужно думать, непрерывно подвергались этому отпаденію тотъ, или другой изъ вѣрующихъ, когда во вселенной было столько Церквей. Предположимъ даже, что никто никогда не соблазнялся, и въ такомъ случаѣ, говоритъ Златоустъ, я не могу признать его свободнымъ отъ печали. Конечною цѣлію жизни Павла, по его свидѣтельству (Римл. IX, 3), было всеобщее обращеніе къ Богу, но оно

[1]) Lib. III, pag. 267.
[2]) Ibid. pag. 269.
[3]) Ibid. pag. 270.

было лично для него недостижимо и, очевидно, что не достигши этого, онъ велъ жизнь болѣе тягостную, чѣмъ мучимые въ геенне, потому что для него было вожделѣннѣе то, нежели это [1]).

Краснорѣчивое и прямо соотвѣтствующее духовному опыту людей разсужденіе Златоуста о необходимости и нравственно-воспитательномъ значеніи страданій, прежде всего, достигало своего прямаго назначенія въ качествѣ утѣшительнаго слова къ Стагирію. Стагирій ясно понялъ изъ этихъ трехъ посланій Златоуста, что 1., страданія—признакъ божественнаго о немъ промышленія; 2., страданія неизбѣжно сопровождаютъ всѣхъ, ведущихъ духовную жизнь и борьбу со страстями; 3., что его личныя страданія тяжелы для него лишь при несовершенной точкѣ зрѣнія на нихъ, тогда какъ другіе страдаютъ гораздо болѣе и тяжелѣе его [2]). Но для насъ слова къ Стагирію имѣютъ значеніе не въ общемъ только дидактическомъ смыслѣ, но и по преимуществу для характеристики пастырскаго воспитанія Златоуста. Мы видимъ въ словахъ къ Стагирію памятникъ аскетическаго воспитанія Златоуста, видимъ уже сознанное имъ пастырское призваніе. Вначалѣ, въ отвращеніи отъ суеты міра, онъ бѣжалъ въ пустыню, чтобы личнымъ подвигомъ аскетизма стяжать себѣ миръ духа. Онъ находился въ суровомъ воспитаніи у старца-Сирійца, изучалъ Слово Божіе, молился, размышлялъ... Его духовный кругозоръ расширялся все болѣе, его внутренній опытъ увеличивался. Здѣсь нашелъ онъ себѣ внутренній миръ, но не путемъ нечувствительности къ нестроеніямъ міра, не путемъ бѣгства, но въ сознаніи своей близости къ человѣчеству, въ духовномъ пріобщеніи къ общечеловѣческому страданію, въ глубокой міровой скорби. Постепенно усиливаемый аскетическій подвигъ, при своей крайней суровости, достигъ своей цѣли, онъ воспиталъ, обновилъ и вдохновилъ духъ Златоуста. Онъ нашелъ искомое имъ благо не въ удаленіи отъ страданій, не въ равнодушіи къ людямъ, но въ самомъ страданіи и въ любви къ людямъ. Аскетическій подвигъ не убилъ въ немъ личной чувствительности, какъ эти мы видимъ теперь у факировъ

---

1) Lib. III, 270—271.

2) Ibid. 271.

Индіи и другихъ фанатиковъ, онъ не пересталъ страдать, нѣтъ, но его страданія получили новый оттѣнокъ, новое направленіе—сострадания къ людямъ и служенія самому человѣческому страданію. Здѣсь то и возникло, и развилось его господствующее этическое направленіе, обнаружившееся впослѣдствіи въ дѣятельности его, какъ церковнаго учителя [1]). Одновременно съ этимъ суровый подвигъ самоумерщвленія достигъ своего предѣла и изнуренный физически Златоустъ принужденъ былъ возвратиться въ Антіохію. Это возвращеніе Іоанна въ Антіохію представляется біографу его Палладію не простымъ послѣдствіемъ физической немощи Іоанна, но знакомъ божественнаго промышленія о немъ [2]). И мы не можемъ иначе смотрѣть на этотъ знаменательный фактъ возвращенія Іоанна въ оставленный имъ шумный городъ послѣ шестилѣтняго подвига. Не физическое страданіе заставило его оставить уединеніе пустыни. Его воля была настолько сильна, что одно физическое страданіе не могло измѣнить ея рѣшеній. Страдалъ онъ и ранѣе, но не оставлялъ пустыни. Жестоко страдалъ онъ физически и на архіепископскомъ престолѣ, но не оставлялъ своего служенія, не искалъ мирнаго уединеннаго покоя, гдѣ бы онъ могъ избавиться отъ своихъ невыносимыхъ страданій. Страдалъ физически Златоустъ и въ изгнаніи въ Арменіи, и въ далекомъ Кукузѣ, и въ суровой Команѣ, но страданія физическія были слабѣе духовныхъ и онъ не заботился о своемъ физическомъ здоровьи, но среди лишеній, неудобствъ и страданій изгнанія онъ забывалъ о своей физической немощи и горѣлъ пастырскою ревностію, писалъ вдохновенныя посланія, заботился о святомъ дѣлѣ финикійскихъ миссій, скорбѣлъ о недостаткахъ и бѣдствіяхъ своей любимой, но лишенной его ближайшаго руководства паствы. Уступать физическому страданію, покориться внѣшнему насилію слабой плоти при нежеланіи свободной и всесильной воли—было не въ характерѣ Златоуста. Мы глубоко убѣждены, что самыя жестокія страданія тѣла, самое безвыходное болѣзненное состояніе было безсильно само о себѣ возвратить Златоуста въ шумный городъ. И, однако, мы видимъ, что онъ оставилъ пещеру и явился въ Антіоп

[1]) Neander. Der hl. Ioh. Chrys. B. I. p. 30.
[2]) Palladii dialogus historicus, pag. 18.

хію. Чѣмъ же объяснить это его появленіе?—Не для излеченія отъ тяжкихъ недуговъ, не для покойной жизни среди жизненныхъ удобствъ возвратился онъ въ міръ, но для труднаго и тяжелаго служенія человѣческому страданію и возрожденію въ качествѣ пастыря Церкви. Ясно, что не физическій недугъ извлекъ его изъ пустынной пещеры, но тотъ великій пламень пастырскаго призванія, который такъ долго тлѣлъ въ его богато-одаренной душѣ, какъ малая искра, и постепенно возгорался подъ вліяніемъ аскетизма, самоумерщвленія и самоотреченія. Возросшая и ясно сознанная Іоанномъ пастырская идея служенія ближнимъ, ихъ возрожденію и обновленію,—вотъ, что оказалось настолько сильнымъ, что могло покорить твердую волю великаго аскета подвижника Сирійской пустыни. Его возвращеніе въ Антіохію подобно таковымъ же возвращеніямъ великихъ отшельниковъ, столпниковъ и подвижниковъ въ оставленный ими міръ, когда наставали трудныя времена для церкви Христовой. Оно подобно выступленію на общественное служеніе великихъ носителей пастырскаго духа—пророковъ Ветхаго Завѣта, когда они долго отказываясь и избѣгая возвѣщенія грѣховному міру необходимости покаянія, наконецъ, были побѣждаемы внутреннимъ призваніемъ. И шли эти великіе и пламенные люди въ грѣховный, ожесточенный и жестоковыйный міръ возвѣщать погрязшему во грѣхахъ человѣку ненавистную ему великую истину покаянія. Такъ и Златоустъ. Долго уклонялся онъ отъ пастырскаго служенія, долго избѣгалъ его. Продолжителенъ былъ его суровой искусъ, долго онъ видѣлъ для себя главнѣйшую цѣль въ личномъ совершенствованіи души, въ личной борьбѣ со страстями, въ личномъ аскетизмѣ. Но пастырское призваніе зрѣло въ немъ. Оно проявилось, наконецъ, въ его душѣ, какъ великій и всепоядающій пламень, какъ горящій уголь въ устахъ пророка, и покорило его противоборствующую волю. Такъ и, исключительно, такимъ образомъ можемъ мы объяснить выходъ Златоуста изъ пустыни и возвращеніе въ Антіохію. Мы не смотримъ на послѣднее, какъ на частный и изолированный фактъ его жизни, но какъ на необходимое слѣдствіе всей его предъидущей жизни и въ особенности его шестилѣтняго аскетическаго подвига. Этотъ второй Моисей, величайшее сокровище дан-

ное міру, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ о Златоустѣ, оставилъ Египетъ, оставилъ пользованіе жизнію, насколько это его касалось, совершенно выдѣлился изъ міра и вслѣдствіе этого увидѣлъ въ страданіяхъ, какъ бы въ купинѣ блистающаго Бога. Подобно тому, какъ роза вырастаетъ среди шиповъ, такъ въ подвигахъ добродѣтели возрасло это благовонное и пріятное Богу растеніе (Златоустъ). Отрѣшившись отъ привязанности къ міру, равнодушный ко всему земному, онъ оставался въ размышленіи о Богѣ и созерцалъ Бога, насколько возможно созерцать. Потомъ онъ снова возвратился въ оставленный имъ Египетъ, намѣреваясь вывести оттуда, изъ горькой работы фараона, великій и многочисленный народъ въ благодатную землю обѣтованія путемъ прохожденія багрянаго моря божественной воды и крови, ограждая себя отъ нападеній грѣховнаго Амалика воздѣяніемъ рукъ во образъ Того, Кто ради любви къ намъ простеръ на крестъ свои руки, чтобы доставить намъ возможность избавленія. Проведши два года въ пещерѣ, въ постоянномъ бодрствованіи духа и тѣла, размышляя о божественныхъ изреченіяхъ и жестоко умерщвляя плоть, онъ скоро освободился отъ грѣховнаго невѣдѣнія, пришелъ въ себя самаго свѣтомъ истиннаго знанія и смиренно возвратился въ міръ для великаго и превосходнѣйшаго дѣланія [1]). Итакъ, на возвращеніе Іоанна въ Антіохію послѣ шестилѣтняго аскетическаго подвига нужно смотрѣть не какъ на уступку тяжелому физическому недугу, но, какъ на завершеніе его многолѣтняго подвига и послѣдній актъ продолжительнаго и весьма важнаго періода его жизни — періода подготовленія его къ великому пастырскому служенію и къ осуществленію тѣхъ высокихъ задачъ служителя Божія, какія онъ носилъ въ ясно сознаваемомъ имъ идеалѣ [2])

---

[1]) Oratio panegyr. auctore s. Ioanne Damasceno, cap. I. Acta sanct. Sept. t. IV. pag. 704.

[2]) Аскетическое подвижничество Златоуста, по свидѣтельству Георгія Алекс., еще до возвращенія его въ Антіохію имѣло своимъ послѣдствіемъ такую нравственную высоту молодаго подвижника, что онъ сподобился дара чудотвореній. Такъ, одинъ знатный житель Антіохіи, страдавшій головной и глазной болью, по молитвамъ Іоанна избавился отъ своей тяжелой болѣзни. Другой, тоже знатный Антіохіянинъ, именемъ Архелай, страдавшій проказою (lepra erat insectus) по заступничеству Іоанна получилъ исцѣленіе (pag. 170). Разсказываетъ онъ также о исцѣленіи слѣпаго праваго глаза у нѣкоего Евклея и кровоточивой Христины. Утверждаетъ, наконецъ, из-

По возвращеніи въ Антіохію въ концѣ 380, или въ началѣ 381 г. Іоаннъ былъ поставленъ въ санъ діакона Антіохійской Церкви. Посвященіе его несомнѣнно было совершено воспитателемъ его юности Мелетіемъ, который, по смерти Валента въ 378 г., по указу Граціана, преемника Валента, возвратился изъ изгнанія въ Антіохію. Таково ясное свидѣтельство объ этомъ достовѣрнѣйшаго біографа Златоуста Палладія [1]). Поставленіе во діакона было несомнѣнно не позже февраля 381 г., такъ 12 числа этого

бавленіе жителей Антіохіи отъ ужаснаго звѣря. По разсказу Георгія, въ окрестностяхъ Антіохіи обиталъ свирѣпый левъ, нападавшій на жителей и на проходящихъ. Юный подвижникъ Антіохійской пустыни велѣлъ поставить вблизи города крестъ. Крестъ былъ поставленъ и вскорѣ у его подножія нашли мертваго льва (saevum leonem sub fixa cruce occisum, pag. 173) Георгій Александрійскій свидѣтельствуетъ, что разсказы о чудесахъ онъ заимствовалъ изъ повѣствованій достовѣрныхъ священниковъ и богобоязненныхъ мірянъ, устно и письменно клятвою подтвердившихъ ихъ достовѣрность (pag. 158). Если довѣрять Георгію, то его разсказы о чудесныхъ проявленіяхъ святости Златоуста имѣютъ значеніе и для характеристики его подготовки къ пастырскому служенію. По свидѣтельству Георгія, при чудотвореніяхъ Іоаннъ заботился о возбужденіи въ исцѣленныхъ стремленія къ Богу и нравственному обновленію. Исцѣленному антіохійцу Архелаю онъ внушалъ дѣлать добро ближнимъ и наполнять руки бѣдныхъ подаяніями. Отнынѣ, говорилъ онъ, остерегайся оскорблять бѣдныхъ. Самъ Богъ, ихъ Помощникъ и Попечитель, не окажетъ помощи тому, кто обижаетъ бѣдныхъ (pag. 171). Кровоточивой женщинѣ онъ обѣщалъ исцѣленіе именемъ Божіимъ, если она твердо рѣшится оставить свой прежній злой нравъ, свою жестокость съ рабами и будетъ подавать милостыню нищимъ (pp. 173—174). Но особенно замѣчателенъ разсказъ Георгія, помѣщенный у Савиллія (pag. 169), о видѣніи, бывшемъ Златоусту во время его пустыннаго подвига. По его словамъ, явились Златоусту апостолы Петръ и Іоаннъ. Іоаннъ подалъ Златоусту свитокъ Свящ. Писанія, а Петръ—ключи, что, по ясному смыслу и по толкованію писателя четь-минеи, означало призваніе Златоуста свыше на поприще паст. служенія. Послѣдній разсказъ даетъ еще одно основаніе для сдѣланнаго нами выше заключенія о причинахъ возвращенія Іоанна въ Антіохію.

[1]) *Ἐντεῦθεν*, говоритъ онъ, т. е. сразу по возвращеніи въ Антіохію, *χειροτονεῖται (Ἰωάννης) διάκονος διὰ τοῦ Μελετίου, ὑπηρετήσας τῷ θυσιαστηρίῳ δύο πρὸς τοῖς τρισὶν ἔτεσιν*; Латинскій переводъ даетъ поводъ къ заблужденіямъ относительно времени посвященія Іоанна во діакона. Тамъ читаемъ слѣд.: inde, postquam altari annos quinque ministrasset, a Meletio diaconus ordinatur, т. е. выходитъ, что, по возвращеніи изъ пустыни, Іоаннъ въ продолженіи пяти лѣтъ оставался празднымъ въ Антіохіи, что совершенно противно подлинному свидѣтельству Палладія, личному характеру Златоуста и исторической дѣйствительности.

мѣсяца Мелетій отправился въ Константинополь для присутствованія на второмъ вселенскомъ соборѣ, откуда и не возвращался, такъ какъ умеръ въ Константинополѣ во время соборныхъ засѣданій [1]). Давно знавшій своего чтеца-отшельника, Мелетій съ восторгомъ принялъ его въ свои архипастырскія объятія и, зная его подготовленность къ церковному служенію, но вмѣстѣ и его смиренное уклоненіе отъ видныхъ церковныхъ должностей, поставилъ его во діакона Антіохійской Церкви. И мы видимъ, что Іоаннъ, прежде долго и упорно отклонявшійся отъ церковнаго служенія, теперь смиренно принимаетъ санъ діакона. Очевидно, продолжительный аскетическій искусъ создалъ въ немъ психологическую возможность примирить ясно сознаваемое личное недостоинство съ высотою пастырскаго идеала. Горячая любовь къ страждущимъ ближнимъ, рѣшимость всецѣло отдать себя священному служенію были встрѣчены архипастырскимъ призваніемъ и Іоаннъ покорился. По возвращеніи въ отечество, говоритъ Дамаскинъ, Златоустъ принимаетъ степень священства и, какъ благодарный сынъ, своею дѣятельностію отдаетъ награду своей матери—кормилицѣ [2]).

Не долго пришлось служить Іоанну въ санѣ діакона при поставившемъ его въ эту священную степень епископѣ. Но и Флавіанъ, достойный преемникъ Мелетія на Антіохійской каѳедрѣ, былъ настолько же опытный пастырь и настолько же тепло и сердечно относился къ Іоанну, какъ и Мелетій. Ревностно исполнялъ Іоаннъ вновь возложенныя на него обязанности діакона. Эти обязанности состояли изъ служенія при священнодѣйствіи епископа, надзора за благочиніемъ въ церковныхъ собраніяхъ и церковной благотворительности. Діаконъ тогда былъ при епископѣ участникомъ всѣхъ его распоряженій. Должность діакона была трудная, но за то представляла самое лучше подготовленіе къ должности епископа. Быть опорою бѣдныхъ, изу-

---

1). Мы не считаемъ своею обязанностію излагать тѣ споры, которые существуютъ относительно личности епископа, рукоположившаго Іоанна въ санъ діакона, такъ какъ относительно этого мы имѣемъ достовѣрное и опредѣленное свидѣтельство Палладія и точную хронологическую дату и полное соотвѣтствіе текущихъ событій жизни Златоуста.

2) Oratio paneg. pag. 704.

чать ихъ несчастія, видѣть собственными глазами крайность нуждъ, находить причины тому часто въ жадности и жестокости богачей, являться къ неимущимъ и слабымъ, какъ бы видимымъ орудіемъ Церкви, — все это было особенно пріятно св. Златоусту, сердце котораго было такъ нѣжно и который такъ ненавидѣлъ ложь и притворство. Діаконство перевело его въ сферу дѣйствительной жизни и открыло его глазамъ людскія страданія. Жизнь показала ему человѣка во всей его нравственной наготѣ и дала ему знаніе страстей, интерессовъ, бѣдствій и пороковъ. Печальное знаніе, тѣмъ не менѣе знаніе необходимое для тѣхъ, кто хочетъ нести на себѣ пастырское служеніе ближнимъ. Такимъ образомъ, діаконское служеніе Златоуста въ Антіохійской Церкви было продолженіемъ подготовительнаго періода его жизни, было школою пастырскаго вѣдѣнія. Оно дало ему то, чего не могло дать пустынное подвижничество, дало ему знаніе дѣйствительной жизни, ея законовъ и нравовъ въ ихъ лучшихъ и дурныхъ сторонахъ. Служеніе діакона было весьма важно для Златоуста въ томъ именно отношеніи, что давало обширное поле наблюденія и полную возможность изученія жизни. Прямыхъ пастырскихъ обязанностей учительства и духовнаго врачеванія онъ въ это время не несъ [1]). Однако, совершенно справедливо

[1]) Въ первой вступительной бесѣдѣ своей по рукоположеніи во пресвитера Златоустъ самъ свидѣтельствуетъ, что эта первая его публичная рѣчь къ народу. Для васъ, говоритъ онъ, столь многихъ и великихъ, конечно не трудно укрѣпить разслабленную страхомъ душу юноши (*μει*)*ρακίσκον)*, вы и обязаны исполнить эту нашу просьбу, потому что для васъ же мы и отважились на такое дѣло, для васъ и для вашей любви, которой нѣтъ ничего сильнѣе, когда она и насъ, не очень опытныхъ въ словѣ *οὐ μάλα ἐμπείρως ἔχοντας τοῦ λέγειν*), убѣдила говорить и заставило вйти на поприще ученія, хотя *мы прежде еще не касались этихъ состязаній, но всегда были въ ряду слушателей и наслаждались покойнымъ молчаніемъ.* Но кто такъ жестокъ и грубъ, что пройдетъ молчаніемъ ваше собраніе и нашедши пламенныхъ любителей слова, не скажетъ имъ ничего, хотя бы былъ безгласнѣе всѣхъ людей. Итакъ, намѣреваясь *въ первый разъ говорить въ Церкви* (*ἐβουλόμην οὖν πρῶτον ἐν ἐκκλησίᾳ μέλλων ἀφιέναι λόγον*) я хочу начатки вступительной бесѣды посвятить Богу и т. д. (Montfauc. t. I, p. 535). Мы нуждались въ защитѣ и прежде, говоритъ Златоустъ въ концѣ той же бесѣды, когда одни проводили жизнь покойную, но когда мы выведены на средину и приняли на себя это крѣпкое и тяжкое иго, намъ потребны многія руки (pag. 541). Въ бесѣдѣ 16 къ Ант. нар онъ гово-

утверждаетъ Марцеллинъ въ своей хроникѣ, что Златоустъ во время пятилѣтняго діаконскаго служенія въ Антіохіи написалъ многія божественныя книги [1]). По свидѣтельству Палладія, способность Златоуста къ учительству была извѣстна жителямъ Антіохіи и во время его діаконскаго служенія, что и послужило, главнымъ образомъ, причиною страстныхъ желаній народа видѣть Златоуста въ санѣ пресвитера [2]). Учительность Златоуста была извѣстна Антіохійцамъ изъ раннѣйшихъ литературныхъ его трудовъ и изъ тѣхъ немногихъ, но весьма цѣнныхъ твореній, которыя были написаны имъ несомнѣнно въ пятилѣтній періодъ діаконскаго служенія. Мы разумѣемъ два увѣщательныхъ слова къ молодой вдовицѣ, книги о дѣвствѣ, и о св. Вавилѣ противъ язычниковъ. Для характеристики указаннаго періода жизни Златоуста мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о происхожденіи, содержаніи, характерѣ и значеніи этихъ произведеній. Увѣщательныя слова къ молодой вдовицѣ (ad juniorem viduam) имѣли поводомъ для своего происхожденія [3]) неудержимую скорбь молодой

ритъ, что уже второй годъ бесѣдуетъ съ ними, а это былъ второй годъ его пресвитерства. Изъ приведенныхъ словъ Златоуста достаточно ясно, что во время своего діаконскаго служенія онъ не говорилъ публично къ народу. Безосновательно, поэтому, утвержденіе Баронія (подъ 382 г.), что Златоустъ не только много написалъ во время діаконскаго служенія, но и говорилъ проповѣди къ народу Антіохійскому (sed etiam varia perorasse ad populum Antiochenum illo tempore).

[1]) Ubi (Antiochiae nimirum) per quinquennium continuum diaconus multos divinosque edidit libros (Chron. ad annum 398).

[2]) *Ἤδη δὲ τῆς διδασκαλικῆς αὐτοῦ ἀρετῆς διαλαμπούσης καὶ τῶν λαῶν ἐκ τῆς τοῦ βίου ἅλμης γλυκαινομένων αὐτοῦ τῇ συντυχίᾳ, πρεσβυτέρος χειροτονεῖται διὰ Φλαβιανοῦ τοῦ ἐπισκόπου* (Dialogus historicus pag. 19), говоритъ Палладій.

[3]) Весьма важный вопросъ относительно времени появленія этихъ замѣчательныхъ словъ разрѣшается на основаніи самого ихъ содержанія. Указывая на тотъ фактъ, что лица выше стоящія въ жизненной іерархіи, подвергаются многимъ опасностямъ, Златоустъ въ подтвержденіе ссылается на исторію своего времени. Не вдаваясь въ древность, скажу, говоритъ онъ, что изъ числа царствовавшихъ въ нашъ вѣкъ, —а ихъ всѣхъ было девять,—только двое окончили жизнь своею обыкновенною смертію изъ прочихъ же, одинъ погибъ отъ возмутителя, другой на сраженіи, иной отъ своихъ тѣлохранителей, а иной отъ руки того, кто облекъ его короною и порфирою. Жены ихъ погибли, какъ говорятъ, отъ яда, другія—отъ печали. Даже изъ женъ теперь царствующихъ особъ одна, хотя

вдовы нѣкоего Ѳирасія. Ѳирасій былъ молодой вельможа, замѣчательный не столько по своему служебному положенію, сколько по своимъ высокимъ нравственнымъ качест-

- -

и освободилась отъ прежнихъ несчастій, но вмѣстѣ съ этою радостію испытываетъ и горе, потому что царствующій нынѣ еще очень молодъ и неопытенъ и окруженъ множествомъ зложелателей; другая же совсѣмъ истомилась отъ страха и живетъ хуже осужденныхъ на смерть, потому что мужъ ея съ того самого времени, какъ надѣлъ діадиму, до сихъ поръ постоянно бываетъ на войнѣ и въ сраженіяхъ, и больше, чѣмъ отъ несчастій страдаетъ отъ стыда и безславія. Никогда прежде не бывало, какъ дѣлается нынѣ, чтобы варвары, вышедши за предѣлы своей страны, проникли на нѣсколько тысячъ стадій въ нашу землю, сожигая селенія и истребляя народы и т. д. (Ad viduam juniorem lib. I, 420 - 421). Указывая затѣмъ въ утѣшеніе вдовицы на то, что ея мужъ умеръ на ея глазахъ, тогда какъ при современномъ военномъ положеніи многіе потеряли своихъ мужей, не видавъ ихъ, Златоустъ говоритъ: и удивительно ли, что такъ погибли многіе изъ вождей? Самъ царь, скрывшись съ нѣсколькими воинами въ одномъ селеніи, не рѣшился выйти изъ него и стать противъ нападавшихъ враговъ, но, оставаясь тамъ, былъ подожженъ и погибъ со всѣми бывшими тамъ, не только съ людьми, но и съ конями, оружіемъ, стѣнами, и все это обратилось въ пепелъ (ibid 422). Эти выдержки изъ перваго слова къ молодой вдовицѣ даютъ намъ возможность установить хронологическую дату появленія указанныхъ словъ. Подъ описываемою здѣсь погибелью императора несомнѣнно нужно разумѣть трагическую смерть Валента въ войнѣ съ Готами, что случилось въ 5 Иду Августа 878 года. Девять императоровъ, которые тутъ перечисляются, нужно разумѣть слѣдующихъ:—Константина и его сыновей—Константина, Констанція и Константа, Галла, который хотя былъ только цезаремъ, упоминается, однако, потому что чрезъ убійство его возложилъ на себя порфиру Констанцій. Шестой - Юліанъ, седьмой Іовіанъ, восьмой—Валентіанъ I-й, девятый Валентъ. Что Златоустъ и Константина считаетъ принадлежащимъ къ своему вѣку, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, — это обычный пріемъ Златоуста—причислять къ своему вѣку и то, что живо въ памяти стариковъ, такъ, напр., онъ причисляетъ Фавсту,- жену Константина, къ своему вѣку (ἐπὶ τῶν χρόνων τῶν ἡμετέρων) - Гом. XV ad Philipenses. Изъ перечисленныхъ императоровъ, дѣйствительно, только два (Константинъ и сынъ его Констанцій) умерли своею смертію, остальные всѣ погибли несчастною смертію, и 9-й—Валентъ трагически погибъ въ войнѣ съ Готами. Жены двухъ современныхъ императоровъ, изъ которыхъ одна боялась за неопытность мужа, другая скучала по причинѣ его постоянныхъ походовъ, — были несомнѣнно: первая — Констанція, дочь Констанція и жена Граціана, который тогда едва былъ 20 лѣтъ; другая—несомнѣнно Флацилла, жена императора Ѳеодосія. Слово къ юной вдовицѣ было написано Златоустомъ вскорѣ послѣ трагической кончины Валента, которая относится, какъ мы замѣтили выше, къ Августу 378 года. Въ Февралѣ слѣдующаго

вамъ. Златоустъ называетъ его рѣдкимъ человѣкомъ между свѣтскими людьми того времени [1]). Онъ принадлежалъ къ числу возлюбленныхъ Божіихъ, былъ человѣкомъ полезнымъ и добродѣтельнымъ [2]) и не сдѣлалъ ничего такого, что лишило бы его небеснаго царствія [3]). Общія положенія, которыя можно извлечь изъ всего содержанія указаннаго слова, сводятся къ слѣдующимъ.—1) Ѳирасій былъ человѣкъ добродѣтельный, поэтому переходъ его въ загробный міръ для него лично есть несомнѣнное благо, какъ достиженіе конечной цѣли бытія. 2) Земная судьба человѣка не есть что нибудь опредѣленное, а есть колеблющаяся сумма случайныхъ элементовъ, поэтому нельзя думать, что продолженіе жизни есть благо. 3) Духовное общеніе между людьми возможно и по смерти однихъ, въ виду этого безутѣшная скорбь не имѣетъ никакихъ основаній. 4) Наконецъ, нужно заботиться объ усиленіи тѣхъ основаній, при существованіи которыхъ переходъ въ загробный міръ не представляетъ чего нибудь страшнаго, т. е. жить добродѣтельно. Частное раскрытіе и обоснованіе этихъ положеній поражаетъ читателя знаніемъ человѣческаго сердца, его скрытыхъ недуговъ и лучшихъ средствъ для врачеванія послѣднихъ, знаніемъ жизни и ея законовъ, и глубочайшею способностію въ духовномъ общеніи пріобщаться страданію ближняго.—Второе слово къ молодой вдовицѣ (ejusdem ad eamdem de non iterando conjugio) является естественнымъ продолженіемъ перваго и развиваетъ ту мысль, что разрѣшившемуся отъ супружескихъ узъ послѣ смерти одного изъ супруговъ лучше не вступать въ новый бракъ. Мысль свою Іоаннъ обосновываетъ на положеніяхъ нравственнаго чувства и здраваго

года Ѳеодосій былъ провозглашенъ отъ Граціана императоромъ и потомъ постоянно воевалъ съ Готами до 382 года, когда послѣдніе были побѣждены. Но во время написанія Златоустомъ слова къ вдовицѣ, Готы еще свирѣпствовали и вторгались въ предѣлы имперіи и императоръ постоянно былъ въ бою, какъ мы видѣли въ самомъ содержаніи слова. Отсюда весьма удобно и основательно предположить, что слово къ молодой вдовицѣ написано въ годъ возвращенія Іоанна изъ пещеры въ Антіохію, т. е. въ 380 г., или лучше въ слѣдующемъ 381 г.

[1]) Lib. pag. 417.

[2]) Ibd. pag. 418.

[3]) Ibid. pag. 426.

смысла [1]).—Книга „о дѣвствѣ“ представляетъ прекрасное по стилю и замѣчательное по глубинѣ мысли изложеніе началъ христіанскаго дѣвства, его внутреннихъ основаній, связь его съ общими положеніями православнаго христіанскаго нравоученія и догматики, вслѣдствіе чего понятною становится невозможность истиннаго дѣвства у язычниковъ и еретиковъ. По глубинѣ мысли и аскетическому направленію этого замѣчательнаго творенія Златоуста оно представляетъ прекрасный плодъ аскетизма его автора и одинъ изъ лучшихъ опытовъ приложенія къ жизни началъ аскетизма [2]).

---

[1]) Общій характеръ этого слова, особенно въ концѣ, когда Златоустъ дѣлаетъ такое заключеніе: все это сказано не для стѣсненія вашей свободы и не для того, какъ я сказалъ, мы приняли это увѣщаніе, чтобы осудить тѣхъ, которые не хотятъ оставаться вдовицами, но чтобы убѣдить ихъ не слишкомъ привязываться къ землѣ, а пользоваться свободою, которую однажды получили онѣ etc. (lib. II, pag. 439). и характеръ проповѣди, какой носитъ на себѣ это слово, общее проповѣдническое заключеніе, все это дало поводъ нѣкоторымъ (Тильмонъ и Монфоконъ) утверждать (Montf. t. I, 412), что это слово представляетъ проповѣдь, сказанную предъ собраніемъ. Но несомнѣнная внутренняя связь съ предъидущимъ словомъ, не только по содержанію, но и по тону рѣчи, говоритъ противъ указаннаго мнѣнія. Очень возможно, что общее заключеніе составляетъ позднѣйшую вставку. И самъ Монфоконъ свидѣтельствуетъ, что въ одномъ древнемъ кодексѣ (in Colbertino) нѣтъ этого сомнительнаго заключенія. Всего вѣроятнѣе, что слово было писано, дѣйствительно, къ вдовѣ Олрасія, но по общеинтересному своему предмету сдѣлалось общеназидательнымъ (cp. monitio Montfauc. in duos Sequ. ad viduam iuniorem tractatus pag. 413 et Acta Sanct. Sept. tom. IV, § XIV, pag. 437).

[2]) Въ пользу происхожденія сочиненія „de virginitate“, именно, во время діаконства Златоуста, говоритъ его личное свидѣтельство о томъ, что оно написано прежде пресвитерства. Въ 19 бес. на 1 посл. къ Коринѳ., говоренной несомнѣнно въ Антіохіи, Іоаннъ считаетъ излишнимъ говорить подробно о дѣвствѣ въ виду того, что имъ ранѣе написана объ этомъ цѣлая книга. Если мы не будемъ, говоритъ онъ, теперь распространяться о дѣвствѣ, пусть никто не обвиняетъ насъ въ лѣности. Объ этомъ предметѣ нами составлена цѣлая книга и потому мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь тоже самое. Отсылаемъ слушателя туда (in Ep. pr. s. Pauli ad Corinth. hom. XIX; Montf. tom. X, pag. 196). Но бесѣды на посланіе къ Коринѳянамъ произнесены въ Антіохіи (*καὶ ταῦτα ἐν Ἀντιοχείᾳ, ἐν ᾗ πρῶτον ἐχρημάτισαν χριστιανοί*— ibid. XXI, pag. 221) по собственному свидѣтельству Златоуста, значитъ книга о дѣвствѣ написана во время діаконства, къ чему склоняются и Монфоконъ (tom. I, pag. 327), и Штилтингъ (Acta Sanct. IV, 438).

Но, несомнѣнно, первое мѣсто между твореніями Златоуста, относящимися къ изслѣдуемому нами подготовительному періоду его жизни, должно принадлежать „книгѣ о святомъ Вавилѣ". Это замѣчательное произведеніе Златоуста имѣетъ характеръ апологіи [1]). По своему поводу написанія оно относится къ дѣйствительному историческому факту, а по способу освѣщенія послѣдняго представляетъ убѣжденную защиту христіанства и христіанскаго пастырства. Какъ важнѣйшее изъ сочиненій подготовительнаго періода, книга о св. Вавилѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ основѣ сочиненія о св. Вавилѣ лежитъ фактъ, имѣвшій мѣсто при Юліанѣ отступникѣ. Въ окрестностяхъ Антіохіи было предмѣстье, замѣчательное по красотѣ мѣстоположенія, чистому, благовонному воздуху и обилію источниковъ, покрытое тѣнистыми кипарисами. Здѣсь находился храмъ Аполлона и прорицалище. Во время Златоуста, Дафна (такъ звали предмѣстье) служила мѣстомъ прогулки, шумныхъ и разгульныхъ

---

[1]) Полное заглавіе его у Монфокона такое: liber in sanctum Babylam, contra Iulianum et contra gentiles. По обширности указаннаго сочиненія нельзя думать, чтобы оно было произнесено предъ народомъ въ качествѣ апологетической рѣчи. Кромѣ того есть и прямыя указанія, что это было не oratio, а liber scribenda. Мнѣ не нужно, говоритъ авторъ, увѣрять въ истинности разсказываемаго тѣхъ, которые живутъ, *они присутствовали и видѣли эти событія*, они же и слушаютъ теперь этотъ разсказъ. Я потому и *пишу* это предъ живыми свидѣтелями *(διὰ γάρ τοι τοῦτο τῶν μαρτύρων ἔτι περιόντων γράφω)* чтобы, когда я сталъ бы разсказывать о чемъ либо древнемъ предъ людьми, не видавшими того, кто нибудь не подумалъ, что я лгу. Изъ видѣвшихъ это еще находятся въ живыхъ старики и юноши etc. (Montfauc. tom. II, pag. 668). Эти слова автора ясно показываютъ, что сочиненіе о Вавилѣ было писано. Съ другой стороны, они отчасти опредѣляютъ и время написанія, когда указываютъ на живость въ памяти современниковъ Златоуста того событія изъ церковной жизни, къ которому онъ пріурочиваетъ свое сочиненіе. Но время написанія самъ же Златоустъ опредѣляетъ точнѣе. Вотъ уже двадцатый годъ, говоритъ онъ, идетъ съ тѣхъ поръ *(ἰδοὺ γὰρ εἰκοστὸν ἔτος ἐστὶν ἐξ ἐκείνου λοιπόν)* и ничто изъ зданія, пощаженнаго пламенемъ, не погибло, но твердо и крѣпко стоятъ части его etc. (Ibid, pag. 684). Такъ онъ говоритъ о попыткѣ Юліана возстановить іерусалимскій храмъ, а это относится къ 362 году. Слѣдовательно, прибавляя 20-лѣтній періодъ, мы получаемъ годъ 382, -время написанія указанной апологіи. Или, если допустить, что Златоустъ не опредѣляетъ здѣсь точно хронологическую дату, должно отнести написаніе апологіи къ времени около 382 года и несомнѣнно во время діаконства Златоуста.

пиршествъ и разврата. Для уничтоженія безобразій при Галлѣ въ Дафнѣ былъ построенъ храмъ и перенесены мощи св. Вавилы. Нравственная цѣль была достигнута, безобразія прекратились (pag. 664—666), прекратились и прорицанія въ капищѣ Аполлона. Въ 362 году Юліанъ, ревностный приверженецъ язычества, приказалъ удалить мощи св. Вавилы изъ Дафны, надѣясь возстановить капище Аполлона во всемъ блескѣ. Мощи св. Вавилы съ необыкновенною торжественностію были перенесены въ Антіохію, но торжества язычества не послѣдовало. Вскорѣ по перенесеніи мощей Вавилы храмъ Аполлона былъ истребленъ огнемъ, но такъ что его нижнія части остались на память грядущимъ поколѣніямъ, какъ доказательство ничтожества идоловъ [1]). Такимъ образомъ, добродѣтель христіанства восторжествовала надъ языческими суевѣріями. Обширная книга Златоуста о св. Вавилѣ начинается общимъ обозрѣніемъ исторіи христіанства. Исторія Евангельская, по Златоусту, наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что Христова истина восторжествовала надъ ухищреніями лжи міра. Смыслъ и основаніе этого несомнѣннаго закона исторіи домостроительства человѣческаго спасенія заключается въ самомъ содержаніи истины, въ ея существѣ. Сила истины не нуждается ни въ какой помощи, но, хотя бы тысячи людей старались заглушить ее, она не только не истребляется, но чрезъ самыхъ притѣснителей своихъ становится блистательнѣе и возвышеннѣе, посмѣеваясь надъ бѣснующимися и тщетно изнуряющими самихъ себя [2]). Отсюда слѣдуетъ для Златоуста выводъ относительно средствъ сообщенія людямъ Христовой истины. Сила истины, исходя изъ самаго существа послѣдней и обращаясь къ внутреннему опыту людей, не нуждается во внѣшней насильственной помощи, поэтому христіанамъ не позволяется ниспровергать заблужденіе принужденіемъ и насиліемъ, но заповѣдано убѣжденіемъ, словомъ и кротостію совершать спасеніе человѣческое [3]). Внѣш-

[1]) Точныя, подробныя и ясныя свѣдѣнія о св. Вавилѣ и о всѣхъ событіяхъ пріуроченныхъ къ его личности, находятся въ самомъ словѣ Златоуста, отчасти же мы заимствовали ихъ у Монфокона tom. II, in duos sermones in Sanctum Babylam, episcopum Antiochenum et martyrem admonitio, pag. 633—634.

[2]) Lib. in s. Babylam, pag. 644.

[3]) Ibid. pag. 645.

нія насильственныя средства излишни даже для устраненія внѣшнихъ препятствій къ распространенію истины, такъ какъ ея самодовлѣющая сила преодолѣваетъ все и проявляется преимущественно среди препятствій и гоненій, при условіяхъ скорби, преслѣдованія и борьбы, но—не свободы и спокойствія [1]). Свѣтъ никогда не будетъ мракомъ, пока онъ свѣтъ, и истина нашихъ дѣлъ не опровергается, потому что она истина, а сильнѣе ея нѣтъ ничего [2]). Исторія показываетъ, что во времена гоненій христіанство было сильнѣе, чѣмъ во времена мира. Когда, говоритъ Златоустъ, восходитъ на царскій престолъ кто нибудь согласный съ нами въ исповѣданіи Бога, тогда христіане бываютъ въ беззаботномъ состояніи,—такъ мало они возвышаются почестями. Когда же получитъ власть человѣкъ нечестивый, вездѣ преслѣдующій насъ и подвергающій безчисленнымъ бѣдствіямъ, тогда наше положеніе бываетъ превосходно и блистательно, тогда время доблестей и трофеевъ, тогда случай достиженія вѣнцовъ, похвалъ и всякаго отличія [3]). Указавъ, такимъ образомъ, существенную сторону христіанской истины—ея самодовлѣніе, Златоустъ въ лицѣ священно-мученика Вавилы рисуетъ образъ идеальнаго служителя истины, глубоко вѣрующаго въ силу послѣдней, самоотверженнаго борца и защитника ея. Онъ указываетъ фактъ отлученія св. Вавилою отъ Церкви императора, измѣнившаго истинѣ. Того, кто владѣлъ большею частію вселенной, обладалъ многими народами, многими городами, безчисленными войсками и былъ страшенъ вездѣ, какъ по величію своей власти, такъ и по жестокости своихъ нравовъ, Вавила отлучилъ отъ Церкви съ такою твердостію и съ такимъ безстрашіемъ, съ какимъ пастухъ отдѣлилъ бы отъ стада паршивую и больную овцу. Онъ сдѣлалъ это, подтверждая на дѣлѣ слова Спасителя, что рабъ только тотъ, кто совершаетъ грѣхъ, хотя бы онъ имѣлъ на головѣ своей тысячу вѣнцовъ, хотя бы казался владыкою всѣхъ людей, а кто не сознаетъ ничего худаго, тотъ, хотя бы былъ въ числѣ подданныхъ, царственнѣе всѣхъ царей. Такимъ обра-

---

1) Ibid.
2) Ibid. pag. 647.
3) Ibid. pag. 654.

зомъ, подначальный распоряжался начальникомъ и подчиненный судилъ владѣвшаго всѣми и произносилъ осуждавшій его приговоръ [1]) — и все это онъ дѣлалъ спокойно и кротко, потому что душа его была проникнута духовною солію [2]). Послѣднее и составляетъ необходимый элементъ личности истиннаго служителя истины. Врачи, когда имъ нужно разрѣзывать загноившіеся члены, или остановить въ нихъ воспаленіе, приступаютъ къ врачеванію, не приводя себя напередъ въ грѣхъ, а напротивъ тогда особенно и стараются соблюсти душу въ спокойномъ состояніи. Если же тотъ, кто хочетъ лечить тѣло, имѣетъ нужду въ такомъ спокойствіи, то врачующему душу нужно быть въ высшемъ и превосходнѣйшемъ состояніи спокойствія и любомудрія [3]). Индивидуальный фактъ духовнаго врачеванія, въ силу свойствъ своей природы, долженъ, однако, достигать и достигаетъ общихъ цѣлей. Хотя отлученный былъ одинъ, но пользу отъ этого получили многіе, всѣ невѣрующіе были поражены и удивились, узнавъ, какое дерзновеніе сообщаетъ Христосъ рабамъ своимъ [4]). Частный фактъ самъ по себѣ, какъ бы онъ ни былъ блестящъ и удивителенъ, не имѣетъ, однако, цѣны, если онъ не служитъ средствомъ для общей цѣли, поэтому хорошій человѣкъ долженъ дѣлать все для общей пользы и для исправленія жизни другихъ [5]). Святой Вавила былъ подвергнутъ мучительной смерти за свою пастырскую ревность, но эта смерть была для него радостію, потому что святые, любя Господа, съ великимъ усердіемъ принимаютъ страданія за Него и становятся болѣе радостными [6]). Одно только можетъ доставлять печаль истинному пастырю,—это погибель грѣшника и его упорное пребываніе во злѣ [7]). Подробно изслѣдовавъ обстоятельства смерти Вавилы, Златоустъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы пастырскаго характера. „Блаженный своимъ поступкомъ обуздалъ невѣрныхъ, а вѣрныхъ сдѣлалъ бо-

---

[1]) Ibid. pag. 651.
[2]) Ibid. pag. 653.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid. pag. 654.
[5]) Ibid. pag. 656.
[6]) Ibid. pag. 662.
[7]) Ibid. pag. 661.

лѣе благочестивыми, не только частныхъ людей, но и воиновъ, и военачальниковъ, и градоначальниковъ, показавъ, что и царь, и послѣдній изъ всѣхъ, у христіанъ суть одни только имена, что и носящій діадиму не лучше самаго послѣдняго, когда онъ долженъ быть обличенъ и наказанъ. Онъ принесъ пользу имѣющимъ впослѣдствіи священствовать и царствовать. У первыхъ возвысилъ умъ, показавъ, что получившій священство есть болѣе властный блюститель надъ землею и надъ совершающимся на землѣ, нежели носящій багряницу и что надобно не уменьшать величіе этой власти, но скорѣе отказываться отъ жизни (точнѣе—отъ души, τῆς ψυχῆς), нежели отъ правъ, которыя Богъ свыше далъ этой власти [1]). Если не безопасно лицемѣрить тогда, когда обижаютъ человѣка, то какого наказанія не будетъ достоинъ тотъ, кто молчалъ и не обращалъ вниманія, когда оскорбляемы были законы божественные? [2]). Пастырскій подвигъ св. Вавилы былъ дѣломъ свободнаго произволенія, а не необходимости, въ знакъ этого святой завѣщалъ погребсти вмѣстѣ съ его прахомъ и знаки его подвиговъ, выражая, что ему весьма пріятны и любезны эти узы по сильной любви, привязывающей его ко Христу. И теперь, говоритъ Златоустъ, лежатъ эти узы вмѣстѣ съ его прахомъ, внушая всѣмъ предстоятелямъ церквей, что, хотя бы имъ надлежало быть связанными, или быть убитыми, или потерпѣть что либо подобное, все они должны переносить охотно и съ великимъ удовольствіемъ, дабы не измѣнить и не постыдить ввѣренной имъ власти ни въ малѣйшей части [3]). Св. Вавила, такъ заключаетъ Златоустъ излагаемую книгу, показалъ, какое различіе между священствомъ и царскою властію, укротилъ всю мірскую гордость и попралъ житейское тщеславіе, научилъ царей не простирать своей власти далѣе назначенной имъ отъ Бога мѣры, показалъ и священнымъ лицамъ, какъ должно имъ пользоваться своею властію [4]).

Мы подробно остановились на содержаніи книги Златоуста о св. Вавилѣ въ виду ея особенной важности для ха-

[1]) Ib. pp. 657—658.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. pag. 662.
[4]) Ibid. pag. 689

рактеристики изучаемаго періода жизни великаго пастыря Церкви. Въ раннюю пору своей жизни, когда Іоаннъ имѣлъ еще привязанность къ міру и землѣ, зрѣлъ въ немъ великій идеалъ пастырства. Скоро настала пора призванія его къ пастырскому служенію. Сознаніе своего недостоинства и личныхъ недостатковъ по сравненію съ идеаломъ священства побудило Златоуста отказаться отъ предлагаемаго ему высокаго служенія и бѣжать въ пустыню отъ міра, чтобы путемъ аскетизма подъ руководствомъ великихъ подвижниковъ духа, въ созерцаніи природы, въ размышленіи о судьбахъ Божіихъ, въ самоуглубленіи и самопознаніи стяжать себѣ то высокое душенастроеніе, какое представлялось ему необходимымъ условіемъ для достойнаго принятія пастырской благодати. Продолжительнымъ и суровымъ искусомъ онъ пришелъ къ сознанію безъисходности и безцѣльности человѣческой жизни, коль скоро она имѣетъ строго индивидуальный характеръ, такая жизнь безсмысленна и безцѣльна. Онъ понялъ, что смыслъ жизни—въ служеніи ближнимъ, въ посвященіи себя на служеніе общественному благу,—созиданію ближнихъ и умиротворенію міра. И вотъ онъ вышелъ изъ уединенія, оставилъ пустыню и безропотно, покорно отдался волѣ Божіей и волѣ епископа, призвавшаго его къ священному служенію въ низшей степени — діакона. Въ продолжительный сравнительно періодъ этого служенія онъ внимательно изучалъ жизнь, человѣческія страданія, борьбу страстей, законы духовной жизни, поскольку уже самыя обязанности діаконскаго служенія ставили его лицомъ къ лицу съ жизнію во всѣхъ ея лучшихъ и дурныхъ сторонахъ. Любовь къ ближнимъ, горячее желаніе дать людямъ миръ, уврачевать духовныя страданія, желаніе, ощущавшееся имъ, какъ внутренній огнь въ его душѣ, — все это влекло его къ пастырскому служенію. Строго говоря, уже самое возвращеніе его изъ пустыни въ Антіохію слѣдуетъ считать выраженіемъ опредѣлившейся въ немъ готовности принять пастырскій санъ. Но онъ сознавалъ нужду въ нѣкоторомъ изученіи жизни, ея условій и законовъ, примѣнительно къ началамъ духовнаго возрожденія, какія даны были въ его внутреннемъ опытѣ послѣ многолѣтняго аскетическаго искуса. Его готовность къ пастырскому служенію не стоитъ, однако, въ

прямой противоположности съ тѣмъ отказомъ и бѣгствомъ отъ священства, которые имѣли мѣсто прежде, чѣмъ онъ прошелъ аскетическую школу. Тамъ, — его отказъ имѣлъ свое основаніе въ смиреніи и сознаніи личнаго недостоинства, здѣсь, — его готовность нести иго Христово объясняется его любовію къ людямъ, покорностію волѣ Божіей и яснымъ сознаніемъ цѣли и смысла человѣческой жизни. Онъ не утратилъ того высокаго пастырскаго идеала, который нашелъ свое выраженіе въ вдохновенныхъ и возвышенныхъ словахъ о священствѣ, нѣтъ, этотъ идеалъ былъ присущъ его душѣ во всю его жизнь до того послѣдняго момента жизни, когда онъ умеръ въ отдаленной Арменіи съ своимъ классическимъ изреченіемъ на устахъ: „слава Богу за все"! Пастырскій идеалъ Златоуста дышетъ во всѣхъ его многочисленныхъ и дивныхъ твореніяхъ, въ каждомъ предпріятіи, въ каждомъ поступкѣ его ревностной пастырской дѣятельности. Готовность же его принять на себя иго Христово, при сознаніи своего недостоинства и высоты пастырскаго идеала, объясняется тѣмъ, что путемъ аскетическаго искуса Златоустъ открылъ въ своемъ духѣ, позналъ и изучилъ тѣ законы и основанія, на которыхъ возможно примиреніе неба и земли,- высокаго идеала пастыря съ личнымъ недостоинствомъ кандидата священства. Эти законы—суть законы любви и самоотреченія. Сознавая непреложность, силу и вседѣйственность этихъ законовъ, Златоустъ принялъ на себя иго пастырскаго служенія, какъ самый непоколебимый стимулъ осмысленной и цѣлесообразной жизни. Къ сознанію указанныхъ законовъ Златоуста привело двойное воспитаніе, которое онъ прошелъ: воспитаніе аскетическое и воспитаніе общественное, воспитаніе пустыни и воспитаніе жизни.

Поставленіе Іоанна въ степень пресвитера, относящееся несомнѣнно къ 386 г. [1]), было совершено преемникомъ Ме-

[1]) Мы утверждаемъ это на основаніи слѣд. соображенія.—Несомнѣнно извѣстно, что Златоустъ былъ взятъ на архіепископскую каѳедру Константинополя по смерти Нектарія, которая, по согласному свидѣтельству историковъ, относится къ 20 сентября 397 года (Socr. lib. VI, cap. 2). Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти прошло въ борьбѣ партій, желавшихъ возвести на архіепископскую каѳедру каждая своего кандидата. Время этихъ споровъ не превышаетъ, однако же, трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, такъ

летія на Антіохійской каоедрѣ,—епископомъ Флавіаномъ [1]). По свидѣтельству многихъ историковъ (Бароній, Левъ импер., Георгій Алекс. и др. поставленіе Златоуста во пресвитера было соединено со многими чудесными явленіями. Такъ, когда епископъ Флавіанъ пѣлъ въ ночное время гимны (hymnos nocturnos recitaret) ему явился ангелъ и повелѣлъ ему поставить Іоанна во пресвитера. Точно также и самому Іоанну явился ангелъ и убѣждалъ его, чтобы онъ не отказывался отъ пресвитерскаго сана. Наконецъ, во время самаго посвященія Іоанна надъ его главою былъ видѣнъ бѣлый голубь [2]). Хотя Палладій и умалчиваетъ объ этихъ чудесныхъ явленіяхъ, однако, нѣтъ основаній и къ тому, чтобы считать ихъ фиктивными, тѣмъ болѣе, что въ первой бесѣдѣ Златоуста по поставленіи его во пресвитера можно видѣть нѣкоторое подтвержденіе этихъ свидѣтельствъ. Испрашивая молитвъ за себя у своей паствы, Златоустъ говоритъ слѣдующее.—Мы нуждались въ защитѣ и прежде, когда одни проводили жизнь покойную, но когда выведены на средину,—не говорю какъ, человѣческимъ ли стараніемъ, или божескою благодатію (*εἴτε ἀνθρωπίνῃ σπουδῇ, εἴτε χάριτι θεῖα*), нисколько не спорю съ вами объ этомъ, чтобы не сказалъ кто нибудь, будто я говорю притворно. Какъ бы то ни было, но когда мы выведены и приняли на себя это крѣпкое и тяжкое иго, намъ потребны многія руки и безчисленныя молитвы, да возможемъ въ цѣлости возвратить залогъ, давшему его Господу въ тотъ день, когда получившіе таланты будутъ позваны и введены и должны будутъ отдать отчетъ [3]). Нельзя не видѣть въ этихъ сло-

какъ, по согласному свидѣтельству историковъ Златоустъ былъ рукоположенъ во епископа 26 февраля 398 года (Socr. ibid.: Sozom. lib. VIII, cap. 2). По служеніе Іоанна въ санѣ пресвитера продолжалось двѣнадцать лѣтъ (*τρὶς τέσσαρα ἔτη*,—Palladii dialog. pag. 19); вычитая это число изъ хронологической даты его посвященія во епископы, мы получаемъ 386 г., какъ начало его служенія въ пресвитерскомъ санѣ.

[1]) Таково опредѣленное свидѣтельство объ этомъ Палладія: *πρεσβύτερος χειροτονεῖται διὰ Φλαβιανοῦ τοῦ ἐπισκόπου* (Pall. dialog. pag. 19). Это совершенно согласно съ несомнѣнною датою относительно 12-лѣтняго періода его служенія въ санѣ пресвитера. Таковы свид. Баронія, Льва Мудраго, Георгія Алекс. и др. Ср. Montfauc. tom. I, pag. 533—534.

[2]) Acta Sanct. pag. 448.

[3]) Sermo cum presbyter fuit ordinatus. Montfauc. I, 541.

вахъ оратора его глубокаго убѣжденія въ своемъ благодатномъ высшемъ призваніи къ священству; единственно только смиреніе и скромность удерживаютъ его отъ восторженнаго исповѣданія чудодѣйственной и всемощной благодати Божіей, призвавшей его, долго противившагося, къ пастырскому служенію. Все содержаніе его первой рѣчи убѣждаетъ въ такомъ именно воззрѣніи Златоуста на свое посвященіе. Не смотря на близость свою къ 40-лѣтнему возрасту, Златоустъ считаетъ себя все еще юнымъ для столь великаго дѣла, каково пастырское служеніе. Ужели истинно то, что совершилось съ нами, вопрошаетъ онъ. Ужели настоящее не ночь и не сновидѣніе, но, дѣйствительно день и мы всѣ бодрствуемъ. Нынѣ все случилось, сбылось и совершилось такое, что невѣроятнѣе сновидѣній и городъ столь обширный и многолюдный, народъ чудный и великій внимаетъ нашему убожеству, какъ будто услышитъ отъ насъ что либо великое и превосходное [1]). На свое пастырство Іоаннъ смотритъ во время посвященія, какъ на великую жертву Богу, драгоцѣннѣйшую и лучшую всѣхъ другихъ жертвъ, поэтому онъ признаетъ необходимымъ для себя постоянное духовное дѣланіе, чтобы съ великимъ трудомъ собранныя, немногія духовныя блага не изчезли, оставя душу пустою и безсодержательною [2]). Съ такимъ смиреніемъ св. Златоустъ приступилъ къ пастырскому служенію, которое онъ рѣшился проходить въ полномъ вниманіи къ своему внутреннему человѣку, со всею ревностію, до послѣдняго издыханія, пока Богу угодно будетъ хранить его въ настоящей жизни.

Пресвитерское служеніе Златоуста не богато внѣшними событіями, потому что, по самому положенію своему онъ былъ не администраторомъ церкви, а проповѣдникомъ,— учителемъ народа. Во время Златоуста въ Антіохійской Церкви обязанности пресвитеровъ были раздѣлены для удобства ихъ исполненія сообразно съ способностями каждаго. Однимъ было поручено совершать богослуженіе, другимъ — завѣдывать внѣшними дѣлами, третьимъ—руководить религіозно-нравственною жизнію Церкви посредствомъ проповѣди. Послѣднія обязанности представлялись по существу

1) Ibid.

2) Ibid.

труднѣйшими, какъ объ этомъ говоритъ самъ Златоустъ въ 3 бесѣдѣ на первое посланіе къ Кориноянамъ. Благовѣствованіе, говоритъ онъ, есть дѣло важнѣйшее. Благовѣствованіе предоставлено было (въ Церкви Апостольской) немногимъ, а крестить могъ всякій, имѣвшій священство. Человѣка, наставленнаго въ вѣрѣ и увѣровавшаго, крестить можетъ и всякій другой: расположеніе приступающаго и благодать Божія довершаютъ все. А что-бы невѣрныхъ доставить въ вѣрѣ,—это требуетъ великаго труда, великой мудрости и даже представляетъ опасности. Тамъ уже все сдѣлано. Желающій принять таинство убѣжденъ въ вѣрѣ и нисколько не трудно крестить увѣровавшаго, а здѣсь (въ благовѣствованіи) нуженъ великій трудъ, чтобы перемѣнить расположеніе, исправить нравъ, уничтожить заблужденіе и насадить истину. Учительство и проповѣдь возлагались на пресвитеровъ образованнѣйшихъ и искуснѣйшихъ въ словѣ. Св. Златоустъ былъ извѣстенъ своимъ высокимъ просвѣщеніемъ и необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, поэтому ему было поручено служеніе въ качествѣ учителя и проповѣдника. Эта дѣятельность была особенно пригодна ему, особенно соотвѣтствовала складу его духовныхъ силъ, не потому только, что онъ былъ образованный, просвѣщенный и краснорѣчивый человѣкъ, но и потому, въ особенности, что онъ былъ аскетъ-подвижникъ, потому, что онъ опытно зналъ законы духовной жизни, зналъ тайну вліянія на человѣческую волю, зналъ законы возрожденія душъ. Это знаніе, весь складъ его духовной жизни, неослабное личное духовное совершенствованіе дѣлало его всесильнымъ духовнымъ владыкою надъ толпой, которая была готова на все по одному слову знаменитаго подвижника пастыря. Его внутренняя мощь дѣлали его центромъ церковной жизни, двигателемъ народныхъ массъ, не смотря на то, что всѣ административныя мѣропріятія его времени шли помимо его личнаго участія. Одною только силою духа, однимъ только нравственнымъ вліяніемъ своимъ силенъ былъ Златоустъ настолько, что могъ вести безоружно побѣдоносную борьбу съ внѣшнею силою, со всѣмъ зломъ тогдашней жизни. Одинъ внѣшній видъ Златоуста [1]), одно его появленіе на каѳедрѣ

[1]) У Іоанна Евхаитскаго мы находимъ слѣдующее описаніе внѣшняго вида Златоуста.—Божественный Златоустъ, говоритъ онъ, былъ небольшаго

уже дѣлало его владыкою многочисленныхъ слушателей. Его глубокій проницательный взоръ при большихъ и впалыхъ глазахъ, смотрящихъ кротко, смиренно и любовно, привлекалъ къ нему сердца и вливалъ елей обновленія въ разслабленныя души. Вообще, его внѣшность была точнымъ отпечаткомъ его великаго духа. Его непобѣдимая и всемощная власть надъ людьми не была лишь минутнымъ торжествомъ внѣшняго краснорѣчія и не оно привлекало къ нему сердца, но-полнота его духовной жизни, постоянное внутреннее дѣланіе, вниманіе къ себѣ, пареніе духа къ Богу, пламененіе любовію къ ближнимъ,—вотъ что дѣлало его неизсякаемымъ сосудомъ благодати. И неудержимо текъ благодатный источникъ его пастырскаго слова, орошая грѣховное поле, обращая сухую, грязную и безплодную почву въ прекрасный садъ Божій, въ плодоносную и богатую ниву.

Л. Соколовъ.

роста (brevi statura), имѣлъ большую и высокую голову (magno elatoque capite), былъ весьма худощавъ, имѣлъ правильный носъ съ прилично выдавшимися ноздрями, бѣлое и очень блѣдное лицо, впалые и луковичные глаза (oculis cavis et bulbosis). Это дѣлало то, что Златоустъ возбуждалъ пріятное чувство и внушалъ довѣріе къ себѣ, хотя бы онъ былъ настроенъ печально и вдумчиво. Чело имѣлъ большое, открытое и испещренное многочисленными морщинами, большія уши, узкую и очень рѣдкую бороду, прорѣзанную очень рано сѣдыми волосами, лицо впалое и вдумчивое отъ суровой и подвижнической жизни (см. Acta Sanct. t. IV, p. 692). Ясно можно видѣть всѣ указанныя черты внѣшняго вида Златоуста на снимкѣ, помѣщенномъ въ I томѣ изд. Fronto-Ducaeus Златоуст. твореній. Имѣющееся тамъ изображеніе Златоуста носитъ слѣдующее надписаніе: *ὁ ἅγιος Χρυσόστομος*, въ рукѣ его свитокъ съ словами: „держися духовныхъ, презирай житейскихъ“. Внизу подпись: „изъ древнія зѣло иконы, въ Константинѣ поли древле написанныя, сей святаго Іоанна Златоустаго образъ тисненіемъ мѣднымъ тщахомся изобразити, ему же извѣстно согласуются греческія мѣсяцесловы, идѣже той написуется малымъ возрастомъ, великою главою, пространнымъ и морсковатымъ челомъ, очесы, внутрь входящими, смиренными и благопріятными, впадшимъ лицемъ сухости ради, рѣдкою, краткою и просѣдою брадою“. На древнихъ иконахъ св. Златоустъ изображается въ срединѣ или съ Василіемъ Великимъ и Григоріемъ Назіанзиномъ, или съ Василіемъ Великимъ и Николаемъ Мирликійскимъ.

2007081225